

Бернард Клервоский

О размышлении

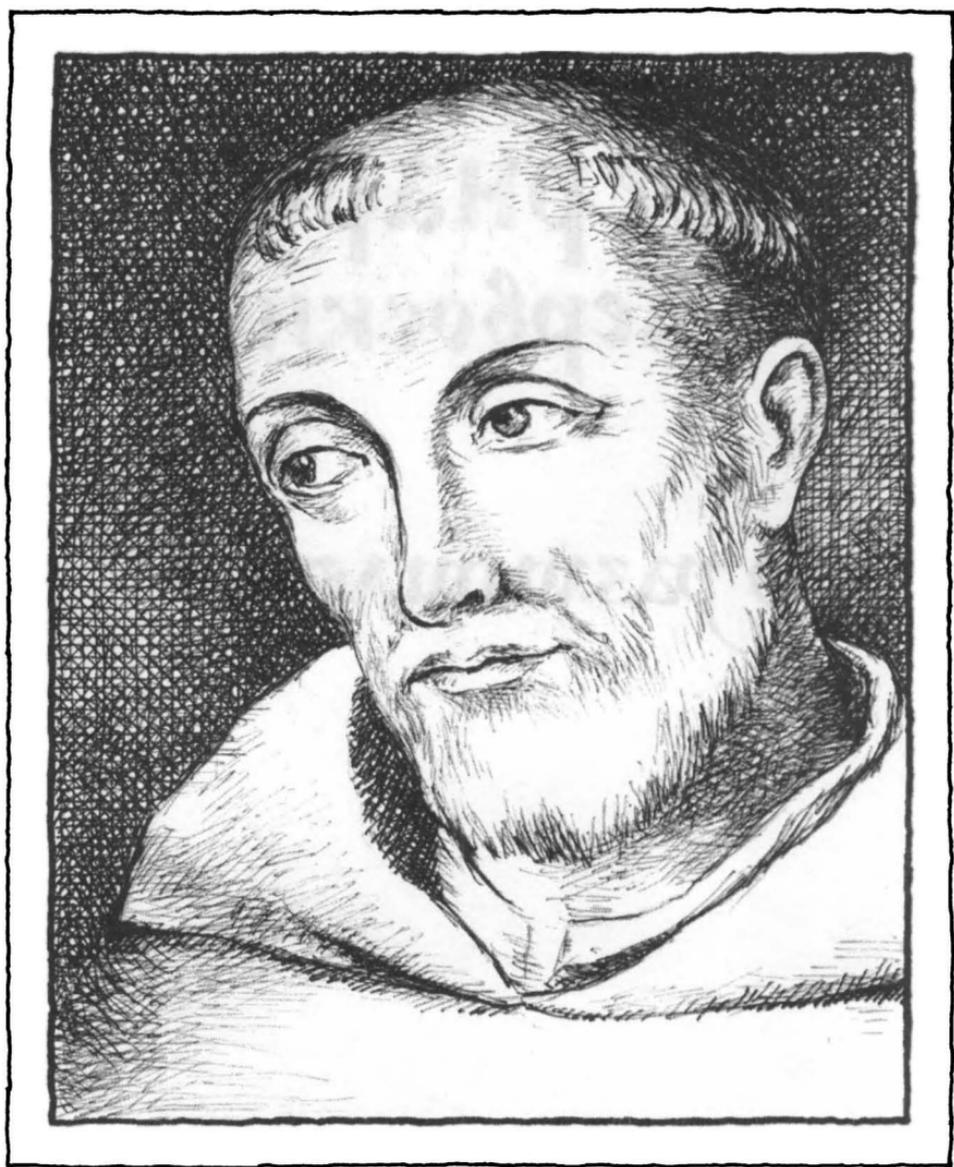

святой
Бернард
Клервоский

О размышлении

Издательство Францисканцев
Москва 2017

О размышлении

FONS MONACHORUM
источники

Латинский текст книги св. Бернарда Клервоского

DE CONSIDERATIONE LIBRI QUINQUE AD EUGENIUM TERTIUM

CM.: PATROLOGIAE CURSUS COMPLETUS: SERIES LATINA.

Ed. J.-P. Migne. Paris, 1841–1864. T. 182. Col. 727–808.

Перевод: *Юлия Куркина*

Научный редактор и богословский консультант:

о. Мариано Хосе Седано Сьерра CMF

Редакторы: *о. Николай Дубинин OFMConv., Игорь Баранов*

Иллюстрации: *Владимир Черняев, о. Андрей Буко OFMConv.*

Верстка: *Татьяна Шишова*

Дизайн: *Иван Сердюков*

Книгу *De consideratione* святой Бернард Клервоский (1090–1153), выдающийся богослов, церковный деятель и миротворец, относил к числу своих главных сочинений. Он адресовал ее собрату-цистерцианцу, вопреки ожиданиям ставшему Папой Евгением III. Но размышления автора могут помочь найти духовные ориентиры и современному человеку. Перевод этого труда на русский язык выполнен впервые.

- © Для русского издания — Централизованная религиозная организация Конференция монашествующих Католической Церкви, 2017
- © Для русского издания — НО Издательство Францисканцев, 2017

ISBN 978–5–89208–131–3

Централизованная религиозная организация
Католический Орден Францисканцев в России

Предисловие к русскому изданию

Может ли книга, написанная 900 лет назад, быть жгуче актуальной?..

Когда мы около года назад приняли решение перевести *De Consideratione* святого Бернарда Клервоского на русский язык, меня спросили, может ли в средневековом сочинении быть что-либо действительно интересное для людей нашего времени. Мы, историки, привыкли (и обоснованно) думать о прошлом как об источнике многих сокровищ, которые надо открыть как можно большему числу людей. Пытаясь это сделать, мы почти всегда сталкиваемся с одним значительным препятствием — с господствующим в нашем современном обществе менталитетом, которому свойственна склонность к преходящему, новому и непосредственно актуальному. Даже идя в супермаркет покупать продукты, мы смотрим на срок годности, чтобы не получить неприятный сюрприз. Все старое теперь кажется ненужным, вышедшим из употребления, мертвым, лишенным всякого интереса и даже опасным.

Эта книга — своего рода вызов. Мы приглашаем читателей снять печать с этого старинного «продукта», не соответствующего, так сказать, законам «здорового потребления». Надеюсь, они отважатся открыть книгу и погрузиться в чтение и размышление над прочитанным. В этом случае они тотчас заметят, что темы, которые затрагивает гениальное перо святого Бернарда, — это вечные вопросы о человеке, и их осмысление Бернардом, его советы и интерпретации неизменно важны и ценны. Это один из тех трудов, которые не теряют ценность с исчезновением исторического контекста, в котором они появились на свет. Он создан для того, чтобы мы положили его в хранилище своей души и могли время от времени пригубить его вино — выдержанное и вместе с тем молодое, ведь это, как говорил Фукидид о подлинно исторических творениях, нечто, «приобретенное навсегда».

Интересно, что всего за несколько месяцев до того, как Папа Бенедикт XVI привел в недоумение весь мир, оставив римский престол, один немецкий журналист, Петер Севальд, бравший интервью у Папы, сказал ему следующее: «По мнению святого Бернарда, Папа во всех своих заботах и делах должен уметь видеть целое, сохранять дистанцию и способность принимать решения перед лицом неизбежных злоупотреблений, в особенности неизбежных в папском окружении». Как вы догадались, эти слова — цитата из книги, которую мы предлагаем вашему вниманию.

Из ответа Бенедикта XVI совершенно ясно, что, во-первых, этот труд святого Бернарда хорошо ему знаком; во-вторых — что он его высоко ценит. Вот что он ответил: «Главная тональность — действительно та, о которой Вы сказали: нельзя с головой уйти в деятельность! Ведь делать нужно настолько много, чтобы можно было трудиться без передышки. Не потеряться в деятельности — значит сохранить *consideratio*, пронцательность, умение видеть ясно и вглубь, внутреннее взвешивать... Чтобы сохранить эту цельность видения, внутреннюю сосредоточенность, которые дают возможность увидеть самое главное, Папа в самом деле должен отдать многое в руки других людей». Быть может (это наше личное мнение),

на его решение оставить римскую кафедру «в руках других» в какой-то степени повлияли размышления над текстом святого Бернарда.

13 марта 2013 года, тоже совершенно неожиданно почти для всех, преемником Бенедикта XVI на кафедре святого Петра был избран архиепископ Хорхе Марио Бергольо, взявший имя Франциск. После VII века это первый Папа не европейского происхождения; вдобавок, первый Понтифик из Общества Иисуса. С первого момента своего появления на балконе базилики Святого Петра и до сих пор он не перестает всех удивлять. Его представление о пастырском служении преемника апостола Петра, стиль жизни, его красноречивые и для многих вызывающие поступки и жесты, его внутренняя близость с простыми людьми, отказ от всякой помпы и проявления власти, его намерение направить всю Церковь, в том числе Римскую курию, на служение евангелизации и на заботу о бедных, — все это вызывает самые разные и противоречивые реакции. Некоторые обвиняют его в новаторстве и революционности, в забвении церковных традиций. Трудно сказать, знаком ли Папа Франциск с этим сочинением святого Бернарда, но очевидно, что многие его действия, вызывающие такое внимание и изумление, совершенно отвечают духу книги, которую мы представляем. Уже поэтому интересно было ее перевести.

Само создание книги было продиктовано желанием святого Бернарда помочь человеку, который не был ни расположен, ни подготовлен к исполнению тяжелых обязанностей епископа Рима и вселенского пастыря. Эти страницы написаны для Пьетро Паганелли, монаха-камальдула из Пизы, который затем, восхищенный духовной силой святого Бернарда, поступил к нему в аббатство Клерво, где принял имя своего духовного наставника и друга. Когда Папа Иннокентий II попросил прислать в Рим нескольких монахов из Клерво, святой Бернард во главе небольшой делегации отправил своего тезку. Цистерцианцы поселились в монастыре Святого Анастасия (ныне аббатство «У Трех Фонтанов»), где аббат Бернард очень скоро стал предметом всеобщего уважения и любви. В 1145 году во время народного возмущения Папа Луций II был убит

брошенным в голову камнем. Его преемником кардиналы избрали Бернарда, аббата монастыря Святого Анастасия, взявшего себе имя Евгения III. Его избрание было неожиданным для всех, потому что этот человек был простым монахом и не имел ни административного опыта, ни опыта работы в Римской курии. По какой причине кардиналы его избрали, до сих пор неизвестно. Может быть, в той беспокойной и чреватой мятежом атмосфере они подумали, что только святой и смиренный человек сможет спасти положение римского престола.

Святой Бернард Клервоский, который тоже не ожидал такого исхода дела, написал избравшим Папу кардиналам: «Да простит вам Бог то, что вы сделали (...). Вы втянули в общественные дела и швырнули в водоворот бесчисленных хлопот человека, который бежал и от того, и от другого (...). Неужели не нашлось среди вас мудрых и опытных людей, способных нести бремя понтификата? По правде говоря, нелепо, что вы выбрали столь уничиженного и некрепкого силой человека надзирать за королями, править епископами и располагать царствами и империями. Не знаю, считать ли случившееся неразумием или чудом» (Письмо 237). Вместе с тем Бернард сразу с полной искренностью пишет своему духовному сыну и другу, новому Папе: «Если тебя посылает Христос, помни: ты призван не для того, чтобы тебе служили, но чтобы послужить. Надеюсь, Господь сподобит меня быть свидетелем того, как Церковь возвращается к временам, когда Апостолы закидывали сети, желая уловить души, а не серебро и золото» (Письмо 238).

Итак, озабоченность несоответствием бывшего монаха выпавшим на его долю обязанностям была первой причиной, по которой Бернард взялся за перо. Кроме того, об этом попросил своего духовного учителя сам Папа Евгений III. Бернард принял просьбу очень близко к сердцу и посвятил ее исполнению львиную долю своего времени и сил в последние годы жизни, постоянно перечитывая и исправляя текст вплоть до самой смерти. Сам он считал эту книгу вместе с комментарием на Песнь Песней (который вскоре также будет опубликован в Издательстве Францисканцев) главными своими сочинениями.

С первых же слов Бернард откровенно говорит о противоречивых чувствах, которые его переполняют, но им движет любовь, которая видит не папскую тиару, а лицо любимого духовного чада, нуждающегося в совете и поддержке. Именно любовь к собрату, ставшему Папой, дает Бернарду возможность оставить все опасения и говорить искренне и от сердца. Как и всем его творениям, этому тексту присуща в высшей степени связная, стройная манера выражения мыслей, изящные переходы от одной темы к другой, ясность и убедительность аргументов, духовная глубина и пророческая сила обличения. Некоторые комментаторы сравнивали эту книгу с формой цистерцианских аббатств или храмов, которые отличаются строгой, но изысканной красотой, лишены ненужных декоративных деталей, соединяют в себе разные архитектурные элементы и почти неприметно создают ощущение удивительного гармонического единства.

Надеюсь, этих нескольких слов достаточно, чтобы побудить читателей принять вызов и взяться за чтение этой удивительной книги, которая — я уверен — не обманет ничьих ожиданий. Вероятно, многие найдут в ней ключ к верному пониманию нынешнего состояния Церкви; но несомненно, что она способна всем предложить духовный ориентир, помогающий, как Бернард советует Евгению III, распознать и осмыслить то, что «в тебе, над тобой, под тобой и вокруг тебя», то есть самих себя, то, что от нас зависит, то, что нас окружает, и то, что нас превосходит. Таков неизменный путь мудрости — вчера, сегодня и всегда.

Библия святого Бернарда

«Возможно, во всей христианской традиции нет ума, который бы воспринял Библию во всей ее совокупности и в деталях, причем не только сам текст, но и ход мыслей, так полно, как святой Бернард» (Й. Лортц). Действительно, Бернард настолько проникнут Священным Писанием и использует его так много и так необычно, что кажется, будто он не следует за ним, а опережает его. Пере-

водя тексты Бернарда, мы видим, что он буквально дышит Библией, что Слово Божие явно или косвенно присутствует во всех его рассуждениях. Кто-то подсчитал, что примерно каждые две строки Бернард цитирует какой-либо библейский текст.

Часто мы сталкиваемся с расхождениями между библейскими текстами, которые приводит Бернард, и их русской версией. Более того, иногда его цитаты не совпадают даже с самой Вульгатой, которая лишь после Тридентского собора стала официальным текстом Католической Церкви. Какую же Библию использовал святой Бернард? И как? Прежде всего, нам следует понять, что для него Библия с детства была своего рода средой обитания. Для людей того времени, особенно для монахов, это была книга книг, не только писаная, но и слышанная, петая, неустанно повторяемая, знакомая почти наизусть. Так вот, прежде чем святой Иероним начал переводить Библию с греческого и еврейского на латинский язык, существовали разные варианты латинских библейских текстов. Эта латинская Библия, предшествовавшая Иерониму, известна как *Vetus Latina*. Возможно, уже во II в. и, несомненно, в III в. существовали переводы Евангелий, Посланий, Псалмов. Эта древняя версия Библии использовалась в основном в богослужении и у Отцов Церкви.

Нам известно, что у Бернарда был экземпляр Вульгаты, тщательно переписанный, исправленный и полный примечаний и толкований, сделанных им самим на полях. Но часто он использует не Вульгату, а другие известные ему переводы. Он чувствует свободу использования тех версий, которые больше соответствуют его размышлениям, позволяют глубже осмыслить свой духовный путь.

свящ. Мариано Хосе Седано Сьерра СМФ

О размышлении

Пролог

Святейший Отец Евгений, я желал бы написать для Вас нечто, что могло бы Вас наставить, быть Вам приятно или утешить Вас. Но я колеблюсь, не зная, делать это или нет: мысль о величии Понтифика и моя сердечная склонность сдерживают это желание и вместе с тем пробуждают его еще более, ибо, когда первая побуждает меня к сдержанности, вторая заставляет высказаться. В эту борьбу вмешивается также Ваше снисхождение, но не для того, чтобы требовать, как оно имело бы право, а для того, чтобы смиренно просить меня написать. Как я могу оставаться в нерешимости, если Ваше величие снизошло до меня? В конце концов, какое значение имеет то, что Вы вознесены на кафедру святого Петра? Даже если бы Вы, носимый на крыльях ветра, попытались выскользнуть из моего сердца, Вам бы это не удалось. Для него Вы — не господин, а возлюбленный сын, даже в тиаре Понтифика. Впрочем, тот, кто любит, естественным образом повинуетя; ему приятно исполнять волю другого, а поскольку он повинуетя совершенно бескорыстно, то и почитает добровольно. Впрочем, о многих ли можно так сказать? Сколько действуют только из страха или

тщеславия, рассыпаются в излияниях преданности, тогда как сердце их полно злых чувств! Внешне они преданны, но когда в них нуждаются, никто не знает, где их искать. Не так любовь, которая никогда не перестает (см. 1 Кор 13, 8). Что касается меня, хоть я и не должен уже быть для Вас матерью, я испытываю к Вам материнскую нежность. Вы столь глубоко вошли в мое сердце, что теперь почти невозможно вырвать Вас оттуда. Так что возвышайтесь до небес, сколь Вам угодно, или спускайтесь на дно бездн, если пожелаете, — Вам не избежать моей любви; я пойду за Вами, куда бы Вы ни пошли (ср. Лк 9, 57). Если я полюбил Вас, когда Вы были бедны, то не для того, чтобы разлюбить, когда Вы стали отцом всех — бедных и богатых. Ибо, насколько я знаю, чтобы стать отцом нищих, Вы сохранили нищету сердца, и перемена, которая произошла с Вами, никак не произошла в Вас. Мне отрадно думать, что высокое достоинство, которым Вы наделены, не изгладило Вашего прежнего состояния, а приложилось к нему. Вот почему я позволю себе давать Вам советы, пусть не как наставник, но как мать и друг. Быть может, меня сочтут безрассудным оттого, что я поступаю так, но полагаю, что могу прослыть таковым лишь в глазах тех, кто никогда не любил и не познал силы любви.

Книга I

Глава 1

Святой Бернард вместе с верховным Понтификом скорбит о том, сколь тот обременен многообразными заботами

1. С чего мне начать? С Ваших занятий, ибо о них-то я более всего скорблю вместе с Вами и за Вас. Я говорю «с Вами», если Вы тоже о них скорбите, в противном случае я должен бы довольствоваться тем, чтобы сказать, что скорблю за Вас; ибо невозможно разделить с другим скорбь, которой тот не испытывает. Итак, если Вы скорбите, то и я с Вами; если нет, то я все же скорблю, и даже весьма, зная, что член, потерявший чувствительность, почти погиб, а также зная, какой дурной знак для больного не чувствовать своего недуга. Однако не дай мне Бог счесть, что таково Ваше состояние. Я слишком хорошо помню, с каким блаженством Вы еще совсем недавно предавались уединению; и не могу поверить, что Вы тотчас позабыли о нем и уже стали нечувствительным к столь недавней утрате. Когда рана свежа и кровоточит, она причиняет боль; а у Вашей еще не было времени зажить и утратить чувствительность. Так что согласитесь: у Вас довольно предметов

для скорби и печали, ибо Вы каждый день переживаете потери. Если я не ошибаюсь, для Вас истинное горе чувствовать себя [как бы] вырванным из объятий своей Рахили¹, и всякий раз, как это происходит, Вы вновь страдаете. А когда же этого не происходит? Как часто Вы желаете чего-либо, но тщетно; Вы предпринимаете что-либо, но не можете довести до конца! Сколько усилий пропадает напрасно! Как часто Вам приходится страдать от мук рождения² и ничего не производить на свет! Двадцать раз Вы беретесь за что-либо, и всякий раз Вас прерывают; Вы прядете кудель, а нити рвутся прямо под пальцами. Так и говорил Пророк: «Дошли младенцы до отверстия утробы матерней, а [у нее] сил нет родить» (4 Цар 19, 3). Вы узнаете себя в этом, и вероятно, более чем кто-либо другой? Итак, позвольте мне сказать, что, если Вы дошли до того, что полюбили такой порядок вещей, то Вы — тучная шея Ефрема, которой приятно ярмо (см. Ос 10, 11). Однако нет, ничего подобного: чтобы было так, следовало бы оставить Вас Вашим превратным чувствам. Я от души желаю, чтобы ничто подобное не нарушало мира Вашей души; но вместе с тем не хотел бы видеть Вас равнодушным посреди всех этих занятий. Ничего так не следует опасаться, по-моему, как такого рода покоя. Вы полагаете, что до этого дойти невозможно, а я Вас уверяю, что Вы непременно дойдете до этого, если (как часто случается) привычка постепенно сделает Вас беспечным.

¹ Из пролога к «Диалогам» известно, что нечто подобное переживал Папа Григорий Великий. А Иоанн Солсберийский говорит, что достоинство понтификата было также тяжким бременем для Папы Адриана IV.

² Хорстиус, редактор и комментатор трудов св. Бернарда, дает в этом месте иной вариант его слов: «Вы совершаете усилия — и ничего не достигаете; Вы пребываете в муках рождения — и ничего не можете произвести на свет». Однако большинство ранних изданий предпочитают нашу версию, разве что с совсем небольшими вариациями.

Глава 2

О том, как привычка приводит к предосудительным
обыкновениям и к ожесточению сердца

2. Не слишком полагайтесь на свое нынешнее расположение, ибо нет [решимости] твердой настолько, чтобы время и небрежение не могли ее одолеть. Вам известно, что старые и незалеченные раны, в конце концов, покрываются толстой коркой, делающей их и неизлечимыми, и нечувствительными одновременно. Впрочем, сильная и постоянная боль не может длиться долго: если ее не утоляют, она успокаивается сама; она или ищет врачевания в утешениях, которые ей приносят, или притупляется в силу собственного постоянства. Есть ли что-либо [на свете], чего бы не могла изменить привычка? Что не притупляется с течением времени? Что не изнашивается? Сколько почтенных людей с течением времени начинали находить приятным и сладостным то, что вначале казалось им полным горечи! Послушайте, как стонает святой, восклицая: «В [нынешней] крайности моей то, до чего не хотела коснуться душа моя, составляет отвратительную пищу

мою» (ср. Иов 6, 7). Сначала груз кажется непосильным, но со временем, если мы продолжаем его нести, мы начинаем находить его менее тяжким, более терпимым и даже легким; наконец мы находим в нем удовольствие. Вот как постепенно мы черствеем сердцем, а затем впадаем в полное безразличие. А возвращаясь к моему предмету: таким же образом острая и постоянная боль постепенно уступает лекарствам или притупляется сама собой.

3. Вот почему я всегда опасался и опасуюсь до сих пор, что, слишком медля с поиском лекарства для своего недуга, Вы, не в силах больше его выносить, от отчаяния попадете в беду, из которой нет выхода. Да, я боюсь, что посреди своих бесчисленных забот, потеряв всякую надежду увидеть им конец, Вы, в конце концов, привыкнете к ним и очерствеете настолько, что перестанете ощущать праведную и душеполезную боль. Остерегайтесь, учитесь время от времени отстраняться от этих забот, если не желаете, чтобы они поглотили Вас целиком и постепенно привели туда, куда Вы не хотите. «Куда же?» — быть может, спросите Вы. «К очерствению сердца», — отвечу я. Но не спрашивайте, что я под этим понимаю; это бездна, в которую мы проваливаемся, как только перестаем ее бояться. Очерствевшее сердце не вызывает ужаса только само у себя, ибо более ничего не чувствует. Не просите меня распространяться на этот предмет; лучше вспомните фараона [египетского]. Ни один человек с ожесточившимся сердцем не может спастись, если только Бог в Своем милосердии не возьмет от него сердце каменное, как говорит пророк, и не даст ему сердце плотяное (ср. Иез 36, 26). Но что есть ожесточенное сердце? Оно неспособно терзаться укорами совести, не смягчается благоговением, его не трогают молитвы; оно равно нечувствительно к угрозам и ударам. Это сердце, которое платит неблагодарностью за благодеяния; оно ненадежно в советах, зато беспощадно в суде, чуждо всякого стыда при виде вещей постыдных, как и страха при виде опасности. Можно сказать, в нем мало человеческого, и при том оно полно бесстыдной дерзости в вещах Божественных. Прошлое оно забывает, настоящим небрежет, о будущем не заботится. Из прошлого оно помнит лишь нанесен-

ные обиды; настоящее для него ничто; в будущем его занимает лишь месть, которую оно вынашивает и готовит. Одним словом, это сердце, которое не боится ни Бога, ни людей.

Вот к чему все эти проклятые заботы, поглощающие Вас, непременно приведут, если Вы будете по-прежнему, как делали до сих пор, целиком отдаваться им, ничего не оставляя для себя. Вы теряете время и, если позволите выразиться словами Иофора (Исх 18, 18), измучаете себя в бессмысленных трудах, которые только терзают дух, иссушают сердце и ведут к потере благодати. Плоды сего я могу сравнить разве что с тонкой паутиной, сплетенной пауком.

Глава 3

О том, что князьям Церкви не подобает заниматься лишь выслушиванием исков и судебными разбирательствами

4. Я Вас спрошу: что такое с утра до вечера заниматься только участием в тяжбах или их выслушиванием? И если бы это неблагодарное занятие отнимало только дневное время! Но ведь порой и ночь проходит за ними! Для насущных потребностей Вашей природы едва остается малая передышка, а затем Вы вновь встаете, чтобы вернуться к этим разбирательствам. День передает дню нескончаемые процессы, ночь завещает ночи бесконечные затруднения, так что невозможно вздохнуть; не остается часов, твердо отведенных на отдых, а лишь редкие передышки. Разумеется, Вы, как и я, сокрушаетесь о подобном положении вещей, но что толку о нем сокрушаться, если Вы ничего не делаете, чтобы его изменить? И все же никогда не переставайте сокрушаться и остерегайтесь, чтобы длительная привычка не сделала Вас бесчувственным. «Я поразил их, а они не чувствуют боли» (ср. Иер 5, 3). Не уподобляйтесь таковым, но старайтесь пробудить в себе

чувства праведника и неустанно восклицать вместе с ним: «Увы! Что за сила у меня, чтобы держаться мне? И как надеяться видеть конец бедам моим и не потерять терпения? Ведь я не из мрамора и не из железа» (ср. Иов 6, 11). Безусловно, терпение — великая и прекрасная добродетель, но в таких вещах я Вам его не желаю; есть обстоятельства, когда лучше его не иметь. В самом деле, не думаю, чтобы Вы завидовали терпению тех, кому святой Павел сказал: «Вы столь мудры, что имеете терпение сносить безрассудных» (ср. 2 Кор 11, 19). Полагаю, что это чистая ирония, и Апостол не только не хвалит их, но насмехается над тем, как легко они обращаются к соблазняющим их лжеапостолам, и над неистощимым терпением, с каким они позволяют тем увлечь себя всевозможными нечестивыми и чуждыми учениями. Потому-то он и прибавляет после: «Вы терпите, когда кто вас поработает» (там же). Разумеется, в терпении свободного человека, который позволяет обратить себя в рабство, нет ничего хорошего. Так что я не хотел бы, чтобы Вы скрывали от себя, что каждый день, сами того не замечая, Вы поработаетесь все более, ибо ничто не свидетельствует вернее об обветшавшем сердце, чем равнодушие к собственному несчастью. «Беда, — сказал некто, — отверзает разумение» (ср. Ис 28, 19); но только тогда, когда она не слишком велика; в противном случае она вместо разумения производит безразличие. Ведь сказано, что нечестивый, достигнув дна бездны своей злобы, имеет в себе лишь безразличие и презрение (см. Притч 18, 3). Итак, пробудитесь и с ужасом стряхните с себя ненавистное иго рабства, которое не только грозит Вам, но уже давит своей тяжестью. Или Вы думаете, что Вы не в рабстве, только потому, что над Вами не один господин, а сто? Я не знаю рабства более ужасного и тяжкого, чем рабство евреев, находивших себе господ повсюду, куда бы они ни приходили. Итак, спрашиваю Вас: подлинно ли Вы свободны, независимы, господин сами себе? В какую бы сторону Вы ни обратились, повсюду Вы не находите ничего, кроме бесконечных забот и беспокойств; Ваше ярмо следует за Вами повсюду.

Глава 4

О двух видах рабства: одно подобает, а другое не подобает
рабу рабов Божиих

5. Не пытайтесь ответить мне словами Апостола: «Будучи свободен от всех, я всем поработил себя» (1 Кор 9, 19), ибо они сказаны не о Вас. Он сделался рабом всех верных не для того, чтобы служить постыдному честолюбию, ибо мы не видим, чтобы толпы интриганов, скупцов, продажных душ, богохульников, прелюбодеев, виновных в совершении инцеста, и прочих чудищ в человеческом обличье, стекались к нему со всех концов земли требовать, чтобы он своей апостольской властью пожаловал им церковные звания или разрешил сохранить их. Нет, этот человек, сказавший: «Жизнь для меня — Христос, и смерть — приобретение» (Флп 1, 21), поработился для того, чтобы приобрести Богу как можно больше душ, а не для того, чтобы умножать сокровища скупцов. Не знаю, как Вам удастся ради оправдания своего рабства ссылаться на осознанное и добровольное порабощение святого Павла и на его любовь, столь же свободную, сколь и ве-

ликодушную. Для Вашего титула преемника апостолов, для спокойствия Вашей совести и для блага Церкви лучше прислушаться к следующим словам святого Павла: «Вы куплены дорогою ценою; не делайтесь рабами человеков» (1 Кор 7, 23). Итак, спрашиваю Вас: есть ли что-либо, что более говорит о рабстве и более бесчестит человека, особенно верховного Понтифика, чем ежедневное и ежеминутное изнурение себя в такого рода трудах для такого рода людей? Как при этом найти время для молитвы, для наставления ближних, для созидания Церкви, для размышления над законом Божиим? Дело не в том, что в Вашем дворце нет законов; но ведь это законы Юстиниана, а не Божественного Учителя. Так ли должно быть? Отвечайте. Закон Господа чист и непорочен, он освящает души; а законы императоров — не более чем источник злоупотреблений и словопрений, они лишь извращают людские суждения. О чем Вы думаете, Вы, епископ и пастырь душ, терпя, чтобы в Вашем присутствии одни были всегда обречены на безмолвие, тогда как другие упорно заставляют себя слушать? Или я заблуждаюсь, и подобный беспорядок должен вызывать у Вас упреки совести и побуждать воскликнуть вместе с пророком: «Нечестивые потчуют меня лживыми измышлениями; а я жажду уставов Твоих» (ср. Пс 119 (118), 35). Дерзните теперь сказать, что Вы свободны, если преклонили главу под столь позорное иго и не можете его сбросить. Ибо если можете, но не хотите, то Вы раб вдвойне, будучи вдобавок рабом собственной порочной воли. Я не знаю раба, более заслужившего это название, чем тот, который поработен беззаконием, разве что Вы сочтете, что быть рабом порока не так позорно, как быть рабом человека. И какая разница, становишься ли рабом по своей воле или по принуждению? Чуть больше презрения к одному и жалости к другому — вот и все различие. Но что вы хотите, чтобы я сделал? — спросите Вы. Чтобы Вы не предавались так безоглядно всей этой суете. «Это невозможно, — скажете Вы, — разве только если оставить кафедру святого Петра». Я бы тоже так думал, если бы советовал Вам вовсе порвать со всеми этими занятиями; но я призываю только время от времени прерывать их.

Глава 5

О том, что мы никоим образом не должны печься о других до такой степени, чтобы пренебречь самими собою

6. Вот, с одной стороны, то, что я порицаю, а с другой — то, что одобряю. Я могу лишь порицать Вас, если Вы посвящаете все свое время и способности делам, ничего не оставляя РАЗМЫШЛЕНИЮ, и полагаю, что не меньше порицал бы Вас познавший из уст Соломона, что «знающий умеренность в делании своем приобретет мудрость» (ср. Сир 38, 25). Впрочем, и само делание не служит ничему, если не предваряется размышлением. Если Вы хотите стать всем для всех по примеру [Апостола], сделавшего это первым, могу только похвалить Ваше смирение, однако при условии, что оно будет полным; а как это может быть, если Вы стали всем для всех, кроме себя самого? Ведь и Вы человек; стало быть, чтобы Ваша преданность была полной, нужно, чтобы она, распространяясь на всех, распространялась и на Вас. Иначе, как говорит Божественный Учитель, какая польза приобрести всех, если Вы потеряете себя? (см. Мф 16, 26). Итак, поскольку Вы стали всем

для всех, будьте таковым и для себя. Неужели единственный человек, лишенный Вас, будете Вы сами? Неужели Вы всегда будете пребывать вовне и никогда внутри? Неужели будете единственным, кого Вы не сможете принять в свой черед, когда принимаете каждого в его черед? Вы должник мудрецов и неразумных; неужели Вы ничего не должны сами себе? Мудрец и неразумный, свободный и раб, богач и бедняк, мужчина и женщина, юноша и старец, духовный и мирской, праведный и грешник, — все, все будут пользоваться Вами, черпать из Вашего сердца, словно из общего источника, а Вы один будете держаться поодаль и не сможете утолить свою жажду? Если проклят тот, кто уменьшает свою часть, что будет с тем, кто лишает себя [этой части] вовсе? Я желаю, чтобы Вы изливали свои воды и на публичных площадях, чтобы Вы утоляли жажду не только людей, но и их скота, их стад и даже верблюдов раба Авраамова; но хотя бы пейте сами из этого колодца, как другие. «Чужой, — сказал мудрец, — не будет пить из этих вод» (ср. Притч 5, 17); но Вы, разве Вы чужой? И разве Вы не станете чужим для всех, если чужды сами себе? Наконец, и мудрец вопрошает, к кому будет добр тот, кто не добр к себе (ср. Сир 14, 5). Так что — не говорю всегда, не говорю часто, но хоть иногда — вспоминайте о том, чтобы вернуть себя себе. Пользуйтесь собою, не говорю вместе со всеми, но хоть после всех. Можно ли требовать меньше? Потому, говоря так, я делаю уступку, но не выражаю всю свою мысль. Думаю даже, что я прошу у Вас много меньше, чем Апостол. «Стало быть, Вы менее требовательны, чем он?» — спросите Вы. Не скажу, что нет; быть может, так и есть. Однако я надеюсь, что Вы не будете довольствоваться той малостью, пределы которой мои требования не дерзают переступить, и пойдете дальше; ведь, в самом деле, мне прилично требовать от Вас лишь немногого, а Вам со своей стороны — делать много больше. Впрочем, я предпочитаю, чтобы Ваше Величество лучше упрекали меня за чрезмерную робость, чем за бесцеремонность, и тем не менее я непременно должен был предостеречь Вас, как бы Вы ни были мудры, дабы исполнилось написанное: «Дай наставление мудрому, и он будет еще мудрее» (Притч 9, 9).

Глава 6

О том, что судебная власть принадлежит скорее
мирским князьям, нежели князьям Церкви

7. Но послушайте, что говорит Апостол по тому поводу, который нас занимает: «Неужели нет между вами ни одного разумного, который мог бы рассудить между братьями своими?» (1 Кор 6, 5). Немного раньше он сказал: «А вы, когда имеете житейские тяжбы, поставляйте своими судьями ничего не значащих в Церкви» (1 Кор 6, 4). Так что, согласно святому Павлу, Вы, презирая свое апостольское звание, присваиваете себе низшую функцию, исполнение которой следовало бы оставить людям более скромного звания внутри Церкви. Вот почему этот великий епископ говорил другому епископу, наставляя его относительно его обязанностей: «Кто приступил служить Богу, не должен связывать себя делами житейскими» (см. 2 Тим 2, 4). Что касается меня, я не захожу так далеко и довольствуюсь тем, что советую Вам то, что для Вас возможно, не пытаюсь вынуждать к героизму. Неужели Вы в самом деле полагаете, что в наши дни все, кто судятся друг с другом

ради обладания благами мира сего и теснят Вас, вынуждая рассудить их притязания, довольствовались бы ответом Учителя и Вы могли бы [вслед за Ним] сказать: «О люди! Кто поставил Меня судить или делить вас?» (см. Лк 12, 14). Что бы о Вас подумали, заговори Вы таким языком? Что Вы — человек из провинции, не знающий своих прав, не ведающий о прерогативах своей верховной власти, позорящий престол, на который вознесен, и принижающий апостольское достоинство. Вот что сказали бы люди. Однако говорящие так оказались бы в затруднении, если бы нужно было ответить, когда это видано, чтобы кто-либо из апостолов соглашался быть судьей в людских распрях, заниматься делением наследства и распределением земель. Я вижу в Писании, что апостолы представляли пред судьями, но нигде не вижу, чтобы они были судьями сами. Они ими будут, но этот день еще не настал. Разве слуга унижает свое достоинство, когда не желает встать выше своего господина, или ученик — возвыситься более своего учителя, или сын — не преступать пределов, поставленных отцами? А сам Господин и Учитель говорит вам: «Кто поставил Меня судьей между вами?» Так что же, Вы, Его слуга и ученик, почтете для себя бесчестьем, если не будете судить всех подряд? Полагаю, что мы не постигли истинной ценности вещей, если находим, что апостолы и их преемники, поставленные судить выгоды высшего порядка, умаляют свое достоинство, не соглашаясь быть судьями в подобных разногласиях. Вполне можно пренебречь возможностью произнести свой суд по поводу убогих земных выгод, если ты призван однажды судить ангелов небесных. Потому Вы должны применять свою власть судии к грехам человеков, а не к их земным владениям, ибо только ради этого вы получили ключи Царства [Божия]: дабы затворить его врата для грешников, а не для собственников. Тому доказательство — слова Господа: «Знайте, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи» (Мф 9, 6). А в чем Вы видите более величия и могущества — в разделении наследства или в прощении грехов? Нельзя даже и сравнить эти две власти. Преходящие земные интересы имеют своих судей: царей и князей мира сего; по какому же праву Вы посягаете на их права? И почему пожинаете на чужом поле? Не то чтобы Вы

были этого недостойны; скорее, это недостойно Вас — заниматься такими делами, когда Вы призваны к гораздо более важным. Впрочем, если иногда Вы бываете к этому вынуждены, помните, что Апостол сказал: «Если вами будет судим мир, то неужели вы недостойны судить маловажные дела?» (1 Кор 6, 2).

Глава 7

О том, что прежде всего следует исполнять
долг благочестия и размышлять о вечном

8. Но одно дело — посвящать этим делам по необходимости несколько минут, а иное — отдаваться им целиком и добровольно, словно речь идет о значительных вещах, достойных того, чтобы человек Вашего звания занимался ими и был поглощен. Я никогда не закончил бы, если бы захотел сказать Вам все слова правды, справедливости и силы, которые приходят мне нынче на ум; но поскольку время лукаво, я ограничусь лишь тем, что посоветую Вам не отдаваться действию ни целиком, ни постоянно, но отдавать хоть часть своего времени и сердца размышлению. И конечно, Вы должны заметить, что, говоря таким языком, я гораздо больше считаю с тем, что есть, нежели с тем, что должно бы быть; впрочем, уступать необходимости не возбраняется. Несомненно, что если бы мы были вольны делать все, что нужно делать, следовало бы предпочесть всему и упражняться — пусть не исключительно, но хотя бы более остального — в том, что бла-

го для всех, а именно — в благочестии. Сам разум неотразимо доказывает это.

Вы спросите, что я имею в виду под благочестием. Оно означает предаваться размышлению, и не думайте, что я держусь по этому поводу иного мнения, чем тот, кто именовал благочестие поклонением и служением Богу; никоим образом! И если Вы поразмыслите над этим, то увидите, что мои слова, по крайней мере, отчасти, имеют тот же смысл, что и его. И действительно, что более подобает в служении Богу, чем то, к чему Сам Бог увещевает нас устами псалмопевца: «Пребывайте в святом вдохновении и познавайте, что Я — истинный Бог» (Пс 46 (45), 11). Вот самая главная роль размышления. Впрочем, разве есть что-либо более благое для всех, чем то, что, посредством некоего спасительного предвосхищения, берет на себя роль самого делания, каким-то образом совершая и заранее устрояя все то, что предстоит сделать впоследствии? Однако нужно следовать этому пути, если мы не хотим, чтобы вещи, которые могут быть чрезвычайно полезны, при условии, что совершены с предусмотрительностью и благоразумием, не стали вредны и пагубны, будучи сделаны с поспешностью. В этом, если у Вас остались еще кое-какие воспоминания, Вы весьма часто будете убеждаться сами при решении дел, которые поступают в Ваш суд, а также важных вопросов, разрешение которых находится в Вашем ведении.

Первый плод размышления — очищение его собственного источника, то есть души, в которой оно совершается. Затем оно приводит в порядок чувства, направляет поступки, умеряет крайности, сообразует нрав, побуждает к жизни порядочной и честной; наконец, дает знание вещей Божественных и человеческих. Благодаря ему хаос уступает место порядку. Оно сближает расходящееся и собирает рассеянное, проникает в тайное, усердно ищет истину, исследует то, что имеет лишь ее видимость, и разоблачает ложь и фальшь. Оно заранее устрояет и выверяет все, что предстоит сделать, и возвращается к уже сделанному, дабы в душе не осталось ничего неисправного или нуждающегося в исправлении. Наконец, в процветании оно прозревает обратную сторону, а в [нужде] словно бы и не чувствует ее. Эти два следствия — плоды силы и благоразумия.

Глава 8

О том, что благочестие и созерцание порождают единство
и созвучие четырех основных добродетелей

9. Здесь время сказать о сладостном созвучии добродетелей и о связи, какую они соединены и соподчинены друг другу. Мы только что видели, что благоразумие — мать силы и что всякое решение, не исходящее от благоразумия, следует относить на счет безрассудства, а не силы. К тому же благоразумие, сделавшись арбитром между чувственными удовольствиями и жизненными потребностями, держит их в разумных пределах, убавляя от первых излишнее и прибавляя вторым недостающее, и тем самым производит на свет третью добродетель — умеренность. Ведь размышление видит неумеренность как в упрямом отказе от необходимого, так и в готовности принять излишнее; ибо эта добродетель состоит не только в том, чтобы урезать лишнее, но и в том, чтобы предоставить необходимое. Это чувство Апостол не только хвалит, но и говорит о нем как о своем собственном, когда советует заботиться о своей плоти, не угождая при этом своим прихо-

тям. Ведь говоря: «Попечение о плоти не превращайте в похоти» (Рим 13, 14), он осуждает излишества, но не отвергает необходимого. Итак, умеренность можно было бы определить как добродетель, которая держится необходимого, следуя слову философа: ничего лишнего.

10. Наконец, что касается справедливости, еще одной из четырех добродетелей, то разве не очевидно, что размышление готовит ей путь в душе [человека]? Ведь для того, чтобы наш ум обрел меру справедливости, нужно, чтобы он погрузился в себя; а мера эта — в том, чтобы не делать другим того, чего мы бы не желали себе, и, напротив, поступать с ближними так, как мы желали бы, чтобы они поступали с нами. В этом вся справедливость.

Однако справедливость никогда не бывает одна: заметьте, в какой тесной связи и в каком гармоничном единстве она находится с благоразумием и крепостью, о коих мы говорили выше. Если справедливость состоит отчасти в том, чтобы не делать другим того, чего мы не желаем себе, а достигает полноты в исполнении слова Божественного Учителя: «Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Мф 7, 12), то ясно, что это невозможно, если сама воля, которая дана нам в обоих случаях за правило, сама не научится следовать правилу настолько, чтобы не вожделеть лишнего и не отвергать необходимое; а ведь умеренность как раз в этом и состоит.

Наконец, сама справедливость, чтобы не перестать быть собою, не должна удаляться от меры, которую предписывает ей умеренность, говоря устами Мудреца: «Не будьте справедливее, чем нужно» (ср. Еккл 7, 17). Тем самым она словно дает понять, что справедливость не заслуживает своего имени, когда ее правилом более не является умеренность. Более того: самая мудрость подчиняется узде умеренности, ибо святой Павел со своей мудростью, данной ему свыше, говорит: «Не будьте мудрее, чем следует, но будьте мудры с воздержанием» (ср. Рим 12, 3). С другой стороны, Господь в Евангелии учит нас, что умеренность, в свою очередь, нуждается в праведности, когда Он осуждает воздержание тех, кто постится лишь для того, чтобы показать себя перед

людьми (см. Мф 6, 16). Воздержания у таковых было довольно, ибо они лишали себя пищи, но справедливости не доставало, ибо они желали своим постом угодить не Богу, а людям.

Наконец, как быть справедливым и умеренным без крепости, если очевидно, что нужна сила, притом незаурядная, чтобы уметь удержать свои желания и нежелания в узких границах между излишним и недостающим, так, чтобы и воля держалась этой точно определенной, единственной, строго неизменной середины, одинаково удаленной от всякой крайности, ясно установленной, такой, как предполагает самое понятие добродетели?

11. Так прошу Вас, скажите мне, если сможете, к какой из этих трех основных добродетелей Вы отнесете эту середину, столь тесно касающуюся их всех, что ее можно счесть свойством каждой из них: ведь разве не в золотой середине состоит добродетель, разве нельзя сказать, что эта середина и есть самая добродетель? Однако если бы было так, то не существовало бы нескольких добродетелей, а все они составляли бы одну-единственную. Так что не лучше ли сказать, что, поскольку нет добродетели вне этой середины, то последняя есть как бы сущность и душа всех добродетелей; ибо она столь сильно сближает их между собой, что они как бы образуют единое целое. В таком случае мы еще более склонны полагать, что так и есть, что [добродетели] не просто причастны золотой середине в определенной степени, но обладают ею полностью каждая [добродетель] по отдельности. В самом деле, что более присуще справедливости, чем эта золотая середина, о которой мы говорим? Она не может от нее удалиться, не перестав воздавать каждому то, что должно, а ведь именно в этом она и состоит. То же самое я могу сказать об умеренности (*temperatio*), ибо очевидно, что она названа так потому, что заключается в определенном темпераменте (*temperamentum*). Что касается крепости, то и тут невозможно отрицать: она проявляется в том, чтобы устранять пороки, посягающие на золотую середину и всяким образом нарушающие ее; именно крепость ее защищает и делает фундаментом добра и престолом добродетели. Стало быть, справедливости, крепости и умеренности свой-

ственно держаться золотой середины, а различает их то, каким образом каждая из них ее сохраняет: справедливость поддерживает и питает волю; крепость определяет, как она действует, и только умеренность делает возможным обладание ею, а также ее использование. Теперь мне осталось только сказать, что благоразумие также не чуждо этому восхитительному союзу добродетелей. Разве не оно первым открывает и распознает эту золотую середину, когда понятие о ней, по нашему нерадению, стирается в душе, вытесняется ревнивым самовластием порока в густой мрак, который тот влечет за собою? Потому-то мало кто из людей способен ее распознать, а стало быть, весьма мало тех, чей удел — благоразумие. Итак, справедливости свойственно искать этой середины, крепости — овладевать ею, а умеренности — сохранять ее. Я вовсе не собирался рассуждать о добродетели, а только хотел показать, как важно усердное размышление, ибо благодаря ему мы познаем эти и другие подобные истины. Разве провести всю жизнь, не занимаясь деланием столь богоугодным и душеполезным, не значит потратить ее напрасно?

Глава 9

О том, что необходимо мало-помалу отойти
от примера последних Римских пап,
чтобы приблизиться к древним образцам

12. Но что скажут, если Вы будете столь безоглядно привержены философии, от которой Ваши предшественники несколько отошли? Ведь найдется немало людей, которые дурно истолкуют Ваш уход с дороги, проторенной предварившими Вас, и решат, что Вы делаете это для того, чтобы опорочить их добрую память. Вспомните пословицу: «Если ты поступаешь не как все, то привлекаешь всеобщее внимание». Вам не преминут ее припомнить и скажут, будто Вы стремитесь именно к этому. Впрочем, Вам сразу не удастся ни исправить все ошибки своих предшественников, ни искупить их грехи; но со временем, благодаря мудрости, которой Вас наделил Бог, Вы научитесь использовать благоприятные случаи и мало-помалу делать это. А пока извлекайте из зла, коего не Вы причиной, все благо, какое сможете.

Однако если мы хотим опираться не столько на новые, сколько на добрые примеры, мы без труда найдем в числе верховных Понтификов немало тех, кто умел найти свободное время, невзирая на самые важные дела. Так, например, когда Рим был уже почти в осаде, а меч варваров был занесен над головой его граждан, святой Папа Григорий по-прежнему мирно занимался своими учеными писаниями. Как видно из предисловия к его труду, именно в это время он с тщанием, не уступавшим его дарованию, писал комментарии к последней и самой пламенной части пророчеств Иезекииля.

Глава 10

В которой святой Бернард сурово порицает злоупотребления судей, защитников и прокуроров и решительно восстает против их коварных уловок

13. Но в конце концов верх одержали другие обычаи, нравы изменились. Нельзя даже сказать, что мы движемся к тяжелым временам, ибо мы уже их достигли. Обман, интриги и насилие царят по всей земле. В ведущих тяжбу нет недостатка, однако правое дело едва ли находит себе защитника. Повсюду сильные притесняют слабых. Вы скажете, что не можете ни лишить притесняемых своей помощи, ни отказать в справедливости тем, чьи права презираются и попираются. Но ведь невозможно рассудить дело, не обсудив его и не выслушав все стороны. Потому, полагаю я, надобно, чтобы дела подлежали обсуждению, как должно; однако метод, которому следуют в наши дни, мне кажется отвратительным и недостойным как Церкви, так и чертога правосудия, и я не могу не спросить себя, как Ваши благочестивые уши могут выслушивать все эти споры и словопрения юристов, которые, по-

моему, способны скорее помрачить истину, нежели ее выявить. Измените эти гнусные обычаи, положите конец бесполезным словопрениям и заградите уста тех, кто научен говорить ложь. Они красноречивы только для того, чтобы нападать на правое дело, а искусны только в защите заблуждений. Талант этих людей пригоден лишь на то, чтобы творить зло, а дар слова они, видно, получили, чтобы оскорблять истину. Эти люди пытаются учить тех, у кого должны бы учиться; они выдают свои измышления за достоверные факты, запутывают простые истины и мешают правосудию идти своим ходом. Ничто так не позволяет без труда обнаружить истину, как краткое и простое изложение фактов. Потому я желал бы, чтобы во всех делах, которые будут достойны того, чтобы попасть на Ваш суд (а это будут совсем не все), Вы взяли за правило принимать решение быстро, хотя и после надлежащего исследования, и пресекать все эти длинноты, изобретенные для того, чтобы избежать осуждения и увеличить расходы. Разбирайте дела вдовы, бедняка, того, кому нечего дать; что же касается прочих [дел], то Вы можете поручить другим судьям разобрать их, хотя большинство из них не заслуживают даже рассмотрения. Не пойму, зачем Вам выслушивать людей, уже осужденных их собственными явными беззакониями. Бесстыдство некоторых дошло до того, что, хотя все их дело кричит об их злокозненных интригах, они, не краснея, требуют рассмотрения и обращаются к общественной совести, хотя их собственной было бы довольно, чтобы повергнуть их в смущение. Еще никто не пытался обуздать наглость этих бессовестных людей, так что же удивляться, что их число и бесстыдство все растут? Впрочем, я вообще не могу понять, как случилось так, что порочные люди совершенно не опасаются суда себе подобных; видно, там, где порочны все, никто не обращает внимания на чужие гнусности. В самом деле, никогда не было видано, чтобы скупца заставил краснеть подобный ему скупец или чтобы распутник устыдился других распутников. Церковь же в наши дни полна честолюбия, потому в ней заметно не больше отвращения и ужаса к интригам и проискам честолюбия, чем в разбойничьем вертепе — к рассказу об ограблениях путников.

Глава 11

О том, что защитников и обвинителей, стремящихся обогатиться посредством несправедливого суда, необходимо сурово наказывать

14. Если Вы истинный ученик Иисуса Христа, да воспламенится Ваша ревность; восстаньте своей властью против этого беззакония и пагубной для общества язвы. Учитель подает нам пример, так обратите взор на Него и послушайте, что Он говорит: «Кто Мне служит, Мне да последует» (Ин 12, 26). Он же готовит не уши, чтобы выслушивать, а бич, чтобы изгонять. У Него нет времени слушать длинные речи, и вместо того, чтобы сесть и произнести суд, Он встает и спешит подвергнуть заслуженному наказанию. Вы знаете, почему, ибо Он Сам говорит об этом: потому что дом молитвы сделали домом торговли. Я хотел бы, чтобы наши торгующие в храме краснели от одного Вашего вида или пугались Вашего присутствия, ибо и у Вас в руке есть бич: да, пусть вострепещут все эти сребролюбцы, и пусть их золото станет для них предметом тревоги, а не утешения; и пусть они стремятся скрыть его

от Вас, а не открыть перед Вашими глазами, зная, что Вы готовы скорее выбросить его вон, чем принять. Если Вы будете поступать так, то поможете многим вернуться к исполнению своего долга; Вы вернете к почтенным занятиям множество людей, которые сегодня заняты лишь тем, что преследуют постыдные цели; а тем, кто имел в мыслях подражать им, будет неповадно. Прибавьте к этому, что Вы обретете досуг, преимущества которого я уже показал, ибо, как только Вы будете посвящать меньше времени делам, оставив в своем рассмотрении, как я сказал, лишь малую их часть и поручив заканчивать их другим судьям, Вам останется много свободного времени на размышление. Что же касается тех дел, которые Вы сочтете нужным рассмотреть самому, то Вам следует решать их так скоро, как только возможно, чтобы решение было верным.

Что касается размышления, то я не собираюсь ограничиться тем, что уже сказал; однако я вновь вернусь к этому во второй книге, ибо теперь время закончить первую, чтобы ее просторность не утомила Вас и не вызвала досаду.

Книга II

Глава I

Святой Бернард отражает нападки, которым подвергся после поражения крестового похода

1. Я не забыл обещания, которое уже давно дал Вам, Ваше Святейшество отец Евгений, и хочу наконец исполнить обещанное, пусть и с опозданием.

Я устыдился бы, что так долго медлил, если бы делал это по безразличию или забвению. Однако это вовсе не так, и Вы знаете, что так случилось по причине значительных событий, которые, казалось, должны были положить конец не только нашим трудам и исканиям, но и самой нашей жизни. Мы видели, что Господь по нашей неверности обошелся с нами так, словно Он до времени совершил Свой суд над землею в правде, хотя и не в милости. Казалось, будто Он забыл Свой народ и нимало не заботится о славе Своего имени. Даже неверные восклицали: «Где Бог их?» (Пс 114 (113), 2). И чему удивляться? Чада Церкви, те, кто имеет честь носить имя христиан, погибали посреди пустынь, сраженные мечом или изнуренные голодом. «Господь изливает бесчес-

тие на князей и оставляет их блуждать в пустыне, где нет путей» (Пс 107 (106), 40), где всякий их шаг приносит лишь скорби и бедствия. Так, страх, печаль и стыд достигли «даже царей в глубине их покоев» (ср. Пс 105 (104), 30). Увы! Какое смущение для служителей Слова Божия, которое обещало мир и возвещало всякого рода удачу! Мы говорили: «Вы обретете мир, а мир далеко от вас» (ср. Ис 52, 7). Мы говорили лишь о пользе и приобретении, а увидели лишь поражение и потери, так что, видно, в этих обстоятельствах мы поступили неблагоприятно и легкомысленно.

Разумеется, я пустился в это предприятие с великим пылом, но нельзя сказать, что наудачу, ибо я исполнял Ваше веление, или, скорее веление Бога, говорившего со мной Вашими устами. Как же так: мы постились, а Он не видел, смиряли души свои, а Он не знал? (см. Ис 58, 3). Ибо ничто из того, что мы делали, не утишило ярость Его, и рука Его еще простерта (см. Ис 9, 12). Однако с каким терпением Он выслушивает богохульные речи и хулу египтян, во весь голос говорящих, что на погибель Он вывел народ Свой в пустыню, чтобы истребить его (см. Исх 32, 12)! А ведь суды Божии, несомненно, праведны и истинны; и все же для меня они — бездна столь неисследимая, что я готов назвать блаженными всех тех, кто не соблазнится о них ныне.

2. И все же откуда берется у людей смелость вновь предпринимать то, чего они не в силах постичь? Не будем забывать, что уставы Божии вечны, и это может служить утешением нам, как и говорившим: «Мы вспоминали суды Твои, Господи, которые от века, и утешались» (Пс 119 (118), 52).

Я скажу нечто, что всем известно, но о чем теперь все позабыли, ибо таковы люди: они забывают, когда должны бы помнить, и вспоминают, когда не знают, что с этим делать. Когда Моисей захотел вывести свой народ из земли египетской, он обещал привести их в землю еще более плодородную; ибо в противном случае он не смог бы заставить этот народ, желавший лишь земного, пойти за собой. И он вывел их из Египта, но не тотчас ввел в Землю Обетованную. Так что остережемся относить это печальное событие на счет дерзости вождя, ибо он его не предвидел. Как бы то

ни было, он действовал лишь по Божией воле и с Его помощью, ибо Господь подтверждал его миссию постоянными чудесами. Вы, конечно, заметите мне, что еврейский народ был народ жестоковыйный и все время восставал на Бога и на Его слугу Моисея; что он слишком заслужил своей кары, ибо то были люди маловерные и мятежные, а какое же зло совершили наши? Об этом спросите у них; для чего мне говорить Вам то, что они сами вполне могут перед Вами признать? Спрошу Вас лишь об одном: как евреи сумели достичь цели своего странствия, без конца возвращаясь туда, где уже были? Но сколько раз и нашим людям тоже, по склонностям их сердца, случалось возвращаться в Египет? Если евреи падали и погибали по своему нечестию, то нечего удивляться, что крестоносцы, виновные в тех же преступлениях, навлекли на себя ту же кару. Кто-то скажет, что несчастья первых противоречат обетованиям Божиим? Но и беды вторых также, ибо обетования Божии никогда не могут исполняться с попранием Его правды. Но послушайте еще кое-что.

3. Вениамин нарушил свой долг, и все другие колена взялись за оружие, чтобы наказать его. Сам Бог повелел им сделать это и вместе с тем поставил во главу их вождя, который повел их в сражение. И вот они впали в руки врагов, хотя превосходили их числом, хотя их дело было правое и, что самое главное, с ними было благорасположение Всевышнего. «Как страшен Бог в делах над сынами человеческими» (см. Пс 66 (65), 5)! Те, кто должен был совершить возмездие за преступление, бежали от тех, над кем они должны были его совершить, а войско более многочисленное обратилось вспять и бежало от меньшего числом. Но они воззвали к Богу, и Бог сказал им: «Вернитесь и сражайтесь вновь». Они сделали по слову Его и были поражены во второй раз. Так праведные мужи, удостоверившиеся прежде в милости Божией, повинуваясь его приказаниям, сражаются за правое дело и терпят поражение. Но чем более они были обмануты в своих чаяниях, тем более могучей становилась их вера.

Что, по Вашему мнению, подумали бы обо мне наши верующие, которые по моему слову во второй раз вернулись на поле

сражения и вновь были побеждены, если бы я сказал им: «Возвращайтесь в третий раз и сделайте то, в чем уже дважды потерпели поражение»? Конечно, чада Израиля, ни во что не ставя первое и второй поражение, в третий раз повинуются Божественному повелению и, наконец, одерживают победу. Быть может, наши христиане скажут: «Кто уверит нас в том, что вашими устами говорит Бог? Какие знамения вы совершаете, чтобы мы поверили вам? Не мое дело — давать на это ответ, и чувства, которые побуждают меня хранить молчание, хорошо понятны; но Вы, Евгений, ответьте за меня и скажите, что видели своими глазами и слышали своими ушами. Или, вернее, ответьте так, как велит Вам Господь».

4. Но, быть может, Вы спросите себя, почему я так настаиваю на предмете, казалось бы, никак не связанном с тем, о чем решил писать. Нет, я вовсе не упустил из виду главное, однако сказанное мною только что не кажется мне чуждым этого предмета. В самом деле, если я не ошибаюсь, я беседовал с Вашим Святейшеством как раз о размышлении; а предмет, которого я только что коснулся, слишком велик [для меня], чтобы требовать моего усердного размышления. Если великое заслуживает внимания великих, то кому более чем Вам, равного которому нет на земле, подобает взглянуть в него пристальным взором? Но это Вам надлежит сделать с мудростью и властью, которую вы получили свыше, дабы уразуметь, что следует делать в нынешних обстоятельствах. Не мне, скромному монаху, говорить Вам: поступайте так или этак. С меня довольно напомнить, что Вам необходимо что-либо предпринять, чтобы утешить Церковь и заградить уста ее хулителей. С вашего позволения да послужат мне эти строки оправдательной речью. Надеюсь, что я вложил в Ваше сердце доводы, которые способны извинить меня и тем более Вас. Свидетельство доброй совести — лучшее оправдание, и я нисколько не забочусь о том, что обо мне думают те, кто зло называет добром, а добро злом, тьму почитают светом, а свет — тьмою (см. Ис 5, 20). Впрочем, если ропот неизбежен, пусть лучше ропщут на меня, чем на Бога, и я буду невыразимо счастлив служить Ему своего рода щитом и принимать на себя острые стрелы зло-

речивых и отравленные копья хулителей, дабы они не достигли Его. Я охотно отдам за бесценно свое доброе имя, дабы Его имя почиталось и дабы Он явил мне милость, позволив воскликнуть вместе с пророком: «Ради Тебя я несу поношение, и бесчестием покрывают лицо мое» (Пс 69 (68), 8). Ибо я не желаю иной славы, кроме уподобления Божественному Искупителю, чтобы вслед за Ним сказать: «Злословия злословящих Тебя падают на меня» (Пс 69 (68), 10).

Однако время вернуться к моему предмету и двигаться к цели, которую я себе поставил.

Глава 2

О том, что не следует смешивать размышление
с созерцанием

5. Прежде всего благоволите заметить, что я разумею под собственно размышлением. Я не хочу, чтобы его во всем смешивали с созерцанием. Ибо последнее предполагает истину уже познанную, тогда как первое имеет целью как раз поиск истины. Потому созерцание я бы определил как ясное и несомненное интуитивное видение вещей духовным взором, или, иными словами, акт, посредством которого дух объемлет уже познанную и несомненную истину. Что касается размышления, я сказал бы, что это усилие мысли, усердие ума в поиске истины. И все же оба слова часто употребляют одно вместо другого.

Глава 3

Размышление состоит из четырех частей

6. Чтобы приблизиться теперь к самому предмету размышления, думаю, можно сказать, что таковых есть четыре рода, которые сами приходят на ум: это Вы сами, затем то, что ниже Вас, то, что вокруг Вас, и то, что выше Вас. Пусть Ваше размышление начинается с Вас самого; не направляйте его на то, что вне и вокруг Вас, пренебрегая собой. Ведь что Вам пользы, если Вы приобретете весь мир, а душу свою потеряете (см. Мф 16, 26)? Будете ли Вы сколь угодно мудрым, Вашей мудрости всегда будет чего-то недоставать, если Вы не мудры в отношении самого себя. Чего именно недоставать? Да, полагаю, всего. Если Вы даже познаете сразу все тайны — как обширна земля, как возвышенно небо, как глубок океан, — но при том не будете знать самого себя, Вы уподобитесь человеку, который строит, не имея основания, и вместо того, чтобы довести дело до конца, окажется посреди развалин. Все, что Вы постройте вне себя самого, подобно кучке праха, взметаемой

всяким ветром. Итак, никто не может считаться мудрым, если не мудр в отношении себя, потому всякий мудрец прежде всего мудр с собою и первым пьет из своего собственного источника. Следовательно, пусть Ваше размышление не только начинается, но и заканчивается Вами. Если же оно начнет блуждать в других местах, то ради Вашего спасения всегда хорошо вновь вернуть его к себе. Будьте первым и последним его предметом и берите пример с Верховного Создателя всего сущего, Который посылает Свое Слово [в мир] и вместе с тем удерживает [при Себе]. Ваше же слово — Ваше размышление; как бы далеко оно ни отправилось, оно не должно вовсе Вас покидать. Пусть совершает прогулки, но жилищем его пусть всегда остается Ваша душа. Если говорить о спасении, никто не озабочен Вашим спасением больше, чем сын Вашей матери. Так что да не будет в Ваших мыслях ничего не только противного, но и инородного Вашему спасению. Если же Вашему уму предстанет что-либо, не связанное с ним так или иначе, гоните таковое прочь.

Глава 4

О том, что познание себя требует от человека
тремяго размышления. Первый предмет его

7. Размышление о самом себе делится на три различные части. В самом деле, Вы можете размышлять о том, что Вы такое, кто Вы и какой Вы. То, что Вы такое, относится к естеству; кто Вы — к личности, а каковы Вы — к нраву. Итак, что Вы такое? Человек. Кто Вы? Папа, верховный Понтифик. Наконец, каковы Вы? Благожелательны, кротки и так далее. Хотя размышление о первом из этих трех предметов более прилично философу, чем преемнику апостолов, все же в определении человека, которого часто именуют разумным животным и существом смертным, есть нечто, заслуживающее Вашего внимания, и если позволите, мы на этом немного остановимся. Впрочем, я не вижу в этом исследовании ничего, что претило бы Вашему званию, и даже вижу некоторую пользу для Вашего спасения. Если Вы размышляете о том, что Вы одновременно разумны и смертны, то Вы тотчас приходите к двойному заключению, достойному мудрого и рассудительного человека: что

факт смертности унижает разумность, но факт разумности утешает Вас в Вашей смертности. Если по этому поводу можно сделать еще кое-какие замечания, то я сделаю их позднее и, возможно, с большей пользой, чем теперь, ибо необходима определенная последовательность предметов, которые мы рассматриваем.

Глава 5

О том, что второй предмет размышления —
это усердное рассуждение о том,
кто мы и откуда приходим

8. Итак, что Вы есть ныне и чем были прежде? Вот что нам надобно теперь установить. Однако по поводу последнего (чем Вы были прежде) я думаю, что лучше умолчать и оставить это Вашему собственному разумению. И все же да будет мне позволено сказать, что не достичь совершенства было бы недостойно Вас, раз Вас избрали из среды самых совершенных. Разве Вы, в самом деле, не испытываете стыда, видя, как Вы ничтожны теперь, занимая столь превосходный пост, и вспоминая, как были велики в скромном положении монаха? Вы ведь вовсе не забыли своих первоначальных обетов. Никто да не изгладит их из Вашего сердца и из памяти, хотя их и похитили из Ваших рук. Потому бесполезно всегда иметь их перед глазами при исполнении верховной власти, при решении дел, поступающих в Ваш суд, и во всех Ваших начинаниях. Это размышление заставит Вас презирать почести,

будучи ими окруженным, а это уже немало; пусть же оно никогда не покидает Вашего сердца и пусть послужит защитой от такого смертоносного свойства: «Сподобившись высших почестей, он не уразумел своего достоинства» (ср. Пс 49 (48), 13).

Итак, скажите сами себе: я стоял в доме Бога моего совсем низко; как же случилось, что, будучи столь убогим и неразумным, я оказался вознесен над царствами и империями? Кто я и чем был дом отца моего, что я воссел на первом в целом мире престоле? Несомненно, сказавший: «Друг, пересядь выше» (Лк 14, 10), подумал, что я всегда останусь Ему другом. Если же я перестану им быть, для меня это будет несносно, ибо Возвысивший меня может меня и унижить. И тогда поздно будет стенать: «Господи, вознеся меня, Ты низверг меня» (ср. Пс 102 (101), 11). Великое возвышение не имеет в себе ничего пленительного, ибо заботы, которые оно влечет за собой, еще более велики. Одно есть сеть и западня, другое — испытание для дружбы. Так что будем готовиться преодолеть их, если не желаем, чтобы однажды нас с позором прогнали на последнее место.

Глава 6

О том, в чем должны проявлять усердие князья Церкви

9. Невозможно утаить Ваше возвышение; однако для чего Вы были вознесены выше других? Вот что заслуживает Вашего внимания. Едва ли для того, чтобы господствовать, ибо пророк, видя, что вознесен подобно Вам, услышал такие слова: «Чтобы искоренять и разорять, губить и разрушать, созидать и насаждать» (Иер 1, 10). Находите ли Вы в этих словах хоть что-то, говорящее о величии и роскоши? Скорее, я вижу в этих выражениях, говорящих о полевых работах, образ тяжких трудов, присущих духовному управлению. И каким бы высоким ни было наше мнение о себе, Вы должны нас убедить, что мы призываемся не для того, чтобы повелевать, как господа, а для того, чтобы трудиться, как истинные служители. «Я не стою выше пророка, а если бы я и получил власть, равную его власти, я все-таки не сравнил бы с ним в заслугах». Вот что Вы должны себе говорить; вот урок, который Вам надлежит преподавать себе, ибо Вы поставлены просвещать

и наставлять других. Смотрите на себя как на пророка, разве это го мало? Думаю, даже слишком много; ведь только по милости Божией Вы есть тот, кто есть. Кто же Вы? Пророк, если хотите, или Вам надо большего? Если Вы мудры, то должны довольствоваться той мерой, какой измерил Вас Господь, а все, что свыше, исходит из худого источника. Итак, учитесь по примеру пророка занимать первое место лишь для того, чтобы самому делать, а не заставлять делать то, чего требует время, и будьте уверены, что для подражания пророку Вам понадобится скорее кирка, чем скипетр, ибо Вам известно, что он был возвышен для искоренения сорных трав, а не для господства. Но найдете ли Вы, что делать на поле Господнем? Конечно, и очень много! Ибо пророки не смогли очистить его полностью и оставили кое-что апостолам, пришедшим после них, а те — Вам. Не сомневайтесь, что и Вы не завершите этого тяжкого труда, унаследованного от своих отцов. Вы оставите его своему преемнику, а тот — своим, и так до конца. Ведь и евангельских работников, стоявших праздно, нанимали и посылали в виноградник вплоть до одиннадцатого часа. Вашим предшественникам, апостолам, было сказано: «Жатвы много, а делателей мало» (Мф 9, 37). Итак, примите наследство своих отцов, ведь если Вы им сын, то и наследник (см. Гал 4, 7). А чтобы доказать, что это так и есть, принимайтесь за дело и не стойте праздно, если не хотите услышать: «Что вы стоите здесь целый день праздно?» (Мф 20, 6).

10. Еще хуже, если Вас найдут посреди всякого рода наслаждений, роскоши или мирской суеты, ибо не их Вы получили в наследство. Что же Вам причитается, согласно воле завещателя? Если придерживаться смысла завещания, то это не почести, не богатства, а лишь заботы и тяготы. Льстит ли кафедра Понтифика Вашему самолюбию? Тогда вспомните, что она — не что иное как возвышенное место, с которого Вы, подобно часовому, должны озирать все вокруг. Ибо имя епископа заключает в себе обязанности, а не владычество. Ведь именно для того, чтобы видеть все зорким оком, Вы поставлены на высокое место, откуда видно все разом, и естественное следствие этого бде-

ния — не покой, а труд. Так можно ли помышлять о славе, когда даже отдых Вам возбранен? Ведь нет места для отдыха под бременем неотступных забот обо всех Церквах? Что оставил Вам Апостол, сказавший: «Что имею, то даю тебе» (Деян 3, 6)? Что это? Верно знаю, что это не серебро и не золото, ибо он говорит также: «Серебра и золота нет у меня» (там же). Итак, если у Вас оно есть, употребляйте его не на свои прихоти, а на нужды времени; тогда Вы будете ими пользоваться, как не пользующийся. Если же для души богатства сами по себе не хороши и не дурны, то все же нельзя отрицать, что должное использование их есть благо, злоупотребление ими — зло; стремление к ним — худшее из зол, а искание их — позор. Я желал бы, чтобы в некоторых случаях Вы могли требовать серебра и золота, однако никогда — как преемник Апостола, ибо он не мог оставить Вам в наследство того, чем не обладал. Все, что имел, он Вам передал, а именно, как я уже сказал, попечение обо всех Церквах; но можно ли видеть в этом власть господствовать над ними? Послушайте его, он сам ответит: «Мы не господствуем над наследием Божиим, но подаем пример стаду» (1 Петр 5, 3); а чтобы Вы не думали, будто он говорит так только из смирения, а не из убеждения в истинности своих слов, послушайте слова самого Господа в святом Евангелии: «Цари господствуют над народами, и владеющими ими благодетелями называются. А вы не так» (Лк 22, 25). Вы видите: совершенно ясно, что господство апостолам возбраняется.

11. После этого попытайтесь счесть апостольство атрибутом высшей власти или высшую власть — следствием апостольства; ясно, что Вы не сможете притязать на то и другое одновременно. Пытаться обладать и тем и другим — значит потерять и то и другое.

Впрочем, не считайте, что Вы исключены из числа тех, о ком Бог сетует, говоря: «Поставляли царей сами, без Меня; ставили князей, но без Моего ведома» (Ос 8, 4). В конце концов, если Вы желаете царствовать без помощи свыше, Вы тоже стяжаете славу, но не у Бога.

Теперь, когда мы увидели, чего делать нельзя, посмотрим, что следует делать. «Кто из вас больший, будь как меньший, и начальствующий — как служащий» (Лк 22, 26). Таково правило апостолов. Им подобает исполнять долг, а не начальствовать. Хотя и сам законодатель Своим примером подтверждает это, продолжая: «Я посреди вас как служащий» (там же, 27). Так разве можно обесчестить себя, приняв звание, которое первым принял Господь? И святой Павел справедливо хвалится им, говоря: «Они Христовы служители? И я», — и продолжает: «В безумии говорю: я больше. Ибо гораздо более [был] в трудах, безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти» (2 Кор 11, 23). Сколь почетное служение! Разве это не лучше, чем царствовать? Итак, если желаете славы, у Вас есть пример святых, Вам предлагается слава самих апостолов. Неужели этого мало? Ах! Кто даст мне однажды сравняться в славе со святыми? Вот как говорит об этом пророк: «Господи, любящие Тебя исполнены славы; власть их прочна и незыблема» (ср. Пс 139 (138), 17). И Апостол, в свой черед, восклицает: «Я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа» (Гал 6, 14).

12. Дай Бог, чтобы Вы всегда могли хвалиться столь превосходным образом и предпочитать ту славу, которой одной желали пророки и апостолы и которую они предоставили Вам искать после них! Признайте своим наследием крест Спасителя, то есть труды и тяготы. Блажен сказавший: «Я более всех потрудился» (1 Кор 15, 10)! Вот где слава, в которой нет ничего от суетности, изнеженности и праздности. Если труд пугает Вас, то пусть вдохновляет награда, ибо несомненно, что каждый будет вознагражден в ту меру, в какую потрудился. Однако, хотя этот великий Апостол потрудился больше всех, все же он сделал не все, и Вам есть чем заняться. Так что пойдите на поле своего Господина и исследуйте его тщательно, и тогда Вы увидите, насколько оно и в наши дни зарастает сорной травой и колючками древнего проклятия. Да, идите в мир, но не как хозяин своих владений, а как арендатор, который должен наблюдать за ними и выпол-

нять работу, за которую однажды даст отчет. А когда я говорю: идите, то это значит — стопами бодрствующего; я призываю Вас отправиться туда по примеру получивших повеление идти по всему свету; а они не сами отправились во все концы земли, но достигли их действием своего духа. Итак, и я скажу Вам: возведите очи свои от размышления и взгляните, не иссохли ли земли, не чернеют ли они, попаленные огнем, вместо того, чтобы побелеть под серпом жнеца? Увы! Как часто то, что с первого взгляда Вы принимаете за богатый урожай, при тщательном рассмотрении оказывается лишь зарослями колючек! Да что я говорю «колючек»? Хуже того: мертвыми стволами деревьев, источенных годами и тлением, неспособных более приносить плода, кроме разве желудей и рожков, которые дают в пищу свиньям. До каких пор они будут напрасно занимать землю? Не сомневаюсь, что если Вы выйдете и взглянете на поле Отца семейства, вы устыдитесь при виде подобного состояния вещей, ибо по Вашей вине бездействует топор и нет пользы от серпа, который апостолы оставили Вам в наследство.

13. В это поле вышел некогда патриарх Исаак, в тот день, когда Ревекка впервые предстала пред ним. Писание гласит: «Вышел Исаак в поле поразмыслить» (Быт 24, 63). Но если он вышел для размышления, то Вам надлежит пойти туда, чтобы искоренять. Довольно размышлять, настало время действовать, и теперь слишком поздно для Вас вопрошать себя, что делать. Это прежде, следуя совету Спасителя, Вы должны были сесть, рассмотреть предстоящий труд, уяснить свои силы, спросить себя, способны ли Вы на такое предприятие, запастись заслугами и вычислить, какую совокупность добродетелей Вам придется пустить в дело, чтобы довести его до конца. Итак, к делу! Пришло время резать по живому, если, конечно, в свое время Вы размышляли. Если Ваше сердце уже взялось за дело, пусть язык и рука действуют в согласии с ним. Препояштесь мечом, то есть мечом духовным, который есть слово Божие (Еф 6, 17). И да покроет себя Ваша десница славой, «совершая мщение над народами, наказание над племенами, заключая царей и вельмож их в оковы железные» (Пс 149, 7.8).

Вот как Вы почтите свое служение, а оно почтит Вас. Это и значит исполнять верховную власть и выгнать из своих наследственных уделов хищных зверей, дабы Ваши стада могли без страха пастись на пастбищах. Однако, изгнав волков, Вы не должны господствовать над овцами, ибо Вы их получили не для этого, а для того, чтобы пасти. Если Вы хорошо поняли, кто Вы, то знаете, какие обязанности на Вас возложены. А если знаете и не исполняете, то это грех великий (см. Иак 4, 17), ибо Вы, без сомнения, помните слова: «Раб, который знал волю господина своего и не делал по воле его, бит будет много» (Лк 12, 47). Взгляните на пророков и апостолов, сражавшихся без устали. Никто не видел их почивающими в неге на шелковых подушках. Итак, если Вы — потомок апостолов и пророков, следуйте их примеру и докажите, что идете их путем, что Вы их род, который известен святостью поведения и крепостью веры. Ведь именно так они «побеждали царства, творили правду, получали обетования» (Евр 11, 33). Да, таково подлинное завещание Вашего Отца. Я открыл его пред Вашим взором, дабы Вы сами уразумели, какова в нем Ваша доля. Потому оденьтесь в крепость, ибо это одеяние — Ваш удел; вступите во владение верой, благочестием, мудростью святых, которая есть не что иное как страх Божий; и вот Вы, хозяин своего имени, обладаете им полностью, и нет в нем никакого недостатка.

Что богаче добродетели? И не знаю ничего прочнее смирения. Всякое здание духовное, зиждущееся на этом основании, возрастает подобно храму, освященному Господом. Сколько людей благодаря ему одолевали врагов! Ибо нет иной добродетели, которая бы равно восторжествовала и над бесовской гордыней, и над человеческой тиранией. Впрочем, если для любого человека она подобна нерушимой башне, ограждающей от вражеских ударов, бывает, что она кажется более великой в великих и более блистательной в тех, кого окружает некоторый ореол блеска. Это — дивная драгоценность в венце верховного Понтифика, ибо, чем более он возвышается над другими людьми, тем более его смирение возвышается над ним самим.

Глава 7

Возвращаясь к вопросу, поставленному в начале, святой Бернард более подробно исследует, что такое верховный Понтифик

14. Быть может, меня упрекнут в том, что я хочу перейти к своему второму пункту, не исследовав в достаточной мере первого; ибо мое перо, не дерзая предать всеобщему взору человека, находящегося в высшем звании, во всей его наготе, решилось изложить Вам самому, чем Вы должны быть, и поспешило облечь Вас в самое прекрасное убранство, еще не закончив полностью изображение того, что Вы есть; в противном случае Ваши несовершенства были бы тем заметнее, чем выше Вы поставлены. Ведь, в самом деле, трудно не заметить разрушения города, находящегося на вершине горы, или угасания свечи, оставленной стоять на подсвечнике уже после того, как ее потушили! Человек неразумный на престоле — нечто вроде обезьяны на крыше. Так послушайте еще раз то, что я вновь повторяю. Признаюсь, это для Вас не лестно, но от этого не менее полезно. По-моему, нет ниче-

го более ужасного, чем душа, лишенная величия, в высоком чине и звании, или гнусная жизнь на видном посту, или язык, способный изрекать великие вещи, в сочетании с рукой, ленящейся их исполнять; или бесчисленные слова при бесплодных действиях, или серьезное выражение лица при беспечном поведении, или верховная власть при расслабленной воле. Вот зеркало, и пусть всякое безобразное лицо узнает в нем себя; но дай Бог, чтобы Вы порадовались, не увидев в нем никакого сходства с собою. И все же смотрите хорошо, опасаясь, как бы, обладая некоторыми чертами, способными по справедливости доставлять Вам удовлетворение, Вы не оказались обладателем некоторых других, восхищающих Вас гораздо меньше. Я очень желал бы, чтобы Вы могли похвалиться свидетельством своей доброй совести, но вместе с тем воспользовались случаем смирить себя, ибо очень редко кто может сказать: «Я ничего не знаю за собою» (1 Кор 4, 4). Мы гораздо более благоразумно ходим в добре, когда зло от нас не скрыто. Потому, как я уже сказал, познавайте сами себя, дабы в испытаниях, в которых у Вас нет недостатка, Вы не только сохранили свидетельство доброй совести, но и знали, чего Вам еще недостает. Есть ли человек, у которого ни в чем нет недостатка? Если же кто-то хвалится, что имеет все, это значит, что ему всего и недостает. Что нужды в том, что Вы верховный Понтифик? Разве поэтому Вы первый из людей? Если Вы так думаете, то знайте, что с этих пор Вы — последний из всех. Человек может быть первым лишь тогда, когда никто его не опережает, а Вы тяжко заблуждаетесь, если полагаете, что это так. Но нет, Вы не из числа тех, которые принимают звания за добродетели, ибо Вы познали вторые прежде первых; оставьте это заблуждение императорам и всем тем, кто не побоялся требовать для себя Божественных почестей; например, Навуходоносору, Александру, Антиоху или Ироду. Вы же помните, что если Вас и именуют верховным, поскольку Вы Понтифик, то не в абсолютном смысле, а только в сравнительном, причем имея в виду Ваше служение, а не заслуги. Для любого человека Вы, несомненно, первый из служителей Иисуса Христа, независимо от личной святости; в остальном же я желаю, чтобы Вы старались *стать* первым из людей, а не считать себя и не ка-

заться таковым. Впрочем, как могли бы Вы преуспевать и идти дальше, если бы были довольны собой? Итак, не пренебрегайте приобретением того, чего Вам недостает, равно как не отказывайтесь признать последнее. Скажите вместе с одним из своих предшественников: «Не говорю, что я уже достиг или усовершенся» (Флп 3, 12); или: «Я не почитаю себя достигшим» (Флп 3, 13). Таково знание святых, оно не имеет ничего общего с тем [знанием], которое надмевает. Тот, кто собирается его приобрести, готовит себя ко многим скорбям, это правда; однако к таким, перед которыми человек мудрый никогда не отступает, ибо они производят спасительную боль, рассеивающую тяжкий сон нераскаянной и очерствевшей души. Потому мудр был сказавший: «Скорь моя всегда предо мною» (Пс 38 (37), 18). Но пора вернуться к тому, о чем я говорил прежде.

Глава 8

О превосходном достоинстве и власти Понтифика

15. Итак, теперь рассмотрим тщательнее, кто Вы есть, то есть какова здесь, на земле Ваша роль в Церкви Божией. Кто же Вы? Первосвященник, верховный Понтифик. Первый из епископов, наследник апостолов. Вы подобны Авелю первенством; Ною — управлением; Аврааму — патриаршеством, Мелхиседеку — чином, Аарону — достоинством, Моисею — авторитетом, Самуилу — правосудием, Петру — властью и Иисусу Христу — помазанием. Вам вручены ключи и Вам вверены овцы. Конечно, есть и другие, которые тоже могут отверзать небо и заботиться о стаде Господнем; но эта власть тем более славна в Ваших руках, что Вы получили ее совсем особым образом, не так, как другие. На их попечении — лишь то малое стадо, которое им определено, у каждого свое; тогда как для Вас все эти стада составляют единое, а Вы его пастырь, которому должно пасти не только овец,

но и всех других пастырей. Вы спросите меня, где доказательство того, что я говорю; оно — ни в чем ином как в слове Господа.

Кто тот, не скажу епископ, но апостол, которому были вверены все без различия овцы столь непреложными словами: «Если любишь Меня, Петр, паси овец Моих» (см. Ин 21, 15)? Каких овец? Разве здесь говорится о жителях того или иного города, того или иного края, того или иного царства? «Моих овец», — говорит Господь. Так не очевидно ли для всех, что Он говорит не об определенных овцах, а обо всех? Станем ли мы делать различия, если Он их не делал? Быть может, и другие ученики были при том, как Иисус Христос, доверяя всех Своих овец одному пастырю, советовал всем апостолам держаться единства стада и единого пастыря, по слову Песни Песней: «Единственная она — голубица моя, чистая моя» (Песн 6, 8). Где единое, там и совершенное. Все остальные числа не делают совершеннее, удаляясь от единого, а делаются лишь еще более подверженными разделению. Вот почему другие апостолы, уразумевшие тайный смысл слов Учителя, не взяли на себя каждый свое стадо. Даже святой Иаков, почитавшийся столпом Церкви, довольствовался управлением иерусалимской Церковью и оставил Петру попечение обо всей Церкви в целом. Впрочем, для него было весьма любезно такое предназначение: рождать чад для своего брата, умершего на том же месте, где умер Тот, Чьим братом именовался он сам (Гал 1, 19). А если даже брат Спасителя уступает Петру, то кто дерзнет требовать себе его прерогатив?

16. Итак, согласно Вашим собственным уставам, другие получили в удел для попечения лишь часть [стада], тогда как Вы призваны к полноте власти. Их власть ограничена определенными пределами, а Ваша распространяется даже на тех, кто получил право повелевать другими. Разве Вам не дано право, если требуют обстоятельства, затворить небо для какого-либо епископа, сместить его с престола и даже предать сатане? Итак, Вы обладаете бесспорной властью и над ключами от неба, которые Вам вручены, и над овцами, которые Вам вверены.

Но послушайте, вот что еще доказывает Вашу прерогативу. Ученики плыли по Тивериадскому морю (см. Ин 21), когда Господь явился им на берегу, притом, к вящей их радости, в Своем воскресшем теле. Петр, узнав Господа, бросился в море и поплыл к Нему, тогда как другие приближались в своих лодках. Что это значит? Это образ особого служения Петра, которому дано править не какой-то одной лодкой, как прочим, но всем миром, ибо море означает мир, а лодки — различные Церкви. Потому же в другом случае Петр пошел по водам, подражая Учителю, и это показывает, что он единственный наместник Иисуса Христа, призванный управлять не одним народом, а всеми народами мира; ведь известно, что большие воды олицетворяют все народы (см. Откр 17, 15). Итак, если епископы должны управлять каждый своей лодкой, то и Вы также, вот только Ваша лодка огромна и составлена из всех прочих. Это вселенская Церковь, распространенная по всему миру.

Глава 9

О том, что нам следует размышлять над тем,
что мы есть относительно своего естества

17. Итак, вот кто Вы есть. Однако не забывайте и о том, что Вы есть. Я вовсе не забыл о своем обещании вернуться к этому предмету при первом благоприятном случае. Так вот, нет ничего лучше для Вас, как рассмотреть, чем Вы были прежде, и вместе с тем — чем являетесь теперь. Но что я говорю: чем Вы были прежде? Вы есть то же и ныне; так что Вам негоже перестать размышлять о том, чем Вы не перестали быть. Исследовать, чем Вы были и чем являетесь теперь — одно дело, а другое — исследовать, чем Вы стали. Но эти два размышления не должны мешать друг другу, ибо, как я сказал, Вы все еще есть то, что были и вначале, и в не меньшей мере, чем то, что стали впоследствии, а может быть, и более. Тем, что Вы есть, Вы являетесь в силу одного только рождения, а тем, чем стали, Вы обязаны заимствованию, а не изменению. Так что, не перестав быть тем, чем Вы были, Вы

стали тем, чем являетесь теперь. Попробуем рассмотреть эти две вещи одновременно; ибо, как я уже говорил, сближенные одна с другой, они открывают смысл друг друга.

Я говорил, что, исследуя, что Вы есть, Вы прежде всего заметили, что Вы человек, и единственно в силу своего рождения. Но если Вы спросите себя, кто Вы, ответом будет самое Ваше звание: епископ, и не потому что родились им, а потому что стали. Что из двух — быть епископом или быть человеком — для Вас более свое? Не то ли, чем Вы являетесь от рождения? Потому советую Вам прежде всего помнить, чем Вы являетесь изначально, то есть размышлять о человеке в себе.

18. Но если не желаете потерять плоды своего размышления, не довольствуйтесь исследованием того, что Вы есть, но [поразмыслите], каковы Вы есть от рождения. Начните с того, что скиньте с себя рубище, унаследованное от своих отцов и проклятое от начала мира; разорвите это препоясание из листьев, прикрывающее Ваши чресла и неспособное исцелить Ваши раны; наконец, отвергните чары эфемерной славы, этот блеск, ложный и не принадлежащий Вам, и рассмотрите свою наготу, памятуя, что нагим Вы вышли из чрева матери своей (см. Иов 1, 21). Разве Вы родились уже с тиарой? Или были покрыты драгоценными камнями, переливчатыми цветными шелками, увенчаны перьями, отягчены драгоценными металлами? Если же все это, подобно утреннему туману, скоро проходящему и тающему в воздухе, рассеется от Вашего размышления, у Вас перед глазами останется лишь нагой человек, стыдящийся своей наготы, скорбящий, что родился на свет и проклинаящий жизнь; человек, рожденный для страдания (Иов 5, 7), а не для славы; рожденный женою и уже потому — во грехе; человек «краткодневный» (Иов 14, 1) и проводящий свои дни в страхе и слезах, ибо он пресыщен печалью и многими скорбями — как телесными, так и душевными. Разве избавлен от них кто-либо, рожденный во грехе, с тленным телом и духом, бесплодным на доброе? Напротив, он, так сказать, переполнен ими, ибо к немощи тела и слепоте духа прибавьте еще воспринятую по наследству порчу и смертность.

Для Вас это было бы весьма полезным упражнением — помышлять о том, что Вы Папа и вместе с тем не только были, но и остаетесь презренным прахом. Подражайте природе, или, вернее, Создателю природы, держа в своих мыслях одновременно величайшее и малейшее. Тогда Вы увидите, что природа сочетала в человеке дыхание жизни с ничтожным прахом и что Творец природы Сам соединил этот прах со Словом Божиим. Вдохновляйтесь мыслью о нашем двояком происхождении и о тайне нашего искупления, дабы не возгордиться в своем высоком звании, но обрести смиренные чувства в отношении себя и возлюбить тех, кто, как и Вы, стремится жить в смирении.

Глава 10

О том, что третий предмет размышления —
это исследование того, каковы мы есть

19. Если Вы размышляете о своем величии, то помыслите в особенности, каковы Вы есть, ибо такое размышление удерживает Вас внутри себя, не позволяя ни удалиться от себя, ни заблудиться среди представлений о славе и величии, которые Вас превосходят (см. Пс 131 (130), 1–2). Да, ограничьтесь самим собой, остерегайтесь и опуститься ниже самого себя, и превознестись выше, и затеряться вдалеке; держитесь золотой середины, если не хотите преступить меру; только это место надежно и безопасно, ибо только там — правильная мера, и лишь в ней — добродетель. Вспомните, что всякое место, которое не заключено в золотой середине, мудрый считает изгнанием. Он не идет вдаль, ибо это значило бы потерять всякую меру; не идет вширь, дабы не выйти из ее пределов; не идет ни ввысь, дабы не превзойти ее, ни вниз, дабы не оказаться не достигшим ее. Ибо обыкновенно мы удаляемся, лишь только выходя за пределы, расширяем что-либо с риском

разорвать, возносим, подвергая опасности падения, или опускаем вниз, подвергая угрозе потопления. Я так настаиваю на этих объяснениях, опасаясь, как бы Вы не решили, что я собираюсь говорить о долготе, широте, высоте и глубине, постичь которые нас призывает Апостол со всеми святыми (Еф 3, 18). Я вернусь к этому в другом месте и в другое время (см. кн. V, гл. 13 и 14). Но здесь я под долготой разумею притязание на долгую жизнь; под широтой — рассеивание в ненужных заботах; под высотой — слишком высокое самомнение, а под глубиной — чрезмерное самоуничужение. Ведь притязание на долгую жизнь ведет к тому, что человек уносится за всякие пределы и размахом своих замыслов преступает границы жизни. Именно так поступают люди, забывая о моменте, в котором живут, и уходя от настоящего, дабы посредством тщетных замыслов устремиться в будущее, которого никогда не будет и от которого нет никакого проку. То же происходит с духом, желающим объять слишком многое: он непременно будет разорван бесчисленными заботами, ибо, когда материю натягивают слишком сильно, она постепенно истончается, а потом рвется. Что касается гордых помыслов, которыми мы превозносимся, то что это, как не предвестники глубокого падения? Ведь сказано: «Перед падением возносится сердце человека» (Притч 18, 12). С другой стороны, чрезмерная подавленность малодушного слишком напоминает безнадежность. Сильный никогда не позволит себе впасть в нее; благоразумный воздержится и не станет полагаться на ненадежные упования долгой жизни; умеренный не только не будет чрезмерно погружаться в заботы, но воздержится от всего лишнего, не пренебрегая необходимым; наконец, праведный не будет слишком полагаться на свою праведность и, вторя праведнику из Писания, скажет: «Если я и прав, то не осмелюсь поднять головы моей» (Иов 10, 15).

Глава 11

Святой Бернард особенно настоятельно советует
верховному Понтифику тщательно исследовать себя

20. Итак, размышляя о себе, Вы должны быть осмотрительны, дабы не присваивать себе более того, что имеешь, и не отрекаться от себя более, чем должно. А ведь мы присваиваем себе больше, чем нужно, если узурпируем не только достоинства, которых у нас нет, но даже и те, которыми обладаем. Потому Вам надлежит тщательно разобраться, чем Вы являетесь сами по себе, а чем — по благодати Божией, притом сделать это без всякого самообмана и недобросовестности. Несомненно, Вы преуспеете в этом, если честно признаете Божиим все, что от Бога, и своим все, что от Вас. Уверен, что Вы не усомнитесь: все доброе у Вас от Бога, а все дурное — от Вас. Размышляя, каковы Вы, не забывайте напоминать себе, каким Вы были прежде, ибо именно при сравнении настоящего с прошлым Вы увидите, удалось ли Вам преуспеть в добродетели, стяжать мудрость, разумение и милосердие; или же, не дай Бог, Вы даже в какой-то мере утратили

эти добродетели. Стали ли Вы терпеливее, чем прежде, стали ли более кротким или более вспыльчивым, более гордым или более смиренным, более приветливым или более черствым, более непреклонным или более сговорчивым, более малодушным или более великодушным, более серьезным или более рассеанным, более осмотрительным или более легковерным по отношению к себе? Какое обширное поле открывается перед Вами для подобного размышления! Я ведь касаюсь лишь одного места, словно предлагая Вам семя, которое человек, сам не сеявший, мог бы принести сеятелю. Вам же подобает тщательно исследовать и свое усердие, и свое милосердие; затем то, насколько благоразумно Вы используете обе эти добродетели; иными словами, как, карая виновных или прощая их, Вы умеете принять в соображение обстоятельства, время, место и способ, а в этом невозможна чрезмерная бдительность, если мы не хотим, чтобы по нашему небрежению усердие и милосердие перестали быть добродетелями. Ведь они являются таковыми не по природе, а только при правильном применении, а сами по себе не хороши и не дурны. От Вас зависит, сделаете ли Вы их пороками — посредством беспорядочного и чрезмерного употребления, или же добродетелями — посредством мудрого и благоразумного использования. Если же око размышления помрачается, они, как правило, вытесняют и исключают друг друга. А око размышления помрачают две вещи: гнев и привязанность. Одно делает нас скорыми на осуждение, второе расслабляет. Да и как они могут не вредить кротости, присущей милосердию, и праведному суду, присущему благой ревности? Око, помраченное гневом, неспособно больше видеть со снисходительностью, а если оно страдает чувствительностью, приличной одним лишь женщинам, оно неспособно видеть справедливо. Итак, Вы виновны и тогда, когда наказываете того, кто имеет право на снисходительность, и тогда, когда милуете того, кто заслуживает наказания.

Глава 12

О том, что не следует ни утрачивать бдительность в благополучии, ни приходить в отчаяние в несчастии

21. Есть еще нечто, чего Вам нельзя скрывать от себя: это то, каковы Вы в скорбях. Если Вы оказались постоянны и способны проявлять сочувствие к ближнему, радуйтесь: это признак правого сердца. И напротив, неспособность сносить свои собственные скорби вместе с нечувствительностью к скорбям ближних — признак скверной души. Но что сказать о благополучии? Разве оно не заслуживает также Вашего внимания и размышления? Разумеется, заслуживает, особенно если иметь в виду, как редки люди, которые, пребывая в нем, хотя бы отчасти не утратили бдительность и твердость своих принципов. На нравы тех, кого заставляло врасплох, оно всегда действовало как огонь на воск или лучи солнца на снег и лед. Давид был весьма мудр, Соломон еще мудрее, однако одного милости судьбы заставили отчасти утратить мудрость, а другого — и вовсе лишили ее. Велик тот, кто может пережить напасти так, что мудрость его от этого не пострадает; но, по-мое-

му, еще более велик тот, кто лицезрел улыбку фортуны и не стал ее игрушкой. Ведь, по правде говоря, гораздо легче найти людей, сохранивших мудрость в напастях, чем сохранивших ее в благополучии. Думаю, мы вправе считать поистине великими тех, кто в процветании умел удержаться от беспечного смеха, дерзкого языка и всякого чрезмерного стремления к утверждению себя.

Глава 13

О том, что верховный Понтифик должен избегать праздности, пустых дел и бесполезных разговоров

22. Хотя мудрец справедливо советует возделывать мудрость на досуге, следует остерегаться праздности в свободное время и всячески избегать ее, ибо она — мать суетности и мачеха добродетелям. В устах мирских людей пустые речи — это просто пустые речи; в устах священника — богохульство. Если же они возникают, быть может, благоразумно стерпеть их, однако никоим образом не вовлекаться в них. Лучше постараться осторожно изменить ход беседы и перевести ее на серьезные предметы, о которых можно не только слушать с интересом и отрадой, но и предпочитать всяким безделицам. С тех пор как Вы отдали свои уста служению Евангелия, Вы не можете, не согрешая, открывать их ради всякого вздора; а уж сделать это своим обыкновением было бы святотатством, ибо, по словам Пророка, «уста священника должны хранить ведение, и закона ищут от уст его» (Мал 2, 7): [закона], а не вздора и разного рода басен. Более того: эти легкомыслен-

ные и пустые речи, которые мир объявляет приятными и духовными, не только не должны исходить из Ваших уст; нужно, чтобы и слух Ваш был для них затворен. Вам не пристал безудержный смех, а еще менее пристало вызывать его у других. Что касается клеветы и сплетен, то не знаю, кто больше достоин осуждения: тот ли, кто их разносит, или тот, кто слушает.

Глава 14

О том, что в своих суждениях следует
тщательно избегать пристрастности к людям

23. Не хочу утомлять Вас изображением алчности, ибо Вы считаетесь человеком, придающим деньгам не больше значения, чем грязной соломе. Потому нечего опасаться, что они повлияют на Ваши решения и суждения. Однако для судии существует другая опасность, не менее распространенная и не менее пагубная, и по этому поводу я не хотел бы оставить Вас в неведении относительно того, что может произойти в Вашем сердце. «Что же это?» — спросите Вы. Пристрастность. Не думайте, будто для Вас незначительный грех — смотреть на лицо обвиняемого, а не на его поступки.

Есть и еще один недостаток, о котором я хочу сказать; и если Ваша совесть скажет Вам, что Вы от него свободны, то могу заверить: Вы будете единственным из всех известных мне людей, поставленных судить себе подобных, кого совесть в этом не упрекнет, и, значит, Вы поистине чудесным образом превзошли сами

себя, говоря словами Пророка. Этот недостаток — легковерие. Я никогда не видал, чтобы власть имущие могли совершенно оградить себя от уловок этой хитрой лисицы. Она порождает эти беспричинные вспышки гнева, суровость в осуждении невинных и необдуманные приговоры, выносимые против тех, кто отсутствует. Что касается Вас, то, напротив, могу Вас поздравить, не боясь показаться Вам льстецом; так вот, я Вас поздравляю, ибо в этом Вы до сих пор не навлекли на себя ни малейшего упрека, с тех пор как вершите правосудие; но оставляю Вам решать, действительно ли Вы его ничем не заслужили.

Теперь я хотел бы перейти к размышлению о том, что ниже Вас, но это будет предметом следующей книги, тем более что для Вас, как для человека весьма занятого, краткая беседа лучше длинной.

Книга III

Глава 1

О том, что роль верховного Понтифика состоит не столько в том, чтобы подчинить своей власти всех людей, сколько в том, чтобы, насколько возможно, помочь им приобщиться к Церкви

1. Я начну эту книгу с того, на чем закончил предыдущую, и, исполняя обещанное Вам, хочу обратить Ваше внимание и мысли на то, что находится ниже Вас. Что же это в себя включает? Думаю, не у меня, Евгений, лучший из священнослужителей, Вы должны об этом спрашивать. У Вас больше причин спросить, чего это не включает; ибо того, что не подлежит Вашему папскому попечению, пришлось бы искать за пределами нашего мира. Ваши предшественники были посланы завоевывать не какие-то отдельные местности, но весь свет, ибо им было сказано: «Идите по всему миру» (Мк 16, 15). После этих слов они, продав свои одежды, приобрели себе мечи, то есть пламенное слово и великое вдохновение, которые суть оружие Всевышнего. Докуда не дошли эти славные победители, дети побежденных? Какой цели не до-

стигли их быстрые и изостренные стрелы, которые сопровождал огонь поядающий (ср. Пс 127 (126), 5): «По всей земле проходит звук их, и до пределов вселенной слова их» (Пс 19 (18), 5). Охваченные пламенем, который Господь пришел низвести на землю, они проникали повсюду и повсюду несли с собою пожар. Этим великодушных атлетов духа видели падающими, но не поверженными; даже их смерть была победой. Сила их покоится на твердом основании, и они владычествуют над всей землей (см. Пс 45 (44), 17). Вы — их преемник, и весь мир — Ваше наследие. Но попробуем посредством краткого размышления выяснить, на каких условиях обладали им они, а на каких условиях обладаете Вы, ибо не думаю, чтобы Вы получили, даже не говорю владычество [над миром], но право безоговорочно управлять им. Если Вы хотите стать его владыкой, то будет попранием права Сказавшего: «Моя земля и что наполняет ее» (Пс 24 (23), 1). Ибо не о Вас пророк говорил: «Вся земля — владение Твое» (см. Пс 104 (103), 24), а об Иисусе Христе, Который один может притязать на это владычество, не только как Создатель и Искупитель, но и как Тот, Кто получил его от Отца. Разве не к Нему обращены слова: «Проси у Меня, и дам народы в наследие Тебе и пределы земли во владение Тебе» (Пс 2, 8)? Потому оставьте Ему Его достояние и довольствуйтесь ролью управляющего. Таков Ваш удел, а на большее не притязайте.

2. «Но как же так, — скажете Вы, — Вы признаете, что я стою во главе Церкви, и не хотите, чтобы я господствовал над нею?». Нет, не хочу. Впрочем, разве истинно быть господином не значит просто взять на себя все заботы об управлении? Подобно тому как хозяйство управляется волей хозяина, а молодой господин подчиняется воле своего наставника, хотя хозяин — не господин над хозяйством, а наставник — над подопечным, так должно быть и с Вами: вы поставлены во главе Церкви, чтобы бодрствовать над нею, защищать ее, заботиться и хранить ее. Ваш долг — быть ей полезным и управлять ею подобно рабу доброму и верному, которого господин поставил над слугами своими, чтобы давать им пищу их в свое время (см. Мф 24, 45), то есть быть управите-

лем, а не господином. Вот кем Вы должны быть, и не вздумайте искать владычества над людьми, если не хотите, чтобы Вами овладели всякого рода беззакония, ибо Вы и сами — только человек. Об этом мы уже говорили выше, когда рассуждали о том, кто Вы есть. Тем не менее я счел нужным вновь вернуться к этому предмету, ибо ни яда, ни меча я не боюсь для Вас так, как страсти к господству. Разумеется, как бы далеко Вы ни простерли свои прерогативы, Вы не станете думать (разве что впад в великое заблуждение), будто Вы получили больше, нежели Апостолы, преемником которых Вы являетесь.

Вспомните и другое слово: «Я должен и мудрецам, и невеждам» (Рим 1, 14). И если Вы полагаете, что вправе отнести их к себе, по крайней мере знайте, что они сказаны скорее, о слуге, чем о господине. Ведь это о рабе сказано в Евангелии: «Сколько ты должен господину своему?» (см. Лк 16, 5). Итак, если Вы признаете, что Вы не господин, а должник и мудрецов, и невежд, Вы должны прилагать все силы и все старания к тому, чтобы вразумлять неразумных и умудрять удалившихся с пути мудрости. А из всех неразумных самые неразумные, если можно так сказать, — это неверные; стало быть, Вы — должник неверных, то есть иудеев, греков и язычников.

3. Отсюда следует, что Вы должны делать все, что от Вас зависит, чтобы обратить неверных в веру, не дать уже обратившимся уклониться от правого пути и вновь наставить на него уклонившихся. Заблудших надлежит привести на правый путь, соблаздившихся вновь призвать к истине, а соблазнительей неотразимыми аргументами принудить обратиться или, по крайней мере, лишить их людского доверия, дабы они не могли найти себе новых жертв. И ни под каким предлогом Вы не должны оставлять попечения о худших из неразумных, то есть о еретиках и раскольниках, ибо они одновременно развратители и развращенные, настоящие псы, которые кусают и грызут, и настоящие лисы, когда требуется пустить в ход хитрость. Вам надлежит обратить на них особое внимание — или для того, чтобы вразумить их, исправить и спасти от гибели, или для того, чтобы обуздать и не позволить при-

чинять вред. Что касается иудеев, то Вам служат извинением те сроки, которые положил Сам Господь и которые мы не вправе торопить; ибо язычникам надлежит их предварить. Что касается самих язычников, то что Вы можете ответить, или, скорее, что отвечает Вам собственный разум, когда Вы вопрошаете себя, о чем думали Ваши предшественники, поставив пределы распространению Евангелия и изменив долгу нести веру, доколе есть на земле неверные? Почему это слово уловлено в сеть; кто первым преградил путь его спасительному полету? Впрочем, быть может, сделавшие это имели причины или уступили неизвестной нам необходимости.

4. Но скажите, зачем мне закрывать глаза на это зло? На что я надеюсь и о чем думаю, если пренебрегаю долгом нести весть об Иисусе Христе тем, кто о Нем не слышал? Могу ли я несправедливо хранить эту истину сокрытой? Ведь надлежит, чтобы все народы однажды уверовали в Него. Что же мне, ждать, пока эта вера упадет на них с неба? Мне неизвестно, чтобы кому-либо случилось уверовать случайно. «Как веровать в Того, о Ком не слышали? Как слышать без проповедующего?» (Рим 10, 14). Петр был послан к Корнилию, а Филипп — к евнуху, а если взять пример, более близкий к нашему времени, то вот он: святой Григорий послал Августина³ проповедовать веру жителям Англии. Вот что Вы можете сказать себе по поводу язычников. Но не хочу умолчать и о грехах, которые как бы и с нами, и не с нами, соединенные с нами в вере (хотя, по правде говоря, они не следуют всеми ее путями), но разделенные в согласии. А еще хочу сказать о ереси, которая тайно проникает почти повсюду, а иногда свирепствует открыто, пожирая на глазах у всех младенцев Церкви⁴. Вы спросите меня, где такое происходит. Ваши посланники, которым случается час-

3 Августина Кентерберийского.

4 Еретики, о которых речь идет здесь, а также в 65-й и 66-й Беседах на Песнь Песней, хотели отмены крещения младенцев. Возможно, эта ересь распространялась из Аквитании в Испанию, чем объясняются слова св. Бернарда: «южные края», которые последуют чуть ниже.

то наведываться в южные края, знают это очень хорошо и могут рассказать Вам. Они приезжают и живут среди этих народов или по соседству с ними, но я так и не смог уразуметь, какое добро они там делают. Быть может, так бы не было, если бы они не продавали спасение этих народов за золото Испании. Вот еще одна язва, которую Вам предстоит врачевать.

5. Но есть безумие, которое, можно сказать, превратило в глупость самую мудрость веры. Как этот яд смог проникнуть в Католическую Церковь и распространиться почти по всей Церкви? О чем я говорю? О том, что мы, пребывающие в лоне Церкви, помышляем лишь о своих выгодах, и от этого происходят зависть, взаимные подстрекательства, жгучая ненависть, несправедливые нападки, ожесточенные тяжбы. Мы прибегаем к словесным уловкам и хитростям, используем в качестве оружия клевету и злословие. Притесняемые теми, кто сильнее нас, мы, в свой черед, притесняем тех, кто слабее. Какая заслуга, какая честь для Вас — направить все свои помышления против этого страшного безумия, которое, как видите, заражает все Тело Христово, то есть все разновидности верных! О честолюбие, ведь ты — мука душ, которые ты пожираешь; как же так случилось, что, терзая всех, ты сумело стать всем любезно? Нет пытки более жестокой, нет беспокойства более мучительного, чем то, которое внушаешь ты, и все же ничто так не в чести у смертных, как дела твоих рук. Разве не честолюбие — скорее, нежели благочестие — приводит столь многих к славному порогу Апостолов⁵. Разве не его голос звучит под сводами Вашего дворца на протяжении всего дня? Разве не ради привилегий оно понуждает законников и знатоков канонического права предпринимать столько усилий? Разве не по доспехам честолюбия страстно вздыхают Ваши ненасытные итальянцы?

Что больше принуждает Вас, или, скорее, что иное принуждает Вас, не только прервать, но даже и вовсе оставить свое духовное

⁵ Речь идет об обязательном визите епископов в Рим «к апостольским порогам» (*visitatio ad limina apostolorum*), который многие использовали ради своих корыстных целей.

делание? Как часто это зло, которое не знает отдыха и не дает его, делает бесплодным Ваш святой и душеполезный досуг! Велико различие между угнетенными, взывающими к Вашему правосудию, и честолюбцами, прибегающими к Вам лишь для того, чтобы через Вас приобрести власть в Церкви. И если Вы никоим образом не должны пренебрегать первыми, то Вам никак не следует снисходить ко вторым, ибо великая несправедливость — привечать этих и презирать тех, тогда как Вы равно должник и тех и других: первых — чтобы восставить их, вторых — чтобы смирить.

Глава 2

О том, как поступать с апелляциями к Святому Престолу

6. Поскольку я упомянул об апелляциях, бесполезно будет сказать о них несколько слов. Этого рода делам надлежит уделять тщательное внимание, если Вы не хотите, чтобы то, что было установлено ради удовлетворения насущной необходимости, сделалось бесполезным вследствие дурного употребления; ибо я думаю, что если не обращаться с этим крайне осторожно, апелляции могут стать источником бесконечных зол. Ведь к Вам обращаются с ними со всех концов света, такова уж дань почета Вашему званию. Однако, если Вы мудры, то будете радоваться не столько этой привилегии, сколько тому благу, которое может из нее произойти, ибо апостолам сказано: «Тому не радуйтесь, что духи вам повинуются» (Лк 10, 20). К Вам апеллируют, — говорю я, — и дай Бог, чтобы это было столь же благотворно, сколь порой бывает необходимо! Да, дай Бог, чтобы притеснитель получил свое наказание за вопли притесняемых и чтобы злые

не превозносились тем, что составляет несчастье бедняка! Разве есть что-либо лучше, чем видеть, что слабые получают защиту тотчас, как воззовут к вашему имени, а злые боятся его произносить? Но когда совершивший зло торжествует, а пострадавший от него напрасно взывает [о помощи], это неправда и несправедливость. Вы были бы самым бесчеловечным из людей, если бы не поддались состраданию при виде несчастных, которые, став жертвами несправедливости, в довершение всех бед вынуждены предпринимать нелегкий путь и пускаться в дополнительные расходы. Вы были бы самым бесчувственным, если бы в Вас не поднималось негодование против того, кто стал причиной несчастий такого бедняка. Восстаньте, Божий человек, когда такое случится; пришел час сострадания, но и час гнева; пусть сострадание склонит Вашу благосклонность к угнетенному, а гнев воспламенится против угнетателя. Первого утешьте, возместите ему причиненный ущерб, исправьте несправедливость, на которую он жалуется, и вовремя закончите процесс, который для него обременителен; тогда как второго научите горько раскаяться в том, как он дерзнул поступить, и больше не насмехаться над несчастьями невинного.

7. Я придерживаюсь того мнения, что штраф за апелляцию, поданную без серьезной причины, должен целиком ложиться на ее подателя. Впрочем, таково правило, которое было Вам дано незабываемыми началами Божественной справедливости и, если не ошибаюсь, самим законом, не допускающим, чтобы несправедливая апелляция принесла выгоду ее подателю и ущерб ответчику. Для чего без причины мучить человека? Разве не справедливее, чтобы все зло пало на голову того, кто вознамерился нанести вред своему ближнему? Несправедливо поданная апелляция есть явная несправедливость; если же ее оставить еще и безнаказанной, то это значит открыть двери бесчисленному множеству других несправедливых апелляций. Несправедливыми же следует считать все те апелляции, которые не продиктованы невозможностью добиться справедливости. Подавать апелляцию разрешается не для того, чтобы повредить ближне-

му, а чтобы самому избежать несправедливости. А сделать это можно только вследствие решения суда; если же это делается прежде, чем оно принято, то это значит, что человек действует с дурными целями, разве только нас к этому вынуждает очевидный вред, который нам угрожает. Так что, если подающему апелляцию не нанесено оскорбления, то он явно имеет намерение или сам оскорбить ближнего, или выиграть время. А ведь апелляция — не уловка, а прибежище. Сколько сильных мира сего прибегает к ней, пытаясь таким образом выиграть время для совершения того, чего совершать нельзя никоим образом! Всем известно, что многие из них благодаря апелляции получили возможность продолжать жить в гнусных делах разврата, вроде кровосмешения и прелюбодеяния! Какой ужас, когда столь мерзкое распутство охраняется институтом, который должен бы устрашать распутников! Доколе Вы будете делать вид, будто не слышите стонов, восходящих со всех концов земли? Доколе будете пребывать в дремоте? Неужели Ваша способность к размышлению не откроет Вам глаза на подобное злоупотребление и на беспорядки, которые оно порождает? Ведь все это делается вопреки всякому закону и всякой справедливости, с попранием всякого права и обычая, не считаясь с обстоятельствами, местом, временем, причинами и лицами. К апелляциям прибегают наудачу, легкомысленно и часто с очевидно злым умыслом. Когда-то неправедные боялись их как страшного подводного рифа; теперь все наоборот: они используют их, чтобы больше навредить праведным; противоядие стало ядом. Несомненно, [такую перемену] никак нельзя назвать «изменением десницы Всевышнего» (Пс 77 (76), 11).

8. Злые подают апелляции против благочестивых, чтобы помешать им творить добро; а те, узнав о Вашем гневе, в ужасе останавливаются. Теперь подают апелляции даже на епископов, чтобы те не пытались препятствовать незаконным бракам, расторгать их, наказывать воровство, вымогательство, святотатство и множество других подобных беззаконий. Вдобавок подаются апелляции против их права низлагать или лишать

должности, священного звания или церковных бенефициев людей недостойных, осквернивших себя гнусными делами. Какое средство Вы предлагаете употребить для врачевания этого зла; как Вы помешаете тому, чтобы средство, предназначенное для лечения, стало смертоносным? Видя, что дом молитвы превратили в вертеп разбойников (см. Мф 21, 13), Господь воспламеняется святым гневом, а Вы, Его слуга, притворяетесь, будто не замечаете, что то, что должно быть прибежищем для несчастных, стало орудием неправды! Разве Вы не видите, сколь многие стараются прикинуться угнетенными, единственно чтобы прибегнуть к апелляции, и не потому, что их оскорбили, а потому, что они сами хотят оскорбить других. Какая в этом неправда? Ваше дело — размышлять над этим, и не мне ее отыскивать. Но, быть может, Вы скажете: почему же жертвы несправедливой апелляции не придут, чтобы доказать свою невиновность и лукавство противной стороны? Я отвечу Вам то, что они сами обыкновенно отвечают: им отвратительно стараться без всякого толку. Ведь при Вашем дворе в Риме довольно лиц, которые всегда благосклонны к апеллирующим и готовы поощрять их. Для чего же тем ехать в Рим: чтобы проиграть дело? Уж лучше проиграть его у себя дома.

9. Признаюсь, и я того же мнения. Можете ли Вы назвать мне по крайней мере одного из подавших апелляцию, кто возместил бы хоть одно эку за дорожные расходы тех, против кого обращено его дерзкое прошение? Не думаю, что если Вы будете тщательно исследовать каждый случай, то найдете, что апеллирующие всегда имеют основания подавать иск, а ответчики всегда неправы. Что же говорит мудрец? «Любите справедливость, судьи земли» (Прем 1, 1). Однако недостаточно быть справедливым, если не любишь справедливости: ведь то, что мы есть, мы попросту есть; тогда как на то, что мы есть по любви, мы обращаем все свое усердие и ревность. Кто любит справедливость, ревностно ищет ее и не может допустить никакой неправды. Конечно, Вас нельзя смешивать с теми, кто видит в апелляции охотничью добычу и восклицает вместе с язычниками: «Мы пустили

двух тучных оленей!»⁶ Я едва отваживаюсь привести здесь эту поговорку, которая, скорее, отдает шутовством, чем мудростью. Но если Вы любите правосудие, Вы не можете любить апелляции и тем более поощрять их. Быть может, Вы спросите, какая выгода для Церквей Божиих в Вашей личной приверженности правде, если повсюду господствуют совсем другие настроения. Я отвечаю на этот вопрос, рассмотрев, что находится вокруг Вас.

10. Но не думайте, что размышления о том, как вернуть апелляции в границы законного употребления, — всего лишь потеря времени. И если Вы спросите моего мнения, или, скорее, если оно для Вас что-то значит, я скажу, что не следует ни слишком стесняться, ни слишком поощрять использование апелляций. Не могу сказать, какая из этих двух крайностей более предосудительна; однако мне представляется, что злоупотребление чем-либо, вызывающее презрение и недоверие к тому, чем злоупотребляют, должно возбраняться более строго, ибо приносит больше ущерба. Как можно в этом усомниться, ведь мы знаем, что злоупотребление не только является злом само по себе, но и влечет за собой еще худшие последствия! Разве не оно извращает вещи и почти разрушает их изначальную природу, порой совершенно обесценивая самое драгоценное? Например, нет ничего выше таинств. Однако если мы принимаем их или совершаем недостойно, они перестают пользоваться подобающим почетом, а отсутствие почтения к таинствам подлежит суровому осуждению. И все же я полагаю, что такое явление, как апелляция, само по себе — великое благо и столь же необходимо людям, как солнце. Однако, подобно солнцу правды, оно восходит, чтобы сделать явными и рассеять дела тьмы; так что [институт апелляций] непременно следует сохранять и поддерживать. Конечно, я говорю о тех, которые порождены подлинной необходимостью, а не о тех, к которым прибегают из хитрости,

⁶ Речь идет о «подготовленной» охоте, когда заранее пускали животных, притом хорошо откормленных, чтобы охота (например, королевская) была удачной.

ибо в этом случае они становятся делом преступным, поскольку вместо удовлетворения законной нужды способствуют беззаконию. Как не презирать подобные апелляции? Ведь часто случается, что, вместо того, чтобы ответить на них, люди предпочитают отказаться от своих прав, дабы таким образом избежать тягот долгого и бесполезного путешествия. Впрочем, есть и такие, кто, хотя и не решается пожертвовать своими правами, предпочитает отказаться от апелляции, которая бесполезна, пренебрегая тем самым достоинством уважаемых лиц, к которым апеллировать еще более бесполезно.

11. Позвольте привести несколько примеров в подтверждение того, что я сказал. Один молодой человек публично объявил о своей помолвке с девицей. Когда пришел день бракосочетания, когда все было готово и собрались гости, некто, желавший сам жениться на чужой невесте, неожиданно объявил, что она ему первому дала слово, а значит, должна принадлежать ему. Жених был потрясен, гости в недоумении переглядывались, а священник не решился продолжать [таинство]. Все приготовления [к свадьбе] оказались чистым убытком, и каждый вернулся ужинать к себе домой. Что касается невесты, ей пришлось ждать, пока ее будущий жених не вернется из Рима, чтобы разделить с ним трапезу и ложе. Дело происходило в Париже, в столице Франции, обители наших королей...

Другой случай тоже произошел в Париже. Один молодой человек после церемонии обручения назначил день свадьбы. Но тем временем на него воздвигли клевету, утверждая, что он не может законно вступить в брак. Дело попало в церковный суд, но еще прежде решения суда без всякой причины на молодого человека была подана апелляция единственно с целью затянуть дело, ибо в ней не было приведено ни единого нареkania. Что сделал жених? Поскольку он не хотел потерять то, что уже к тому времени потратил, и надолго лишиться счастья соединения со своей избранницей, он не придал апелляции никакого значения и даже сделал вид, что ничего о ней не знает, и довел исполнение своих замыслов до конца.

А что сказать о том, что дерзнул недавно сделать один юноша в одной церкви в Оксерре? Святой епископ этого города тогда только что умер, и все духовенство желало по обычаю приступить к избранию его преемника. Однако внезапно появился этот молодой человек и вмешался в дело, подав апелляцию и утверждая, что избрание проводить нельзя, прежде чем он не съездит в Рим и не вернется⁷. При этом он даже не представил апелляцию, и, видя, что над ним и его незаконным иском насмеются, собрал, сколько мог, сторонников, и приступил к собственному избранию через три дня после того, как закончили выборы другие избиратели.

12. Из этих и многих других бесчисленных примеров, которые я мог бы привести, очевидно, что исками и апелляциями пользуются во зло, и не потому, что ни во что не ставят их, а потому, что ими уже слишком много злоупотребляли. Судите же, что думать о ревности, с какой Вы наказываете пренебрежение ими, если вместе с тем Вы закрываете глаза на причину такого пренебрежения. Хотите действенное средство от этого зла? Задушите его в зародыше, уничтожьте его гнусные корни, то есть карайте злоупотребление апелляциями, как оно того заслуживает. Если злоупотребление пресечено, то пренебрежение ничем нельзя будет извинить; а отсутствие оправданий вынуждает людей умерять свою дерзость. Одним словом, пусть никто не злоупотребляет апелляциями, и тогда никто или почти никто не станет их презирать и пренебрегать ими.

Вы поступаете весьма мудро, отклоняя множество апелляций, ибо они, скорее, являются уловками, чем воззванием к Вашей справедливости; Вы отдаете многие дела суду тех, кто знаком с ними или кто находится в более выгодном положении, чтобы с ними познакомиться. В самом деле, там, где знакомство

⁷ Конечно, это был священник из той епархии, имевший право голоса. У него, скорее всего, было судебное дело в Риме, поэтому он требовал, чтобы выборы не проводились, пока оно не будет решено. Возможно, от этого решения зависело, мог ли он сам быть избранным. — *Прим. ред.*

с делом происходит легче и надежнее, дело заканчивается более верным и быстрым решением. Какую услугу Вы оказываете многим людям, поступая так, и скольким из них даете возможность избежать лишних хлопот и расходов! Но кому Вам следует отдавать предпочтение? Вот что достойно самого усердного Вашего внимания.

Я мог бы продолжить рассуждение об этом предмете еще многими полезными замечаниями, однако довольствуюсь тем, что наметил для Вас верный путь, и теперь перейду к следующему предмету, ибо помню о цели, которую поставил вначале.

Глава 3

О том, что начальствующие [в Церкви] поставлены во главе верных не для того, чтобы господствовать над ними или обогащаться, а для того, чтобы печься о спасении душ

13. Я не думаю, что должен легкомысленно относиться к первому предмету наших размышлений. Вы занимаете в Церкви высшее место, но знаете ли Вы, для чего Вы туда поставлены? Именно об этом Вам, по-моему, следует размышлять особенно усердно. Неужели для того, чтобы возвыситься в ущерб нижестоящим? Конечно, нет, напротив — чтобы споспешествовать их процветанию, ибо Вы поставлены во главе их ради них, а не ради себя самого. Если бы это было не так, как могли бы Вы считать себя выше других — тех, от кого готовы ожидать какой-то выгоды? Вы хорошо знаете, что Господь сказал: «Владеющие [народами] благодетелями называются» (см. Лк 22, 25). Но, — скажете Вы, — тут говорится о земных царях, а потому не касается меня. Но если Вы желаете не столько сами именоваться благодетелем, сколько царствовать над благодетелями народов, тогда напрасно Вам

присвоено звание верховного [Понтифика]. Видеть прежде всего не добро, которое Вы можете сделать нижестоящим, а выгоду, которую Вы можете от них получить, — знак малодушия и низости; однако я не знаю ничего более постыдного, чем подобные чувства в душе того, кто поставлен властвовать над самими властителями. Как прекрасна мысль Апостола народов, сказавшего: «Не дети должны собирать имение для родителей, а родители для детей» (2 Кор 12, 14)! И другое его слово, не менее достойное восхищения: «Я ищущу не даяния, но плода, умножающегося в пользу вашу» (см. Флп 4, 17). Но оставим это, дабы никто не подумал, будто я подозреваю Вас в алчности. Ведь в предыдущей книге я уже сказал, насколько Вы далеки от этого порока, и мне известно, от каких даров Вам случалось отказываться, несмотря на насущную нужду в деньгах, которую Вы в то время испытывали. Так что эти строки я написал к Вам, но не для Вас; я обращаюсь к Вам, но имею в виду не только Вас. Я осудил грех алчности, хотя знаю, что он Вам совершенно чужд; однако так ли он чужд Вашему сердцу, как Вашим поступкам? Это я предоставляю решать Вам. Пока же я видел своими глазами, как Вы презираете богатства (не говоря о подношениях бедных, к которым Вы никогда не желали прикоснуться): когда процветающая Германия принесла к Вашим стопам сокровища, она к своему разочарованию убедилась, что Вы придаете им не больше значения, чем прошлогодней соломе. Их лошадям, несмотря на все их сопротивление, пришлось возвратиться в свою страну, как они и приехали — навьюченными тяжким грузом. Это было поистине ново, ибо до сих пор не видано, чтобы Рим отвергал золото, которое ему подносили; даже и теперь я не могу поверить, что это было сделано с согласия римлян. Как-то раз в Рим приехали два очень богатых человека, и тоже оба подвергшиеся обвинению, один из Майнца, другой из Кёльна. Одного оправдали так, что это ничего ему не стоило, а другого, недостойного, отослали с таким словом: «С чем пришел, с тем пусть и отойдет» (см. Исх 21, 3). Это слово, достойное восхищения и независимого духа Апостолов; оно вполне созвучно другому слову: «Серебро твое да будет в погибель с тобою»

(Деян 8, 20). Я делаю лишь одно различие между первым и вторым: второе более решительно, первое — более умеренно.

А что сказать обостровитянину, приехавшему с края света, пересекшем земли и моря, чтобы во второй раз на свои и чужие деньги купить в Риме епископский титул, который ему когда-то уже удалось купить. Он привез с собой много серебра, но увез его обратно, хотя часть его и пришлось оставить людям, в руки которых он имел несчастье попасть и которые гораздо более Вас склонны брать, а не давать. Вы же поступили прекрасно: невзирая на его сокровища, бескорыстно отказались от [этого серебра], дабы сохранить руки чистыми от двойного осквернения: от того, чтобы возложить их на честолюбца, и от того, чтобы поддержать неправедного. Но не всегда Вас видели закрывающим руку; Вы умели и открыть ее, чтобы дать одному бедному епископу [средство] проявить свою щедрость, дабы его не критиковали за недостаток великодушия: Вы тайно дали ему серебра и золота, которое ему предстояло распределить публично. Вот как Вы сумели черпать в своей суме, дав возможность этому человеку соответствовать обычаям Вашего двора и тем самым, благодаря Вам, избежать злых умыслов тех, кто помышляет лишь о вознаграждениях. Вам не удастся сохранить этот поступок в тайне: я знаю о нем и знаю человека, по отношению к которому он был совершен. Будет ли Вам неприятно, если Вы услышите, что его разглашают? Что касается меня, то чем больше будет Ваше неудовольствие от этого, тем больше я буду чувствовать обязанность это сделать. Вам надлежит иметь именно такое расположение, однако мне надлежит поступать так, как я поступаю. И если Вам негоже искать своей славы, то мне не должно сохранять в тайне славу Иисуса Христа. И даже если Вы будете выказывать недовольство и сетовать, я отвечу Вам словами Евангелия: «Но сколько Он ни запрещал им, они еще более разглашали» (Мк 7, 36).

Глава 4

О том, что не следует без причины вносить путаницу
в звания и чины церковной иерархии.
Святой Бернард сурово порицает тех,
кто озабочен поисками привилегий и льгот

14. Теперь послушайте о другом, если только это не то же самое, а так вполне можно было бы сказать. Впрочем, об этом я представляю рассуждать Вам. Мне не кажется, что мы сильно отклонимся от истины, если отнесем к алчности то, о чем я собираюсь говорить; и не могу не согласиться, что речь идет именно о своего рода алчности, или, по меньшей мере, о том, что имеет все ее внешние свойства. А Вашему совершенству надлежит избегать не только самого зла, но и видимости зла: и то и другое ради своей совести и репутации. Не забывайте, что Вам не подобает делать ничего, что имело бы даже внешнюю видимость зла. Спросите у своих предшественников, и они скажут: «Удерживайтесь от всякого рода зла» (1 Фес 5, 22). Впрочем, невозможно отрицать, что слуга Господа должен следовать за своим Господином, ибо Тот

Сам сказал: «Кто служит Мне, Мне да последует» (см. Ин 12, 26). А о Господе сказано: «Господь царствует, Он облечен величием; облечен Господь могуществом» (Пс 93 (92), 1). Так что и Вы, если хотите подражать Богу, должны доказать свое могущество в вере и достойно владеть своей славой. А Ваше могущество есть свидетельство доброй совести, которая не может себя упрекнуть ни в какой неверности; тогда как слава Ваша — ореол доброго имени. Вот каким могуществом Вы должны облечься, ибо оно есть радость Господа. С другой стороны, сияние Вашей красоты в Его глазах подобно отблеску Его собственной, пленяющей Его; потому облекитесь и славой тоже. Пусть для Вас это будут те две одежды, в которые добродетельная жена одевает своих домашних (см. Притч 31, 21). Пусть Ваша совесть не знает немощи скудной и вечно колеблющейся веры, и пусть на Вашем добром имени не будет ни одного пятна, оскорбляющего взор. Тогда Вы истинно будете одеты в две одежды, которые привлекают очи Жениха к Вашей душе — Его невесте, и исполните радостью сердце Бога. Быть может, Вы спросите, куда я клоню, ибо Вам еще неясно, что я хочу сказать; что ж, не буду больше испытывать Вас. Я хочу говорить о ропоте и жалобах Церквей, вопиющих, что их искалечили и расчленили, что не осталось почти ни одной, которая бы не стеснала или не боялась. Хотите знать, какая язва их все поразила? Вот какая: аббатов изымают из юрисдикции епископов, епископов — из юрисдикции архиепископов, а этих последних — из юрисдикции патриархов и примасов. Приемлемо ли подобное положение вещей? Я был бы удивлен, услышав, что даже сам по себе этот факт можно хоть чем-то извинить. Разумеется, действуя таким образом, Вы доказываете, что обладаете полнотой власти. Но доказываете ли Вы, что Ваша справедливость равна Вашему могуществу? Без сомнения, Вы имеете право так делать, но должны ли? Вот вопрос. Вас вознесли на место, которое Вы занимаете, не для того, чтобы лишать каждый чин иерархии присутствующих ему власти, обязанностей и достоинств, а для того, чтобы сохранять их и «отдавать всякому должное» (Рим 13, 7), по выражению одного из Ваших предшественников.

15. Всякий истинно духовный человек, старающийся здраво судить о вещах, дабы о нем никто не судил (см. 1 Кор 2, 15), предварит любое свое действие трояким размышлением: «Позволительно ли оно? Подобающе ли? Полезно ли?». Ибо, если для христианского философа несомненно, что подобает лишь то, что позволительно, и полезно лишь то, что позволительно и подобающе в одно и то же время, из этого не следует, что все, что позволительно, одновременно полезно и подобающе. Теперь попробуем применить сказанное к занимающему нас предмету. Итак, я спрашиваю Вас, подобает ли Вам не иметь над собой иного закона, кроме собственного произволения (поскольку на Вас подать апелляцию некому), и спрашивать совета лишь у своего могущества, а не у разума. Неужели Вы больше Господа, сказавшего: «Я пришел не для того, чтобы творить волю Мою» (см. Ин 6, 38)? Впрочем, таково свойство души столь же низменной, сколь и превозносящейся — стремиться поступать не по свету разума, а по своей прихоти, как если бы она не была разумной, и следовать не здравому суждению, а инстинкту, подобно животным. Но если это скотоподобие недостойно ни одного существа, получившего в удел разум, то кто сможет вынести, видя, что Вы, правящий всем миром, так унижаете свое естество и порочите свою славу? Если бы Вы, не дай Бог, были способны пасть так низко, Вы заслужили бы жестокого упрека, обращенного ко всему роду человеческому: «Человек был в чести и не уразумел; он уподобился животным, лишенным разума, и сделался как скот» (ср. Пс 49 (48), 13). Сколь недостойно Вас, если Вы, не довольствуясь тем, что весь мир в Ваших руках, будете пытаться Бог знает какими средствами приобрести себе крохи, жалкие частицы того, чем обладаете целиком, словно они Вам не принадлежат! Советую вспомнить притчу о богаче пророка Нафана, который, владея многими стадами, украл единственную овечку у бедного (2 Цар 12, 1), а также злодеяние царя Ахава, который, царствуя над всей землей, захотел присвоить себе еще один виноградник (3 Цар 21, 2). Сохрани Вас Бог от того, чтобы когда-либо услышать упрек, который услышал тот: «Ты убил Навуфея, и еще вступаешь в наследство!» (3 Цар 21, 19).

16. Не говорите мне о пользе изъятий [из юрисдикции], ибо единственный их плод в том, что епископы становятся спесивее, а монахи — распущеннее и даже беднее. Приглядитесь, каковы повсюду доходы и образ жизни такого рода «освобожденных», и скажите мне, разве не приходится стыдиться нужды одних и обмирщения других, ибо именно таковы два следствия этой пагубной свободы. Да и как обитателям монастырей, предоставленным самим себе и на свое несчастье ставшим независимыми, не согрешать с тем большим чувством вседозволенности, что их больше некому остановить? И вместе с тем как монастырям не стать жертвами вымогательства и грабежа тем более безудержных, что их больше некому защитить? В самом деле, к кому им прибегнуть? К епископам? Оскорбленные попранием своих прав, те лишь посмеются злу, обступившему монахов, как уже посмеиваются над тем злом, которое творят сами.

Что же из этого может последовать для Вас? Боюсь, что ничто иное, как кара Божия, которой грозит Его пророк, говоря: «Беззаконник умрет в беззаконии своем, и Я взыщу кровь его от рук твоих» (Иез 3, 18). Ведь если плод этого изъятия — умножение гордыни тех, кого оно касается и неистовая ярость тех, чьи права таким образом попираются, то как предоставляющий его может не подвергнуться нареканиям? И этого еще мало. Я таил огонь под пеплом, но теперь дайте мне выразиться яснее. Если тот, кто ропщет на это изъятие, уже мертв в душе своей, то разве тот, кто стал причиной ропота, может быть жив [душой]? Разве ему не придется отвечать за две смерти одновременно, не считая своей собственной, раз это он дал меч, поразивший две жертвы одним ударом? Вот что заставляет меня воскликнуть вместе с пророком: «Ты убил Навуфея, и еще входишь во владение!» Вдобавок знайте, что люди, которые слышат о таких вещах, соблазняются, исполняются возмущением, начинают изрекать злословие и хулу и, стало быть, тоже уязвляются смертной язвой. О нет, не может быть добрым дерево, плоды которого — высокомерие, распущенность, расточительство, мстительность, ненависть и соблазны и, что еще хуже, глубокие раздоры и бесконечные разногласия

между Церквями. Истинно слово Апостола: «Все мне позволительно, но не все полезно» (1 Кор 10, 22). А что мы скажем о том, что даже не позволительно? Прошу извинить меня, что я говорю о том, сколь непозволительно Вам соглашаться на то, что производит столько зол.

17. Впрочем, неужели Вы полагаете, будто Вам позволительно наносить увечье Церквям, ниспровергать установленный порядок, преступать пределы, положенные Вашими отцами? Если справедливость состоит в том, чтобы воздавать каждому то, что ему причитается, то разве справедливо лишить кого-либо его имущества? Вы заблуждаетесь, если думаете, что Ваша апостольская власть — единственная, установленная Богом, потому что она верховная; и если Вы чувствуете так, то это не согласно со словами сказавшего: «Нет власти не от Бога» (Рим 13, 1); стало быть, «противящийся власти противится Божию установлению» (Рим 13, 2). Если эти слова благоприятны и для Вашей власти, то, во всяком случае, не только для Вашей. Наконец, тот же Апостол говорит: «Всякая душа да будет покорна высшим властям» (Рим 13, 1); не «высшей власти», как если бы она была лишь одна, а «высшим властям», что значит, что таковых несколько. Так что не только Ваша власть от Бога, есть еще низшие и средние; и точно так же, как нельзя разделять тех, кого соединил Бог, несправедливо считать равными тех, кого Бог таковыми не сделал. Если Вы оторвете палец руки и приставите его под затылком, на одном уровне с плечами, получится чудовище. Так же будет и в Теле Христовом, если Вы станете располагать члены иначе, чем это сделал Он Сам. Разве что Вы полагаете, что этот [порядок] в Церкви установил не Он, а кто-либо иной: «И Он поставил одних Апостолами, других пророками, иных Евангелистами, иных пастырями и учителями, к совершению святых, на дело служения, для созидания Тела Христова» (Еф 4, 11–12). Это то самое тело, которое апостол Павел живописует своим истинно апостольским языком и показывает, что оно в полной гармонии со своим Главой, говоря, что, единое с Ним, «составляемое и совокупляемое посредством всяких взаимно скрепляющих связей, при действии в свою меру каждого члена, оно получает

приращение для созидания самого себя в любви» (Еф 4, 16). Остерегайтесь пренебрегать этим порядком вещей под предлогом того, что он установлен на земле; ибо образ его — на небесах. Ведь «Сын ничего не может творить Сам от Себя, если не увидит Отца творящего» (Ин 5, 19). Несомненно, это на самом деле Ему было сказано в лице Моисея: «Смотри, сделай все по тому образцу, который был показан тебе на горе» (см. Исх 25, 40).

18. А вот что видел сказавший: «Я увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, украшенный рукою Божией» (см. Откр 21, 2). Я думаю, что священный писатель, изъясняясь таким образом, имел в виду сходство обоих градов. Так же как на небесах херувимы, серафимы и все прочие чины, вплоть до ангелов и архангелов, помещены под единым главою Богом, так и на земле примасы и патриархи, архиепископы, епископы, священники и аббаты и все прочие члены Церкви расположены в подобном же порядке, тоже под единым главою, каковым является верховный Понтифик. Не следует нарушать порядок, создателем которого является Бог и который нисходит с небес. Если епископ скажет: «Я не хочу повиноваться архиепископу», — а аббат: «Я не хочу подчиняться епископу», — то такие настроения не имеют аналогии на небесах. Разве что Вы сами слышали, как какой-либо ангел говорит: «Я не хочу быть ниже архангелов», — или кто иной из небесных духов провозглашает, что не признает над собой иной власти, кроме Бога.

Вы скажете мне: «Как! Вы запрещаете мне быть раздаятелем?». Не раздаятелем, а расточителем. Ибо я слишком хорошо знаю, что Вы получили власть раздавать льготы, но для созидания, а не для разрушения. Когда существует насущная необходимость в диспенсациях⁸, они оправданны; когда в них есть польза (я имею в виду общественную пользу, а не частную), это похвально; однако если они не полезны и не необходимы, то речь идет

⁸ Диспенсация — предоставляемое церковной властью в особых случаях и по уважительной причине освобождение от обязанности соблюдения какого-либо церковного закона. — *Прим. ред.*

уже не о предоставлении диспенсаций, а о преступном расточении церковных благ. Есть в разных епархиях монастыри, связанные напрямую со Святым Престолом со дня своего основания, по формально выраженной воле их основателя. Это известно всем. Но есть большая разница между тем, что порождается благочестием, и тем, что порождается высокомерием, не желающим терпеть над собой вышестоящих. Но довольно об этом.

Глава 5

О том, что долг верховного Понтифика — тщательно следить за тем, чтобы по всей Церкви соблюдались постановления Святого Престола и предписания его предшественников

19. Теперь Вам остается рассмотреть состояние Церкви в целом. Вам необходимо исследовать, повинуются ли люди низшему духовенству, оно — высшему, а высшее — Богу с надлежащим смирением. Ваше дело — выяснить, царят ли в монастырях и религиозных общинах порядок и дисциплина; пресекаются ли церковной цензурой [проявления] худых нравов и лжеучения; процветает ли виноградник Божий благодаря святой и поучительной жизни Его служителей; приносит ли он плоды, то есть послушны ли верные; наконец, соблюдаются ли Ваши собственные декреты и предписания со всем тщанием, какого они заслуживают, дабы в хозяйстве Вашего Господина никто не страдал по Вашей вине и не совершался никакой обман. Однако вполне возможно, что это двойное зло существует; даже будьте в этом уверены.

Я со своей стороны могу показать Вам несколько таких мест, насажденных Вашей собственной рукой, не говоря уж о многих землях, так и оставшихся невозделанными, а ныне совершенно разоренных. Разве Вы сами на Соборе в Реймсе (в 1148 г.) не обнародовали каноны, которые я сейчас приведу? Но кто их сегодня соблюдает? Вы заблуждаетесь, если полагаете, что с ними считаются; а если не полагаете, то виновны или в том, что издали постановления, которые не обязательно исполнять, или в том, что делаете вид, будто Вам неизвестно, что ими пренебрегают. Вы сказали: «Мы предписываем как епископам, так и священникам не оскорблять взор людей, для которых они должны быть примером и образцом, [своей] роскошью, яркими и пестрыми цветами и кроєм своих одежд, а также манерой носить бороду и волосы. Мы советуем им, напротив, осудить подобные злоупотребления своим собственным примером и во всем своем поведении выказывать уважение к той чистой и святой жизни, обязанность которой на них наложена самим почтенным званием священнослужителя. Клириков, которые, получив предостережение епископа, в течение сорока дней не подчиняются, тот же епископ должен лишать всех церковных бенефициев. Что касается самих епископов, которые по небрежению не предостерегут свое духовенство об этом наказании (ибо всем известно, что ничто не вводит нижестоящих в грех так, как слабость и небрежение вышестоящих), то мы желаем, чтобы они временно лишались епископских функций — до тех пор, пока не подвергнут своих клириков предписанным санкциям. Кроме того, мы сочли полезным прибавить, что никто не может быть поставлен архиdiaконом или деканом, если уже не является диаконом или пресвитером. Архиdiaконы, деканы и архиереи, еще не принявшие упомянутого сана, должны быть лишены своего звания, если отказываются подчиниться и не соглашаются на рукоположение. Впрочем, мы запрещаем жаловать эти достоинства людям слишком молодым или тем, кто еще не рукоположен в священник сан, даже если они отличаются мудростью и праведной жизнью».

20. Таковы Ваши слова, Ваши собственные постановления. И что из них следует? Мы по-прежнему видим, как совсем молодые люди и люди, не посвященные ни в какой сан, получают церковные должности. Что касается первой части [Вашего постановления], то роскошь одежд, которую оно запрещает, с тех пор ничуть не стала меньше, а наказание за нее остается мертвой буквой. Скоро четыре года как эти предписания приняты, а мы еще не слышали ни об одном церковнослужителе, который посетовал бы на то, что его лишили бенефициев, и ни об одном епископе, отстраненном от своих функций. Но что действительно должно заставлять нас проливать горькие слезы, так это то, что из всего этого последовало: безнаказанность, дочь беспечности, породила отсутствие дисциплины, которое — мать бесстыдства и источник всех преступлений. Я счел бы Вас счастливейшим из смертных, если бы Вы теперь сумели своими стараниями помешать этой беспечности, из которой проистекают все беды. Вероятно, Вы так и поступите, но пока откройте глаза и взгляните: разве и теперь, как некогда, блеск ярких и пестрых одежд не бесчестит служителей святыни; разве широкие прорезы в их одеждах не позволяют видеть все их формы совершенно непристойным образом? Они обыкновенно отвечают: но ведь Бог смотрит не на одежды, а на нравы! Однако как вы не видите, что форма ваших одежд свидетельствует о состоянии ваших душ и испорченности нравов? Что значит, что служители Церкви хотят быть одним, а казаться другим? Это и нескромно, и непорядочно. По правде говоря, если судить по одежде, то они, скорее, напоминают рыцарей; если судить по жадности, они истинно священнослужители, а если судить по делам, то они и не то и не другое, ибо и не сражаются, как первые, и не благовествуют, как вторые. Кто же они такие? Желая принадлежать сразу двум сословиям, они оказываются ни тем и не другим и лишь производят их смешение. Сказано, что «все [оживут] в своем порядке [т.е. звании]» (1 Кор 15, 23). В каком же звании воскреснут они? Неужели оттого, что они грешили, не принадлежат ни к какому званию и сословию, они и в день гибели не будут причислены ни к какому чину и сословию? Разве что мы напрасно верим, что Бог, облада-

ющий высшей мудростью, присваивает каждой твари ее звание, от самой высшей до самой смиренной; если же нет, то боюсь, что для тех, о ком я говорю, не найдется иного места, кроме места вечного ужаса, где нет никаких званий. Сколь достойна сожаления невеста, попавшая в руки людей, которые не стесняются отбирать у нее то, что предназначено для ее [свадебного] убранства! Они, конечно, не друзья Жениха, а скорее, Его соперники. Впрочем, довольно говорить о том, что находится ниже Вас. Не потому, что мы исчерпали предмет, ибо он неисчерпаем, а потому, что этого довольно для цели, которую я себе поставил. Мне остается поразмышлять с Вами о том, что Вас окружает. Это будет темой моей четвертой книги.

Книга IV

Глава 1

Повествование о тех, кто Вас окружает

1. Возлюбленный Евгений, если бы я знал, какой прием Вы окажете первым частям этого труда, я не преминул бы продолжить его или с еще большей доверительностью, или же с еще большей осторожностью, а то и вовсе прервал бы его. Но поскольку дальность расстояния, которое нас разделяет, не позволяет этого знать, то прошу Вас не удивляться, что я колеблюсь, продолжать ли мне писать, пусть даже кратко, и, признаюсь, с некоторой боязнью приступаю к самой сути своего предмета. Итак, в первых книгах я рассмотрел первые предметы размышления, а теперь хочу поговорить о вещах, которые вокруг Вас. Это не значит, что они не находятся также ниже Вас, но поскольку касаются Вас очень близко, они могут вредить больше других. Ведь вещи, которые у нас перед глазами, не терпят, когда мы не обращаем на них внимания и притворяемся, будто не замечаем их или забываем о них. Они теснят нас больше всех других, тяжко довлеют над

нами. Можно даже опасаться, что они согнут нас под своей тяжестью. Потому — и я уверен, что Вы убедились в этом на собственном опыте — они требуют от нас большего внимания. Если же случается, что мы, напротив, не считаемся с ними благоразумно и своевременно, как они того требуют, то мы оказываемся раздавлены ими, без конца терзаемся и беспокоимся. Они не дают ни минуты передышки, из-за них наше сердце как будто не принадлежит нам; мы прилагаем все больше усилий, а достигаем все меньшего. Выражаясь яснее, хочу сказать, что город, двор и поместная Церковь, которые всякий день требуют Ваших неусыпных забот, и есть то, что Вас окружает [непосредственно]. Это народ и духовенство, чьим епископом Вы являетесь в первую очередь и которые, следовательно, имеют особое право на Ваши заботы; старейшины народа, которые каждый день оказывают Вам помощь в качестве судей; наконец, Ваши домочадцы и те, кто сидят с Вами за одним столом: Ваши капелланы, камердинеры и все служащие, кем бы они ни были, — вот о ком я намерен теперь говорить. Они совсем близко от Вас, чаще всех стучатся в Ваши двери и больше всех Вам докучают. Можно сказать, они не боятся разбудить возлюбленную прежде, чем ей угодно.

Глава 2

О нравах духовенства и римского народа,
о бдительности и заботе пастырей прошлого

2. Первая причина, по которой римское духовенство должно быть самым исправным, в том, что оно служит образцом для духовенства всей остальной Церкви; вторая — в том, что позор за беспорядки, творящиеся прямо у Вас перед глазами, больше всего падает на Вас. Дело чести Вашего Святейшества — чтобы духовенство, которое находится перед Вашим взором, было настолько безупречным и образцовым, чтобы своим поведением являло образчик и пример благочестия и добропорядочности. Нужно, чтобы оно гораздо более всех других, исполняя священные функции преподавания таинств, выказывало усердие к просвещению душ и соблюдало совершенное целомудрие. Что касается народа, то что мне сказать, кроме того, что это народ Рима! Этим все сказано, и я не сумею выразить лучше то, что о нем думаю. Ведь уже издавна нет иного народа, который так славился бы своим пристрастием к роскоши и своим высокомерием. Этот

народ, с его нелюбовью к миру и любовью к мятежу, всегда был жестокосердным и несговорчивым и подчинялся игу только тогда, когда ему некуда было деваться. Я указал Вам на недуг, но Ваше дело — попытаться его исцелить, не пытаясь сделать вид, будто Вы его не замечаете. Быть может, Вы усмехаетесь, слыша такие слова, ибо считаете его неизлечимым; и все же не следует оставлять стараний. От Вас требуется не излечить больного, а лечить его. Ведь не сказано: «Вылечите его и верните ему здоровье», но сказано: «Позаботьтесь о нем» (Лк 10, 13). Справедливо заметил один поэт: «Не всегда во власти врача исцелить больного» (Овидий, *De Ponto I, eleg. 10*). Но лучше я вспомню слова одного из Ваших [собратьев]. Вот как изъясняется святой Павел: «Я более всех потрудился» (1 Кор 15, 10). Он не говорит: «Я сделал больше всего добра, я принес больше плодов, чем другие». Это была бы гордость, которой он всемерно избегает. Впрочем, он познал от Самого Бога, что каждый получит [воздаяние] в меру своего труда, а не успеха (см. 1 Кор 3, 8). Вот почему он хвалится не столько тем, что больше преуспел, сколько тем, что больше потрудился, как видно и в другом месте, где он говорит о своих «бесчисленных трудах» (см. 2 Кор 11, 23). Итак, умоляю Вас по его примеру делать то, что в Ваших силах; Бог же, со Своей стороны, сделает то, что зависит от Него, так что Вам не придется заботиться и беспокоиться об этом. Насаждайте, поливайте, опекайте, и Вы исполнили свое дело; а затем Бог, а не Вы, возрастит, когда Ему будет угодно, это несомненно. А если Ему не угодно будет этого сделать, Вы все-таки ничего не теряете, ибо сказано: «Он воздаст святым награду за труды их» (см. Прем 10, 17). Итак, не заботьтесь о вознаграждении за свой труд: неудача не лишит Вас его. Я говорю так, не взирая на могущество и благость Божию. Я знаю, что этот народ жестокосердый, но Бог властен из камней сотворить сынов Авраамовых. Кто знает, быть может, Он обратится к ним и простит их, исцелит и преобразит? Впрочем, сохрани меня Бог указывать Ему, что Он должен делать. Я молю Его лишь об одном: побудить Вас делать то, что надлежит и так, как надлежит.

3. Знаю, что я касаюсь деликатной вещи и вступаю на путь разговора весьма щекотливого, ибо стоит мне начать говорить, что я думаю, как уже вижу, что меня ожидает: не имея возможности обвинить мои слова в несправедливости, их обзовут новшеством. Как? Это новшество? Не думаю; ведь то, чего я требую, существовало в прежние времена, а если даже и пришло после в упадок, то возвращение к этому — отнюдь не новшество. Кто станет оспаривать, что то, о чем я говорю, не только когда-то существовало, но и довольно длительное время воплощалось на практике? Что же это? Я скажу, конечно, хотя и без толку. Почему [без толку]? Потому что это не понравится Вашим сатрапам, которые больше гонятся за властью, нежели за правдой. Прежде Вас были пастыри, которые без остатка посвящали себя заботам о своих овцах, хвалились лишь званием и обязанностями пастырей душ и считали зазорным для себя лишь то, что было, по их мнению, пагубно для паствы. Они не искали своих интересов, но жертвовали ими и растрачивали свои силы, имение и самих себя, что дало право одному из них сказать: «Я охотно буду издерживать свое и истощать себя за души ваши» (2 Кор 12, 15). И, словно им самим принадлежали слова о том, что они пришли не для того, чтобы им служили, а для того, чтобы послужить другим (см. Мк 10, 45), они возвещали Евангелие всякий раз, как это было нужно, не делая это средством наживы. Впрочем, у них не было иных притязаний, иной выгоды, иной славы и блаженства, кроме как сделать, насколько можно, свою паству народом, совершенным в очах Господа: такова была единственная цель всех их стараний, только ради этого они изнуряли тело и душу, несли скорби и тяготы, терпели голод и жажду, холод и наготу.

4. Что же стало с этим обычаем теперь? Он уступил место другому, совсем иному. Вкусы переменялись; дай Бог, если не к худшему. Без сомнения, существуют и теперь тяготы и заботы; есть ревность и старание; они ничуть не утратили своей силы, изменился лишь их предмет. Я охотно признаю, что Вам приходится иметь дело не с большими богатствами, чем кому-то в свое время. Разница одна: они имеют иное применение. Смотрите,

какое странное дело: как мало теперь людей, внимающих гласу законодателя; большинство глядит лишь ему в руки. Но так ли они неправы? Конечно, нет, ибо именно от этих рук и зависят все дела папства. Можете ли Вы мне привести в пример хотя бы одного жителя этого огромного города, избравшего Вас Папой, который приветствовал бы Ваше возвышение, не будучи склонён к этому деньгами, которые уже получил или надеется получить? Все эти люди тем более воспламенены жаждой господства, чем более страстно объявляли себя Вашими служителями: они хвалятся своей верностью, чтобы легче погубить тех, кто им доверяется. Отныне Вы не можете принять ни одного замысла, из которого, как они считают, их можно исключить, не можете иметь ничего тайного, во что они не притязали бы быть посвященными. Если, по несчастью, привратник заставит их ждать хоть немного, я не хотел бы оказаться на его месте. Так что даже по тому малому, что я сказал, судите, хорошо ли мне известны нравы Вашего окружения! Это люди, весьма быстрые на зло и совершенно неспособные к добру. Равно отвратительные небу и земле, они безразличны и к тому, и к другому⁹. Лишенные благоговения перед Богом, почтения к святыням, они враждуют между собой, завидуют своим соседям и притесняют иноземцев; никого не любя, они ненавидимы всеми, а поскольку их все боятся, нет человека, которого не опасались бы и они. Таковы эти люди, которые не желают повиноваться и не умеют повелевать; неверные своим начальникам, они невыносимы для тех, кто им подчинен; бесстыдные, когда нужно добиться своего, они непреклонны, когда отказывают. Когда им нужно заполучить что-либо, они назойливы и не оставляют усилий, пока не добьются желаемого, но совершенно не знают, что такое благодарность. На устах их великие слова, но они неспособны сделать ничего существенного. Они щедры на обещания, но не на дела. Их язык столь же искусен, сколь остры зубы. Ино-

9 По призыву Арнольда Брешианского римляне подняли восстание, желая восстановить древнеримскую республику, оставив верховному Понтифику лишь его духовную власть. Все эти события в подробностях рассказаны в *Письме 243*. О них говорит также Бароний в 1152 году.

гда они способны проявить столько же притворного сладкоречия, сколько и хитрости, чтобы навредить. Я счел необходимым войти в такие подробности, дабы лучше познакомить Вас с теми, кто Вас окружает.

5. Но вернемся к предмету нашего разговора. Что это за обычай в ущерб Церквам вознаграждать тех, кто издает приветственные возгласы при Вашем приближении, и полными пригоршнями разбрасывать на улицах, где живут богатые, то, что может составить пропитание бедняков. Серебряные монеты блестят в уличной грязи; на них кидаются со всех сторон, но не те, кто всех беднее, а те, кто сильнее и ловчее. Я знаю, что не Вы положили начало этому обычаю, или, вернее, этому ужасному злоупотреблению; дай Бог, чтобы Вы положили ему конец! Но пойдём дальше. Кто же шествует посреди всего этого? Вы, пастырь народа, в сиянии золота и самых многокрасочных одеяний. Какая от этого польза Вашей пастве? Дерзну сказать, что все это более выгодно бесу, чем Вашим овцам. Или Вы полагаете, что Петр и Павел делали то же, что Вы, и развлекались подобным образом? Взгляните: все Ваше духовенство ищет и жаждет лишь одного: сохранить свои чины и [привилегии]; все помышляют лишь о внешней роскоши, а святости ничего или почти ничего не остается. Когда необходимость заставляет Вас немного снизойти и стать чуть более доступным, Вам со всех сторон кричат: «Берегитесь! Это не в духе времени, в которое мы живем! Вам надлежит больше заботиться о своем звании и титуле!». Меньше всего все думают о том, чтобы угодить Богу. Никто не прилагает никаких усилий к спасению, или, быть может, они считают спасительным все, что дышит величием, и великолепие для них — то же самое, что святость? Все, что напоминает смирение, настолько не в чести у людей Вашего двора, что они предпочли бы даже скорее быть смиренными, чем показаться таковыми другим. Что касается страха Божия, то в их глазах это — всего лишь святая простота, если не сказать безумие, и всякого, кто печется о своей душе и имеет совесть, называют лицемером. На тех же, кто любит уединение и умеет находить какое-то время для себя, смотрят как на людей бесполезных.

Глава 3

О преобразованиях, которые надлежит предпринять в связи с великолепием одеяний, а также об усердии, необходимом верховному Понтифику

6. Но Вы — что делаете Вы? Зрячи ли еще Ваши глаза, которыми Вы смотрите на этих людей, увлекающих Вас в смертные сети? Прошу Вас, не гневайтесь и выслушайте меня с терпением. Впрочем, скорее простите сдержанность, чем дерзость моих выражений. Я люблю Вас всем сердцем, и дай Бог, чтобы эта любовь оказалась столь же полезна Вам, сколь она велика в моей душе. Я знаю, среди каких людей Вы находитесь; Вы окружены людьми безверными и любящими распутство, скорее, волками, чем овцами, и все же Вы их пастырь. И если какое-то размышление и может быть Вам полезно, так это то, которое поможет найти средство обратить их, дабы они не обратили Вас. Не стоит отчаиваться, терять веру в то, что они могут вновь стать овцами: ведь стали же они из овец волками! Тут я не хочу Вас щадить, дабы однажды Бог не лишил Вас пощады: если Вы не признаете себя пастырем тако-

го народа, тем самым Вы докажете, что таковым являетесь. Но Вы не отважитесь отрицать это, боясь, как бы тот, чьим преемником Вы являетесь, тоже однажды не отверг Вас. Я говорю, разумеется, о Петре, и не помню, чтобы его когда-либо видели выходящим к народу отягченным золотом и драгоценными камнями, одетым в шелка, восседающим на белом иноходце¹⁰, окруженном воинами и в сопровождении блестящей свиты. Петр явно считал, что и без всего этого он прекрасно может исполнять свою спасительную миссию: «Если любишь Меня, паси овец Моих» (см. Ин 21, 15). Видя роскошь, которая Вас окружает, можно подумать, что Вы, скорее, преемник Константина, чем Петра. Я советую Вам пока что терпимо отнестись к этим обычаям, но никоим образом не считать их необходимостью. Впрочем, лучше займитесь тем, что составляет Ваш истинный долг: пусть в пурпуре и золоте, Вы не должны пренебрегать заботами и трудами, присущими Вашим пастырским обязанностям, ибо Вы — наследник пастыря, и не Вам стыдиться благовестия. Более того: если Вы будете неустанно благовествовать народам, Вы явитесь во славе, сопричтенным к лику апостолов. А проповедовать Евангелие — значит пасти своих овец. Исполняйте свое служение проповедника Евангелия, и Вы исполните пастырское служение.

7. Быть может, Вы скажете: но ведь те, кого Вы призываете меня пасти, — не овцы, а, скорее, скорпионы и змеи. Тем более, отвечая, Вам надлежит подчинить их, однако не мечом, а словом. Зачем Вам применять меч, если когда-то Вам было велено вложить его обратно в ножны? Никто не отрицает, что этот меч Вам принадлежал, но вспомните, в каких словах Господь обратился к Вам, сказав: «Вложи меч в ножны» (Ин 18, 11). Итак, он Ваш, и, несомненно, его не следует применять без Вашего ведома, однако Вы сами больше не можете взять его в руки. Ведь если бы он Вам не принадлежал, то ученикам, сказавшим: «Вот, у нас два меча»

¹⁰ В то время существовал обычай: верховный Понтифик должен был выезжать на белом иноходце. Аббат Сугерий упоминает об этом в своем *Житии Людовика VI Толстого*.

(см. Лк 22, 38), Господь не ответил бы: «Слишком много». Итак, нельзя отрицать, что Церковь обладает двумя мечами: земным и духовным, и если первый вынимается из ножен за Церковь, то взяться за второй может только она сама. Один берет в руки священник, другой — воин, но с согласия Понтифика¹¹ и по приказу императора, как я уже говорил в другом месте. Что касается Вас, то Вам следует вооружиться тем, который дан Вам, чтобы Вы сами им пользовались и поражали, дабы спасти если не всех грешников, то хотя бы большую их часть или хоть тех, кого Вы сможете достигнуть.

8. Вы скажете мне: но я не лучше своих отцов, а кого из них этот ужасный народ, не говорю — послушал, но хотя бы не сделал предметом насмешки? Тем больше причин явить свою власть; быть может, Вас он послушает, быть может, успокоится. Будьте тем более настойчивы, чем больше Вам будут сопротивляться. Разве это я сказал: «Настаивай во время и не во время» (2 Тим 4, 2)? Осмелитесь ли Вы утверждать, что сказавший эти слова преувеличивал? Пророку было велено «взывать громко, не удерживаться» (Ис 58, 1), но к кому он должен был взывать, как не к грешникам и беззаконным? Ибо там же сказано: «Укажи народу Моему на беззакония его, и дому Израилеву — на грехи его». Заметьте, что тут говорится одновременно о беззаконных и о народе Божиим; примените эти слова к своему народу: правда, что он грешит и творит беззакония, но берегитесь, как бы Вам не услышать слова: «Так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне» (Мф 25, 45). Я охотно соглашусь, что этот народ до сих пор всегда выказывал свое упрямство и непокорность сердца; но как Вы докажете, что его вовсе невозможно покорить и обуздать?

¹¹ Примерно в таких же выражениях святой Бернард говорит о двух мечах Церкви в 56-м письме. Иоанн Солсберийский в своем «Поликратике» (кн. 4, гл. 3) говорит следующее: «От Церкви князя получают тот меч, который она не могла сохранить в своих руках, поскольку он проливал человеческую кровь; однако и он принадлежит ей, хоть и используется рукою князей».

То, чего еще не было, может произойти, а если Вы не верите в успех, полагаясь на свои силы, то ведь для Бога нет невозможного. Если Ваш народ отличается непреодолимым упрямством, то и Вы не уступайте ему ни в чем. Нет ничего столь твердого, что не уступило бы еще более твердому. Вот почему Господь сказал пророку: «Я сделал лицо твое крепким против лиц их» (Иез 3, 8). Вы не будете иметь оправдания, пока не сможете сказать своему народу: «Что еще надлежало мне сделать тебе, народ мой, чего я не сделал тебе?» (см. Ис 5, 4). Если Вы будете поступать так и все же не добьетесь успеха, тогда Вам останется лишь уйти из земли Ур, восклицая: «Другим народам должен я благовествовать Царствие Божие» (Лк 4, 43). Думаю, Вы не станете сожалеть об изгнании, которое откроет перед Вами вместо одного города весь мир.

Глава 4

О том, каких людей верховный Понтифик должен выбирать для своего окружения и помощи в своем служении.
Добродетели, которые необходимы высшему духовенству

9. Теперь поговорим о тех, кто сидит вокруг Вас и трудится вместе с Вами, то есть о Ваших наперсниках и доверенных лицах. Если они надежные люди, Вам первому это выгодно; если же ничего не стоящие, Вы страдаете от этого больше других. Трудно считать себя в добром здравии, если недуг рядом с Вами; иными словами, не думайте, что можете быть добрым, если опираетесь на злых; а если Вы добры, но только Вы один, какой в этом толк? Я уже спрашивал Вас (книга III, п. 9), какой толк для Церкви Божиих в Вашей личной приверженности правосудию там, где довлеет мнение людей, стремящихся совсем к иному. Впрочем, все Ваши добродетели в подобном соседстве примерно в такой же безопасности, как Ваша жизнь в соседстве с [ядовитой] змеей. Мы не можем нигде найти прибежища от внутреннего зла; и наоборот, наше домашнее добро становится настолько более благодатным, на-

сколько часто мы его используем. Но что бы ни делало Ваше окружение — служит ли оно Вам или вредит, — спросится все равно с Вас, ибо Вы сами его выбрали или допустили. Я говорю не обо всех, кто окружает Вас, ибо среди них есть и те, кого избрали Вы, и те, кто избрал Вас. Но в любом случае у них нет другой власти, кроме той, которую они получают от Вас; так что это одно и то же, и Вам следует вменять себе все зло, которое они творят, ибо без Вас они были бы неспособны ничего сделать. Но оставим этих последних; итак, Вы видите, что Вам не подобает избирать легкомысленно тех, кто будет разделять Ваше служение. По примеру Моисея (см. Числ 11, 16) Вы должны созвать к себе со всех концов света предпочтительнее старцев, а не юнцов, однако таких, которых Вы знаете и которые способны быть старейшинами народа не столько по своим летам, сколько по зрелости. Почему же Вы не ищете их по всему свету? В этом деле очень важно, чтобы никто не вмешивался своим ходатайством или советом, ибо следует поступать, исходя из собственного благоразумия, а не чужих советов. Есть вещи, в которых мы не можем отказать просящим: либо когда их настойчивость заставляет нас сдаться, либо когда мы видим их крайнюю нужду. Однако так может быть, только когда речь идет о наших личных делах; в тех же случаях, когда недопустимо поступать по своему желанию, какое место остается просителям? Разве что он желает не того, чтобы я уступил ему то, чего он просит, а того, чтобы я по справедливости сам желал того, чего желает он. Один ходатайствует за себя, другой, быть может, за кого-то еще; так что в первую очередь Вам следует отнестись с подозрением к тому, в пользу кого совершается ходатайство. Что касается первого, он должен быть для Вас уже человеком, подлежащим осуждению, независимо от того, сам ли просит за себя или поручает это другому. Что же касается духовного лица, которое постоянно посещает двор, не принадлежа к нему, будьте уверены, что оно относится к той же породе интриганов. Если Вы встречаете льстеца, человека, который всегда придерживается общего мнения, то можете и его записать в число тех же просителей, даже если он еще ни о чем не просил. Яд скрыт не в голове скорпиона, а в его хвосте, которого и следует опасаться.

10. Если Вы чувствуете, что Ваше окружение готово поддаться на лесть и обхаживания подобных людей, что случается слишком часто, вспомните слова: «Всякий человек подает сперва хорошее вино, а когда напьются, тогда худшее» (Ин 2, 10). Вам следует отличать благое смирение богобоязненного человека от того, который чего-либо ждет от Вас: человеку лукавому и коварному свойственно принимать облик смиренника, когда он желает чего-либо добиться. О таковых Писание говорит: «Под смирением сих людей таятся дурные помыслы, и сердце их исполнено лукавства» (ср. Сир 19, 23). Вы можете найти бесспорные тому примеры в том, что каждый день происходит перед Вашими глазами. Скольких людей Вы принимали по их внешности, за смиренный и умоляющий вид, а после обнаруживали, как они гнусны, бесстыдны, упрямы и мятежны! Вначале им удастся прикрыть пороки своей души, но те непременно проявятся. Имеете ли Вы дело с молодым человеком, острым на слово и речистым, но лишенным здравого смысла, не сомневайтесь, что найдете в нем врага правосудия. О таких-то лжебратьях и говорил Апостол: «Рук не возлагай поспешно на кого попало» (см. 1 Тим 5, 22).

11. Удалив от себя, как чуму, такого рода людей, постарайтесь окружить себя теми, о ком никогда не пожалеете, что поставили их рядом с собою. Для Вас не слишком почетно, если Вы станете часто переделывать уже сделанное, и не годится, чтобы Ваше суждение часто оказывалось ошибочным. Стало быть, что бы ни предстояло предпринять, начните с того, что тщательно исследуйте дело и сами, и с теми, кто Вам предан; начните с этого, говоря, ибо этим поздно заниматься, когда дело уже сделано. Мудрец так и говорит: «Ничего не делай без размышления — и не будешь сожалеть о содеянном» (ср. Сир 32, 22). В остальном же не сомневайтесь, что очень трудно испытать тех, кого Вам надлежит приблизить к себе, если они уже находятся при дворе; потому советую Вам не приближать к себе людей, чтобы испытать их, но делать это, уже испытав их. Мы в своих монастырях принимаем приходящих с надеждой, что они станут лучше; но даже если при дворе и оказывается кто-то добрый, то едва ли там можно

таким стать. Опыт показывает, что там, скорее, гибли многие благочестивые люди, нежели дурные исправлялись. Так что лучше всего принимать тех, которые больше не подвержены опасности падения и не стремятся восходить по ступеням добра, ибо они совершенны.

12. Итак, не принимайте людей, которые гонятся лишь за почестями; выбирайте лучше тех, кто их избегает и боится; таковых привлекайте ко двору даже вопреки их желанию. По-моему, Вы сможете быть спокойны только людьми с такого рода. Они будут вести себя не бесстыдно, а сдержанно и скромно; будут бояться только Бога и уповать только на Него. Они станут смотреть не на приношения тех, кто к ним обращается, а на важность дел, которые привели их к ним. Они отважно вступятся за притесняемого, и их праведность воссияет в справедливых суждениях в защиту слабого и робкого. Они отличаются примерным нравом и поведением, и их святость прошла через горнило испытаний. Они с готовностью повинуются и обладают великим терпением, послушны правилам, строги в суждениях, правоверны, надежны в делах управления, полны миролюбия и стремления к единству. Они отличаются неподкупностью в суждениях, благоразумием в советах, умением выбрать нужные меры и дать нужное распоряжение, смелостью в поступках и сдержанностью в словах. И в напастях на них можно положиться, и в благополучии они будут хранить преданность. Их ревность разумна, а снисхождение лишено слабости. Их досуг не есть праздность, они не расточительны, принимая гостей. Они умеренны в трапезе; никогда не поглощены целиком заботами о своем имуществе, никогда не завидуют чужому богатству и не расточают свое. Всегда и повсюду они выказывают величайшую осмотрительность. Когда необходимо исполнить роль посла ради Господа Иисуса Христа, они никогда не откажутся, если им велят, но не станут добиваться, чтобы она была доверена им, если Вы помышляете о других. Смиренно отказавшись, они не должны упрямо настаивать на своем отказе. Они не будут искать золота, но будут следовать за Господом. Они никоим образом не будут считать, что их избрали для того, чтобы

они обогащались, и будут помышлять только о благе, а не о бенефициях. Перед царями они предстают как истинный Иоанн Креститель, перед египтянами нашего времени — как Моисей, для блудников они подобны Финнею, для идолопоклонников — Илии, для алчных — Елисею, для лжецов — Петру, для богохульников — Павлу, для святотатственных торгашей — Самому Христу. Они просвещают народ, а не презирают его; они заставляют трепетать богатых, а не льстят им; они пекутся о бедняках, а не отягощают их еще более, а угрозы сильных мира сего вызывают у них не страх, а презрение. Они приходят без шума и уходят мирно, не грабят Церкви, а делают все для их преобразования. Никто не увидит, чтобы они опустошали чужие кошельки, зато всем известно, что они умеют согревать сердца и исправлять пороки. Они по праву заботятся о своей репутации и не завидуют чужой. Поскольку они имеют глубокую склонность и привычку к молитве, то во всем они больше полагаются на нее, чем на свое умение и усилия. Их приход мирен, а уход вызывает сожаление. В словах их всегда заключается назидание, жизнь их праведна, их присутствие приятно, а память благословенна. Они становятся любезны другим не словами, а делами и поражают умы не роскошью, а поступками. Кроткие и смиренные с кроткими и смиренными, они не пощадят тех, кто сам не щадит никого, сумеют обуздать злых и заставить надменных искупить свою гордыню. Они не стремятся обогатиться сами или обогатить своих близких за счет имущества вдовы и наследия Распятого. Даром отдавая то, что даром получили, они бескорыстно добиваются справедливости для угнетенных, совершают мщение над народами, наказание над племенами (Пс 149, 7). Наконец, подобно семидесяти старцам Моисея (Числ 11, 16), они следуют Вашим замыслам и, как при Вас, так и в Ваше отсутствие будут стараться угодить Богу, угождая Вам. Они возвратятся к Вам, отягченные усталостью, а не награбленным добром; хвалясь более всего тем, что сумели дать мир народам, законы — варварам, покой — монастырям, порядок — Церквям, добронравие — духовенству, а Богу — народ достойный, творящий добрые дела.

Глава 5

Примеры, которыми доказывается
необходимость не принимать даров;
суровое порицание высокомерия служителей Папы

13. Мне кажется, теперь уместно вспомнить одно свойство нашего дорогого, блаженной памяти Мартина¹². Вы его, несомненно, знаете, но не уверен, помните ли. Облеченный достоинством кардинала-пресвитера, он был отправлен в Дакию послом Святого Престола и вернулся оттуда таким бедным, что, когда прибыл во Флоренцию, у него не было ни денег, ни лошади. Епископ этого

¹² В 1136 году Папа Иннокентий II поставил этого Мартина кардиналом. Но Бернард называет его «нашим» не потому, что он вышел из Клерво. Эрнальд не числит его среди прелатов, происходивших из этого монастыря. Возможно, Бернард просто чувствовал к нему особую сердечную теплоту или потому, что тот был французом, или потому, что он принадлежал к тому же ордену, то есть был цистерцианцем. Миссия Мартина в Дакии началась в 1132 году.

города подарил ему лошадь, на которой тот добрался до Пизы, где я тогда находился. На следующий день епископ Флоренции, который судился и собирался подать апелляцию, последовал за ним, считая необходимым заручиться голосами своих сторонников, и, поочередно заезжая к каждому из них, приехал и к Мартину. Он рассчитывал на него тем более, что только что оказал ему услугу. Однако Мартин ответил: «Вы обманули меня. Я не знал, что Вы судитесь. Заберите свою лошадь, она в конюшне», — и действительно, тотчас ее возвратил. Что скажете на это, дорогой мой Евгений? Вам не кажется, что все это произошло в каком-то другом веке? Легат, который возвращается с пустыми руками из страны, полной золота, и, проезжая через богатые земли, не привозит с собой ни единого су и возвращает подарок только для того, чтобы не навлечь на себя подозрение!

14. Я рад, что мне представился случай вспомнить еще одного прекрасного человека — епископа Шартрского Готфрида, который за свой счет несколько лет исполнял обязанности папского легата в Аквитании¹³. Вот что мне довелось как-то видеть своими глазами, когда я был вместе с ним в той земле. Один местный священник принес ему в дар рыбу, которую в народе называют осетром. Легат, спросив о цене рыбы, сказал: «Я не возьму ее, если Вы не согласитесь принять плату», — и отдал священнику пять монет, а тот взял их, смущенный и пристыженный. В другой раз мы были в некоем замке, и одна местная знатная дама в своем благочестивом усердии подарила ему два или три дорогих, хотя и деревянных, сосуда и полотенце для вытирания рук. Но скрупулезный легат, рассмотрев их хорошенько и весьма похвалив, принять не захотел. Как Вы думаете, принимал он когда-нибудь в дар серебряные предметы, если не пожелал принять даже деревянные? Несомненно, об этом человеке никто не может сказать: «Я обогатил Аврама» (Быт 14, 23); напротив, он был вправе

¹³ Подробности об этой миссии в Аквитании см. *Житие святого Бернарда* (кн. 2, гл. 6; кн. 3, гл. 6). Святой Бернард написал об этой миссии несколько писем этому же Готфриду Шартрскому.

сказать вместе с пророком Самуилом: «Вот я; свидетельствуйте на меня пред Господом и пред помазанником Его, у кого взял я вола, у кого взял осла, кого обидел и кого притеснил, у кого взял дар и закрыл в [деле] его глаза мои, — и я возвращу вам нынче же» (1 Цар 12, 3). Ах, если бы у нас было больше таких людей, кто был бы счастливее, чем Вы, и сколь лучшим было бы наше время! Разве не предвкушали бы Вы уже ныне блаженную вечность, если бы, обратившись в любую сторону, видели себя окруженным столь благородной и праведной свитой?

15. Если я не заблуждаюсь, эта мысль должны исторгнуть у Вас тяжкие вздохи, и Вы должны сказать себе: «Возможно ли достичь этого? Проживу ли я столько, чтобы увидеть подобное? Кто сотворит мне милость и сохранит в живых, пока я этого не увижу? Ах, если бы мне было дано при своей жизни видеть Церковь Божию, утвержденную на подобных столпах! Если бы я узрел невесту моего Господа вверенной столь верным рукам и столь чистым сердцам! Что было бы выше моего счастья, что внушало бы большую безопасность, чем знание, что я окружен подобными стражами своей персоны и подобными свидетелями? Я бы без боязни поверял им все тайны своего сердца, делился бы с ними всеми замыслами, открывался бы им, словно самому себе. И если бы я попытался удалиться от правого пути, они не дали бы мне [этого сделать], удержали бы, не позволили бы опуститься и вывели бы из [гибельного] сна. Их уважение ко мне не мешало бы им свободно и решительно обуздывать движения моей гордости и умерять мое чрезмерное рвение. Их постоянство и твердость укрепили бы мою колеблющуюся волю и восполняли бы мое иссякшее мужество. Наконец, их вера и праведность влекли бы меня ко всякой святости, правде, чистоте, ко всему достойному любви и поучительному». А теперь, дорогой мой Евгений, взгляните на нынешнее состояние Церкви и Римской курии и на склонности начальствующих, то есть тех, кто Вас окружает.

16. Но довольно об этом. Я хотел лишь коснуться стены, а не долбить ее. Ваше дело как преемника Пророков — исследовать и видеть. Что касается меня, я не вправе идти дальше. Я могу позво-

лить себе говорить лишь о том, что бросается в глаза всем. Например, разве не смехотворно притязание некоторых Ваших служителей возвыситься над Вашими собратьями по священству? Что более противно разуму, традиции и авторитету? Если для оправдания подобных злоупотреблений достаточно сослаться на установленные обычаи, то лучше пожертвовать обычаями, чем ради них пренебречь высшим порядком. Есть ли что-либо ничтожнее, чем довод, на который они ссылаются? Именно мы, — говорят они, — на всех церемониях находимся ближе всего к верховному Понтифику, на местах, наиболее приближенных к его престолу, и составляем свиту, которая его предворяет. Но ведь это — не привилегия чина, а следствие обязанностей и то, что должно заставлять тщательнее исполнять их. Это попросту толкование чина диакона при исполнении его самых торжественных функций. Ведь если священники в обычном собрании восседают вокруг верховного Понтифика, то иные сидят у его ног и поставлены ближе к нему лишь для того, чтобы им было удобнее ему служить. Мы читаем в Евангелии: «Был спор между ними, кто из них должен почитаться большим» (Лк 22, 24). Блаженны Вы, если люди, окружающие Вас, будут так же сильно заботиться обо всем остальном.

Глава 6

О том, что у верховного Понтифика есть много других дел, кроме попечения о собственном доме, которое следует поручить эконому

17. Однако мы слишком много внимания отдали двору; выйдем наконец из дворца, ибо нас ждут в доме. Теперь речь пойдет не о Вашем окружении, а, так сказать, о Вашем внутреннем помещении. Поразмыслить о том, каким образом Вы пытаетесь управлять своим домом и чего требуют у Вас люди, живущие с Вами в самом ближайшем окружении, вовсе не лишнее; я утверждаю, что это просто необходимо. Послушайте, в каких выражениях говорит об этом святой Павел: «Кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли печься о Церкви Божией?» (1 Тим 3, 5). И в другом месте прибавляет: «Если же кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного» (1 Тим 5, 8). Говоря так, я отнюдь не притязаю на то, чтобы Вы, будучи заняты важными делами, снизошли до забот самых незначительных и уделяли такого рода вещам свое внимание, кото-

рое должны занимать вещи высшего порядка. Зачем Вам вновь погружаться в заботы, от которых Бог Вас удалил? Ведь Он Сам говорит: «Это все приложится вам» (Мф 6, 33). Тем не менее Ваш долг — заниматься одним, не пренебрегая другим; и позаботиться о том, чтобы исполнялось второе, тогда как Вы заняты первым. Ибо если один слуга не может заниматься одновременно лошадьми и столом своего господина, то как Вы можете печься равно о своем доме и о доме Божием, о котором написано: «О, Израиль! Как велик дом Божий!» (Вар 3, 24). Ум, который посвящает себя столь важным вещам, должен быть совершенно свободен от вещей мелких и ничтожных. Он должен быть свободен, не отягчен ничем чужеродным, чист от всякого недостойного чувства и привязанности, способных увлечь его вниз; он должен быть правдив, чтобы никакая дурная склонность не совратила его с его пути. Он должен бодрствовать, чтобы его втайне не терзало сомнение, чтобы никакое любопытство, никакая рассеянность его не отвлекали. Он должен быть тверд, чтобы никакое испытание, даже неожиданное, не поколебало его; и непобедим, чтобы скорбь, как бы длительна она ни была, не могла его одолеть. Наконец, он должен быть великодушен, чтобы никакая земная утрата не согнула его.

18. Будьте уверены, что Вы лишитесь всех этих благ и подвергнетесь всем этим напастям, если, разделившись умом, попытаетесь следить одновременно за тем, что Божие, и за мелкими делами своего дома. Так что Вам необходимо найти кого-нибудь, кто бы вращал жернова вместо Вас; я утверждаю: вместо Вас, а не вместе с Вами. Ибо, хотя есть вещи, которые Вам надлежит делать самому, есть и другие, которые Вы не можете сделать в одиночку, без посторонней помощи; наконец, есть и такие, которые должны делать другие, а не Вы сами. А чтобы различить их, необходимо размышление (см. Пс 107 (106), 43). Так что Вашему размышлению не время спать. Управление Вашим домом представляется мне делом, которое я упомянул последним; то есть его, как я уже сказал, следует кому-то поручить. Однако если тот, кому Вы это поручите, окажется неверным, он Вас обманет, а если окажется неспособным, то обманут его. Потому надо найти человека одно-

временно верного и способного и такого поставить во главе своего дома (см. Лк 12, 42). Но и это не все. В этом будет мало проку, если он не будет обладать еще одним качеством. «Каким?» — спросите Вы. Властью. Что толку, если он будет и желать, и уметь устроить все как подобает, но у него не будет власти исполнить то, что он хочет? Следовательно, ему нужно предоставить свободу поступать согласно его разумению. Если же Вы опасаетесь, что свобода его действий окажется лишь свободой дурно исполнять свои обязанности, не забывайте, что он верен, а стало быть, будет всегда поступать так, как велит долг. К тому же не забывайте, что он способен, и, стало быть, сумеет сделать то, что нужно. Но его верность и способность действительно принесут пользу, только если у него в руках будут все возможные средства для действия и если он сможет заставить других беспрекословно повиноваться. Для этого необходимо, чтобы ему подчинялись и чтобы никто не мог воспротивиться или сказать: «Зачем Вы сделали то или иное?». Он должен иметь власть принимать или отсылать всех, кого захочет, менять служителей и распределять служения, как ему угодно и когда угодно. Его должны бояться, чтобы он мог приносить пользу. Пусть он будет первым из всех, дабы быть полезным всем и использовать все во благо. Если против него будут роптать и тайком придут к Вам, чтобы наговорить дурного, не слушайте или, вернее, считайте все сказанное Вам клеветой. Впрочем, я советовал бы Вам не доверять жалобам людей, которые не дерзают открыто сказать то, что говорят тайно. Если таковые отказываются высказаться явно, когда Вы сочтете необходимым, считайте их доносчиками, а не обличителями.

19. Итак, да будет среди Ваших служителей кто-то один, кто будет иметь право предписывать всем остальным, что им делать, и кому каждый должен будет давать отчет. Что касается Вас, положитесь на него, а сами посвятите себя спасению своей души и заботам о Церкви. Если же Вы не сумеете найти слугу, который был бы одновременно верным и способным, отдайте предпочтение первому: это надежнее. Однако если Вам вообще не удастся отыскать подходящего человека, советую потерпеть того, какого

найдете, даже если он будет неверен; это лучше, чем самому погружаться во всю эту путаницу. Разве экономом Господа не был Иуда (см. Ин 12, 6)? Есть ли что-либо более недостойное епископа, чем заниматься домашним хозяйством, вникать в распоряжение своим скромным доходом, все выведывать, за все подозрительно требовать отчета и огорчаться из-за всякого убытка или небрежности. Я говорю это к стыду некоторых начальствующих [в Церкви], которые всякий день подсчитывают и пересчитывают, что они могут приобрести, скрупулезно во все вникают и требуют отчета за каждый грош. Не так распоряжался имуществом тот египтянин, который поручил Иосифу заботы о доме и даже не знал, что есть у него во дворце. Неужели христианину не стыдно, что он не решается доверить распоряжение своим имуществом другому христианину, если неверный так доверял своему слуге — чужеземцу, что поставил его во главе собственного дома?

20. Удивительное дело! Епископ, имея сколько угодно подчиненных, которым можно поручить попечение о душах, не находит ни одного, достойного распоряжаться его имуществом! Надо признаться, это искусный управитель: он отдает все свои заботы малейшему и вовсе не печется о важнейшем! Это доказывает, что нас гораздо менее трогают потери, которые несет Господь, чем наши собственные. Мы день за днем подсчитываем свои ежедневные расходы, а постоянные потери в пастве Господней остаются незамеченными. Всякий день вместе со своими слугами мы обсуждаем цену на пропитание и число потребленных хлебов, но часто ли можно увидеть епископа, который требовал бы от своих священников столь же точного отчета в грехах своего народа? Когда падает осел, всегда находится кто-то, чтобы его поднять; когда гибнут души, никто этим не огорчается. Всякий раз, когда мы делаем расчеты вместе со своими служащими, мы недовольны, негодуем, раздражены, но потеря душ не способна взволновать нас так, как имущественные потери. «Для чего бы, — говорит апостол Павел, — Вам лучше не терпеть лишения?» (1 Кор 6, 7). Умоляю, Вы, просвещающий других, просветитесь сами, если Вы еще этого не сделали, и уразумейте, что Вам надлежит больше

дорожить собой, чем тем, что Вам принадлежит. Все эти переходящие блага, которые Вы все равно не сможете удержать в руках навсегда, должны проходить мимо Вас, но не задевать Вас. Там, где течет поток, он намывает себе ложе. Так и с земными благами: они подтачивают души, через которые протекают. Если река, вышедшая из берегов, не может миновать поля, не нанеся вреда урожаю, не надейтесь, что Вы можете без ущерба для своей души отдаваться земным заботам. Делайте все, что можете, чтобы не быть обремененным этим игом; старайтесь чаще попросту не знать о них, еще чаще — не придавать значения, а иногда — забывать.

21. Однако есть вещи, которыми Вам не следует пренебрегать: это нравы и наклонности каждого из Ваших служителей. Вы не должны быть последним, кто узнает о беспорядках среди домочадцев, как часто случается со многими. Потому, как я уже говорил, пусть каждый имеет у Вас свою определенную обязанность. Ваша же обязанность — следить за дисциплиной; эту заботу Вы не должны перепоручать никому. Если в Вашем присутствии кто-либо позволяет себе недопустимые речи или поступки, тотчас накажите виновного и восстановите оскорбленную честь; ибо в таком случае не проявить суровости — значит поощрить зло. В доме епископа должны царить святость, скромность и благопристойность; а обеспечиваются они дисциплиной. Если священники, [живущие] в Вашем доме, не умеют вести себя более сдержанно, чем другие, они станут предметом пересудов; поэтому Вы не должны терпеть в их лице, манерах и поступках ничего, что оскорбляло бы приличие или порядочность. Пусть Ваши собратья-епископы учатся у Вас не держать при себе ни этих изящно причесанных юношей, ни наряженных мальчиков. Кудрявым локонам не место посреди митр. Вспомните слово мудреца: «Если у вас есть дочери, не показывайте им усмешку и лицо веселое» (Сир 7, 20).

22. И все же я призываю Вас не к суровости, а к серьезности, ибо суровость устрашает слабых, тогда как серьезность вразумляет легкомысленных. Обладая первой, человек становится нелюбезен другим, однако без второй он легко может лишиться уваже-

ния. Самое лучшее — во всем соблюдать меру, и я не желал бы ни чрезмерной строгости, ни чрезмерного попустительства. Помоему, нет ничего выше середины, равно удаленной от суровости, делающей нас обременительными для других, и от фамильярности, вызывающей презрение. Будьте Папой в своем дворце; но в своем доме будьте отцом и постарайтесь сделать так, чтобы слуги любили Вас или хотя бы уважали. Всегда хорошо наблюдать за своими словами, но не теряя приветливости в речах, так что следите за своим языком, особенно за столом. Наконец, Вам более всего подобает вести себя степенно, лицо иметь безмятежное, а говорить спокойно. Ваши капелланы и те, кто обычно помогает Вам в исполнении священных функций, должны быть всегда достойными их; а Вам надлежит избирать тех, которые представляются наиболее порядочными, дабы им служили так, как служат Вам. Пусть они получают из Ваших рук все необходимое и при том довольствуются тем, что Вы даете, однако следите, чтобы они ни в чем не нуждались. Однако если Вы все же обнаружите, что некоторые из них требуют подношений от приходящих, то пусть они будут для Вас как новые Гиезии (см. 4 Цар 5, 20). Так же Вам следует относиться и к привратникам и к прочим наемным служащим своего дома. Впрочем, мои советы излишни, ибо я знаю, что Вы поступаете именно так. Нет ничего более достойного преемника Апостолов, более спасительного для совести, более почетного для доброго имени и нет более убедительного примера. Я не знаю лучшего правила, чем, осудив алчность сердец, лишить клевету всего того, что может послужить для нее поводом.

Глава 7

Эпилог, где вкратце вновь перечисляются качества, которые требуются от верховного Понтифика

23. Пора заканчивать эту книгу, но, завершая ее, я хотел бы в качестве эпилога подвести итог тому, что я уже сказал, и добавить то, что мог упустить. Прежде всего, помните, что святая Церковь Божия, главой которой Бог Вас поставил, есть МАТЕРЬ, а не ГОСПОЖА по отношению к другим Церквам; что Вы сами — не Господин над епископами, а один из них, брат любящих Бога и товарищ боящихся Его. Поразмыслите также о том, что Вам надлежит быть образцом справедливости, зеркалом праведности, примером благочестия, орудием истины, защитником веры, учителем народов, водителем христиан, другом Жениха и Невесты, уставом духовенства, пастырем народов, наставником невежд, прибежищем гонимых, заступником бедных, надеждой страждущих, покровителем сирых, защитником вдов, оком слепых, языком немых, посохом престарелых, карателем беззаконий, ужасом злых, славой праведных, хлыстом для сильных, язвой для тиранов, от-

цом царей, блюстителем законов и законодателем, солью земли, светом мира, понтификом Всевышнего, заместником Христа, помазанником Господа, наконец, [карающим] Богом для фараона. Уразумейте хорошенько то, что я собираюсь сказать, а милостью Божией Вы это уразумеете: когда сила соединяется с лукавством, для Вас настает время доказать, что Вы вознесены над всеми людьми, и явить творящим зло свой грозный лик. Пусть они страшатся дыхания Вашего гнева, если они насмеются над людьми, если не боятся меча правосудия; пусть опасаются силы Ваших молитв, если не считаются с Вашими предостережениями; пусть чувствуют, что Сам Бог гневается на тех, на кого воспламеняется Ваша ярость. Наконец, пусть те, кто совершенно не слушал Вас, трепещут, услышав, как Сам Бог возвышает голос против них. А теперь мне остается лишь побеседовать с Вами о том, что выше Вас. Надеюсь с Божией помощью разобраться в этом в моей последней книге и вместе с тем исполнить то, что я Вам обещал.

Книга V

Глава 1

Размышление о том, что находится выше Вас, то есть о Боге и Божественном. О том, что иногда душа возвышается до Божественного посредством созерцания тварного

1. Хотя эти книги озаглавлены «О размышлении», в предыдущих есть немало вещей, связанных с действием, поскольку они учат не только тому, о чем следует размышлять, но и тому, что необходимо сделать. Не так в этой книге, ибо в ней речь пойдет только о размышлении. Ведь вещи, которые выше Вас, единственные, о которых мне осталось с Вами побеседовать, не требуют никакого действия; их можно лишь созерцать. И в самом деле, какое действие Вы можете оказать на то, что существовало всегда и всегда будет существовать, причем одним и тем же образом, на то, что пребывает от века? Потому, дорогой Евгений, я хотел бы, чтобы Вы со свойственной Вам прозорливостью заметили, что Ваше размышление сбивается с пути всякий раз, когда переходит от вещей высших к низшим и видимым. Конечно, Вы должны научиться познавать их, использовать, располагать в порядке и управлять ими,

как велит Ваш долг. Однако если Ваше размышление не слишком задерживается на них, желая вновь вернуться к первым, оно недалеко уклоняется от своего предмета; и даже следуя этим путем, оно возвращается в отечество, подобно изгнаннику. Невозможно более достойным и возвышенным образом использовать видимые создания, чем так, как советует святой Павел: «Вечная сила и Божество через рассматривание творений видимы» (Рим 1, 20). Те, кто уже суть граждане небесного отечества, не нуждаются в подобных ступенях, чтобы туда взойти; в них нуждаются изгнанники. Именно так мыслил произнесший эти слова, ибо, сказав, что невидимое можно познавать через видимое, он намеренно добавил, что это относится к земному созданию. И действительно, какая нужда в ступенях для восхождения тому, кто уже восседает на престоле? Таковой есть небесное создание и обладает чудесной возможностью созерцать небесное: оно зрит Слово, а в Слове — все, что сотворено через Него, и не нуждается более в том, чтобы, как подаяние, собирать познание Творца у твари. Более того: чтобы познать саму тварь, ему нет нужды снисходить до нее; чтобы ее постичь, нет необходимости в свидетельстве чувств; ибо оно зрит ее там, где она более познаваема, чем сама в себе. Совершенное видение — лишь то, которое, дабы узреть что-либо, не нуждается ни в каких средствах, и довольствуется само собою. Напротив, то, которое нуждается во внешней помощи и зависит от нее, менее совершенно и менее свободно.

2. Но что будет, если Вы станете нуждаться в посредничестве вещей, находящихся ниже Вас? Вам не кажется, что это будет ниспровержение порядка, нечто недостойное? Стыдно высшему рассчитывать на помощь низших, но никто из нас не может быть от этого избавлен, пока мы не устремимся к свободе детей Божиих, ибо только тогда мы будем совершенно просвещены Богом и без помощи какой бы то ни было твари будем счастливы одним Богом. Тогда, уйдя из области телесной в область духа, мы вновь обретем отечество, которое есть не что иное как Сам Бог, безграничный Дух и обитель блаженных духов. Там нет места ни чувствам, ни воображению; это сама истина, мудрость, веч-

ность, высшее благо. Что касается места нашего изгнания, нашего нынешнего жилища, то это лишь юдоль слез, где господствуют чувства, а мысль находится в изгнании; телесные органы, конечно, действуют тут совершенно свободно, но духовное око помрачено и стеснено. Потому неудивительно, что находящийся здесь как странник прибегает к жителям этого края. И еще благо ему, если местные жители как нечто должное оказывают ему услуги, без которых он не в состоянии продолжать путь; если он умеет пользоваться ими, не злоупотребляя, получать их, не пытаясь получить силой и не выпрашивая.

Глава 2

О разных степенях размышления

3. Велик тот, кто делает все, что может, чтобы использовать во спасение себе и другим свои чувства, которые являются неким общим свойством всех обитателей земного града. Однако, по моему мнению, не менее велик тот, кто пользуется ими как своего рода помостом для восхождения через философию к познанию невидимого. Из этих двух способов жизни один более полезен, а другой — более сладостен. Но, я полагаю, наиболее велик тот, кто, презрев видимое и чувственное, насколько это возможно для человеческой слабости, навывает возноситься на крылах созерцания к горным высотам, не по ступеням, а посредством внезапных исхождений из себя, подобно тому как бывал восхищен святой Павел. Он был властно возносим, а не мирно восходил, и в одном месте сам говорит, что был, скорее, восхищен, нежели взошел сам (см. 2 Кор 12, 14). А еще он говорит: «Когда я восхищен духом, то для Бога» (2 Кор 5, 13). Вот как эти три различных состо-

яния производятся: размышление, которое даже в изгнании выше земных вещей, благодаря любви к добродетели и Божией благодати обуздывает чувства, дабы умерить их чрезмерность, ставит им пределы, дабы не позволить уклониться, или избегает их, дабы не оскверниться. В первом случае оно оказывается более сильным, во втором — более независимым, в третьем — более чистым. Ибо независимость и чистота — два крыла, на которых размышление взмывает в воздух.

4. Хотите, я назову каждый из этих трех видов размышления присущим ему именем? Первое, если угодно, мы назовем распорядительным, второе — оценивающим, третье — умозрительным; чтобы было понятнее, я растолкую каждое. Размышление, которое я назвал распорядительным, есть то, которое пользуется одновременно, но без слияния, чувствами и чувственными вещами, пытаюсь достичь Бога. Оценивающее внимательно и осторожно исследует и взвешивает все вещи, чтобы через них прийти к познанию Бога. Наконец, умозрительное размышление сосредоточено в самом себе и с помощью Божией благодати отрешается от всего человеческого ради созерцания одного Бога. Итак, Вы уже видите, что третье — следствие двух первых, а два первых, если они не ведут к нему, будут лишь казаться тем, чем они являются, но не будут таковыми в действительности. В самом деле, если первое не стремится к последнему, оно может сеять полными пригоршнями, но ничего не пожнет. Если второе не ведет к третьему, оно всегда находится в пути и не достигает цели. Итак, я сказал бы, что первое готовит, второе приправляет, третье вкушает. Правда, что два первых ведут к тому же следствию, но гораздо медленнее и с тем различием, что первое ведет путем более трудным, а второе — более сладостным и мирным.

Глава 3

О трех способах познания того, что превыше нас,
то есть Бога и ангелов

5. Быть может, Вы скажете мне, что я довольно распространялся о том, каким путем следует восходить, и мне осталось сказать, куда следует восходить. Вы заблуждаетесь, если думаете, что я могу ответить; здесь слова бессильны. Не надеетесь же Вы, что я расскажу Вам о том, «чего не видел глаз, не слышало ухо и что не приходило на сердце человеку» (1 Кор 2, 9)? Только один «Бог открыл нам это Духом Своим», — говорит Апостол (1 Кор 2, 10). Вещи, которые превыше нас, открываются не через слова, а в духе. Чего человеческий язык не может изъяснить, того может взискать мысль, о том может просить молитва, того могут заслужить добрые дела, то может обрести чистота. Приглашая Вас размышлять о том, что выше Вас, я вовсе не призываю смотреть на солнце, луну, звезды, небесную твердь или воды, которые над твердью; ибо, если эти вещи выше Вас по своему местонахождению, они ниже Вас ценностью и достоинством, ибо

они — только тела. Вы же отчасти и дух, и напрасно будете искать того, что выше Вас, ибо таковое следует искать среди духов. Но нет других духов, кроме Бога и святых ангелов, значит, нет ничего, кроме них, что было бы выше Вас: одно по природе (Бог), другое по благодати (ангелы). Ибо и у Вас, и у ангелов есть нечто превосходное — разум; что же касается Бога, Он превосходит не какой-то частью, а всем Своим существом. И чтобы познать Его, как познали пребывающие с Ним блаженные духи, эти три пути размышления могут указать как бы три средства: представление, вера и знание. Знание опирается на разум, вера — на авторитет, а представление — на правдоподобие. Однако только первые два действительно обладают истиной; при этом для веры она темна и сокровенна, а для знания — ясна и очевидна. Что касается представления, оно не достигает истины; можно сказать, что оно, скорее, ищет ее через правдоподобие.

6. Следует весьма остерегаться смешения этих трех средств между собой. Вера не должна принимать как нечто несомненное то, что принадлежит лишь представлению, а представление не должно ставить под вопрос то, что несомненно для веры. Впрочем, представление, утверждая, проявляет дерзость, а вера, колеблясь, свидетельствует о своей непрочности. То же я сказал бы и о знании: если оно стремится сломать печать веры, оно виновно в святотатственном любопытстве. Часто случается, что представление принимают за знание, и это ошибка. Во всяком случае, если порой и можно спутать представление и знание, то никоим образом нельзя впасть в противоположную ошибку и принимать знание за представление. Почему? Потому что одно может заблуждаться, а другое не может, а если может, то оно еще не знание, а просто представление. Знание же в собственном смысле слова не только уверено, что обладает истиной; оно знает ее внутренне и сокровенно. Вот как можно определить эти три средства. Вера — это акт воли, который позволяет нам прикоснуться к истине прежде, чем она нам открыта; знание — это несомненное постижение того, что невозможно познать посредством чувств; наконец, представление состоит в том, чтобы счи-

тать истинным то, что таковым представляется. Итак, как я уже сказал, вера не терпит неуверенности, а если терпит, она не вера, а всего лишь представление. Чем же она отличается от знания? Тем, что, как и оно, отвергнув всякую неуверенность, она все же пребывает под покровом, который для знания уже снят. Наконец, то, чем обладает знание, уже не требует исканий, а если требует, то еще этим не обладает. Напротив, нет ничего, что мы больше хотели бы познать, чем то, чем обладаем благодаря вере, и вершиной нашего блаженства будет узреть ясно и без покрова то, чем мы теперь обладаем лишь в вере.

Глава 4

О том, каким образом следует мыслить об ангелах

7. Теперь перейдем к размышлению о небесном Иерусалиме, нашей матери, и применим те три средства, о которых я только что говорил, чтобы со всякой осторожностью и благоговением прикоснуться к тому, что неисследимо, насколько это вообще возможно для человека. Прежде всего, мы знаем из святых Писаний, а также из вероучения, что в небесном отечестве существуют блаженные духи, наделенные могуществом и славой, представляющие собой существа, отличные друг от друга, однако обладающие каждое своим достоинством и с первой минуты существования сохраняющие присвоенный им чин. Все они совершенны, каждое согласно своему роду, и все имеют эфирное тело; будучи бессмертными созданиями, они по благодати стали бесстрастными, но не были сотворены таковыми по природе. Это умные духи, которые благожелательны, обладают пламенным благочестием, непорочной чистотой, совершенным единством и неколебимым

миром. Исшедшие из рук Божиих, они заняты лишь тем, что восхваляют Его и Ему служат. Что касается тел этих блаженных духов, то не существует единства мнений не только по поводу их природы, но и самого их существования. Потому мне нетрудно присоединиться к тем, кто относит этот предмет к области чистых мнений. Однако то, что эти духи разумны, мы знаем не верой или представлением, а собственным разумом, поскольку, если бы было иначе, они не могли бы быть причастны Богу. Ангелы имеют имена, которые мы знаем, ибо слышали, что позволяет нам угадывать и даже различать среди этих блаженных духов то, чего не слышало ухо, а именно — их [форму] служения, заслуги, чины и различие достоинств, однако следует признать, что то, что мы знаем, не слышав ухом, не принадлежит вере, поскольку «вера от слышания» (Рим 10, 17). Стало быть, то, что я скажу, будет с моей стороны чистым мнением. Для чего бы эти имена были нам открыты, если бы нам не было дозволено, разумеется, с благоговением, присущим вере, исследовать, что они означают? Итак, вот эти имена: Ангелы, Архангелы, Силы, Власти, Начальства, Господства, Престолы, Херувимы и Серафимы. Что они означают? Нет ли различия между этими духами, которых именуют просто ангелами, и теми, кого называют Архангелами?

8. Что же означают эти различия чинов? Если Ваше размышление не нашло ничего лучшего, я склонен полагать, что имя ангела дается тем, кто, по общему мнению, приставлены к каждому человеку, и, по учению святого Павла, «посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение» (Евр 1, 14). Именно их имел в виду Спаситель, сказав, что они всегда видят лицо Его Отца (см. Мф 18, 10). Над ними я поставил бы Архангелов, более посвященных в Божественные тайны, которые служат лишь для самых важных и возвышенных поручений. К их числу относится Архангел Гавриил, посланный к Марии, как мы видим из Писания, ради миссии, выше которой ничего не может быть (см. Лк 1, 26). Над ними я поставлю Силы. Это духи, которые действуют в стихиях и посредством их производят те необычайные и чудные явления, которые предназначены предохранять людей. Именно потому

в Евангелии после слов: «И будут знамения в солнце и луне и звездах», — сказано: «Ибо силы небесные поколеблются» (Лк 21, 25–26); а под ними, без сомнения, разумеются небесные духи, посредством которых эти страшные дела будут совершаться. Что касается Властей, я бы поставил их выше этих последних, ибо им дана власть связывать силы тьмы и ограничивать их губительное действие так, чтобы оно производило лишь благо. За ними следуют Начальства, ибо это их мудростью и силой на земле устанавливается всякая власть, и они ею управляют, ставят ей пределы, передают ее, низлагают и сменяют. Что касается Господств, я бы присвоил им место, весьма превосходящее то, которое занимают предыдущие чины, ибо другие духи, по-видимому, наделены при них подчиненными функциями, и именно от них, как от истинных господ, зависят правление Начальств, покровительство Властей, действия Сил, откровения Архангелов, попечение и полезное служение Ангелов. Что касается Престолов, то я склонен полагать, что они особенно превосходят Господства тем местом на небесах, куда они вознесены. Они именуется престолами, потому что «председает»; а «председает», потому что на них восседает Бог, а Бог не мог бы восседать на них, если бы они были непрочны. Вы спросите, что я имею в виду, говоря, что они «председает»? Я хочу сказать, что они пребывают в нерушимом покое, неизменном мире и глубокой безмятежности, превосходящих все, что можно себе вообразить. Ведь таков Тот, Кто восседает на них, Господь Бог Саваоф, Который судит все и вся покойно, безмятежно, в глубоком мире; потому Он и приготовил Себе Престол, подобный Ему Самому. Херувимы из самого источника мудрости черпают те потоки знания, которые изливают на своих сограждан по святому граду. Не это ли та река, о которой говорил Пророк, сказав, что ее воды веселят град Божий (Пс 15 (14), 5)? Наконец, Серафимы, воспламененные Божественной любовью, повсюду несут ее огонь, потому все обитатели неба — как бы светильники, горящие и светящие: горящие огнем любви и светящие сиянием разума вечных истин.

9. О, мой дорогой Евгений, как здесь хорошо! Но насколько будет лучше, когда однажды всему нашему существу будет дано проникнуть туда, куда оно проникает теперь лишь одной из своих способностей! Теперь туда возносится только наш дух, да и то не целиком, а лишь жалкой частью. Наши привязанности приклоняют нас к земле, к которой их тянет бремя тела; и, пока наши желания не отрешатся от [земного] праха, одна только мысль, слабая, но алчущая, взлетает ввысь и предвосхищает все остальное. А между тем ей довольно постижения малого, чтобы мы могли воскликнуть: «Господи, возлюбил я обитель дома Твоего и жилище славы Твоей» (Пс 26 (25), 8). Что же будет, когда наша душа вся будет собрана воедино, соберет к себе все привязанности из мест, где они пленены и скованы, ибо [здесь] она боится того, чего не стоит бояться, любит то, что не следует любить, радуется или печалится там, где этим чувствам нет места; а после в совершенной свободе, вольно и неудержимо, как духи, вместе с ними вознесется и сподобится помазания благодати? Когда она вступит в обители света, узрит даже лоно Авраамово и встретит пред алтарем (что бы ни подразумевалось под этим таинственным местом) души мучеников, которые в своем первом одеянии славы терпеливо ожидают облечения во второе, она не сможет удержаться и воскликнет вместе с пророком: «Одного просил я у Господа, того только ищущу, чтобы пребывать мне в доме Господнем во все дни жизни моей, созерцать красоту Господню и посещать храм Его» (Пс 27 (26), 4). А быть может, она узрит и сердце Бога, и ей откроется Его святая воля, всегда благая, совершенная и достойная любви. Благая сама по себе, достойная любви по своему действию, однако лишь для тех, кто умеет ценить ее, совершенная для совершенных и для тех, кто ничего не желает, кроме нее. Мы увидим утробу Божественного милосердия отверстой, нам откроются Его мирные замыслы, сокровища Его спасения, тайны Его любви, секреты Его благодати, которые непостижимы для оставшихся здесь и скрыты даже от праведных, дабы те не забывали страх Божий, пока не научатся любить как должно.

10. В духах, которые зовутся Серафимами, мы видим, как любит Тот, Кто не гнушается ничем, как Он покоит и греет в Своем лоне тех, кого сотворил для спасения, как помогает им идти вперед, как носит на руках и, подобно поядающему огню, истребляет грехи их юности и терния их неведения, как очищает их и делает более и более достойными Своей любви. В Херувимах, в которых полнота знания, мы видим, что Бог есть Господь ведения и не ведает лишь самого неведения; что Он весь есть свет и нет в Нем никакой тьмы; что Он весь есть око и не может быть введен в заблуждение, ибо это око всегда открыто, и оно не ищет вовне света, который его просвещает; оно есть око и вместе с тем свет. В Престолах следует видеть, как восседает на них Судия, не подозревающий невинных; Который не желает обмануть и не может обмануться, ибо Он есть любовь и свет. Седалища Его вечны, они — олицетворение покоя. Дай Бог, чтобы я был судим этим Судией, Которому ведома лишь любовь, Который чужд заблуждению и недоступен для смущения и суеты! Сколь велик Господь, для Которого желать значит мочь и власть Которого ограничена лишь безграничностью вселенной и вечности. В Начальствах следует видеть начало, из которого исходит все и на котором движется вселенная. Как дверь вращается на своих петлях, так Господь управляет вселенной. Власти позволяют постичь, сколь могущественно Владыка защищает все, чем правит, удаляет и изгоняет всякую вражью силу. В Силах мы видим, что Он Сам есть сила, равно пребывающая повсюду, ибо всем дает бытие; что она действительна и животворна, незрима и недвижима, и тем не менее ради блага всего [сущего] она приводит все в движение, всем властно обладая. Когда эта сила является человекам в необычайных явлениях, они говорят о чудесах. Наконец, в Ангелах и Архангелах мы можем благоговейно лицезреть исполнение истинности слов: «Сам Бог печется о нас» (см. 1 Петр 5, 7). В самом деле, Он неустанно посылает нам этих совершенных и великих духов, которые, посещая, вселяют в нас радость, вдохновляя, просвещают, а, помогая, даруют утешение.

Глава 5

О том, что благодатные дары, которыми обладают Ангелы,
исходят от Бога

11. Тот, от Кого небесные духи имеют все свои благие свойства, — не кто иной как Создавший их. Это дух высший, единый, неизменный, раздающий Свои благодатные дары, как Ему угодно. Вот что Он производит в них и позволяет им производить в свой черед, хотя и различным образом. Серафимы пылают, но Божиим огнем, или, скорее, огнем, который есть Сам Бог. Их свойство — любить, но не в той же мере и не тем же образом, что Бог. Херувимы сияют, они обладают превосходным знанием, но лишь потому, что причастны истине; поэтому они сияют не так, как сама Истина. Престолы «председает»; однако по благодати Восседающего на них. Они судят все так же покойно, как и Он, но не обладают таким непоколебимым миром, превосходящим всякое разумение, каким обладает Бог. Господства господствуют, но подвластны Господу и вместе с тем служат Ему. Да и что такое их могущество в сравнении с могуществом единого, верховного

и вечного Господина? Начальства правят и царствуют, но управляемы сами, да так, что не могли бы царствовать, если бы не было царства над ними. В Господствах преобладает крепость, но Тот, Кому они обязаны этим свойством, крепче, чем они, и крепким образом; ведь Он не столько крепок, сколько есть сама крепость. Функция и прерогатива Сил — пробуждать сердце человека от бесчувствия, творя чудеса; однако то, что в них совершает чудеса, есть Сила, в сравнении с которой они не имеют никакой силы. Различие между ними таково, что Пророк, видно, помышлял лишь об этой Силе, говоря: «Он один творит чудеса великие» (Пс 136 (135), 4). Наконец, Ангелы и Архангелы — рядом с нами, чтобы помогать; однако Тот, Кто возвращает в нас семена, посеянные ими, не только рядом, но и внутри нас.

12. Если Вы возразите, что ангел тоже может быть внутри нас, я не стану отрицать, ибо помню, что сказано: «Ангел говорил во мне» (ср. Зах 1, 4); но между ними — огромное различие. Ангелы находятся внутри нас посредством благих помыслов, которые они внушают, а не благих дел, которые они творят в нас; они побуждают нас к добру, но не творят его в нас. Бог же пребывает в нас таким образом, что непосредственно касается души, изливает в нее Свои дары, или, вернее, изливается в нее Сам, делая нас причастными Своему Божеству настолько, что один автор не побоялся сказать, что Он един с нами, хотя и не является одной с нами сущностью или лицом. Разве Апостол не сказал: «Соединяющийся с Господом есть один дух с Господом» (1 Кор 6, 17)? Итак, Ангелы пребывают с душой, а Господь — в душе. Первые, можно сказать, обитают с нею под одной крышей, тогда как Бог пребывает с нею как самая ее жизнь. Как душа видит глазами, слышит ушами, обоняет носом, вкушает вкусом и осязает всем телом, так и Бог по-разному действует в разных духах и в одних проявляется как любовь, в других — как знание, в третьих — как сила, согласно тому, как дается каждому проявление Духа на пользу (см. 1 Кор 12, 7). Что же это за удивительное Существо, которое так часто у нас на устах и так далеко от нас? Как происходит, что Тот, о Ком мы без конца говорим, облеченный в тайну Своего величия, усколь-

зает от нашего взора и от всех движений души? Послушайте, что Он Сам говорит человекам: «Как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших» (Ис 55, 9). Говорят, что мы — существа, способные любить, но то же самое следует сказать о Боге; говорят, что мы способны знать, но то же следует утверждать о Боге; и так далее. Однако Бог любит как сама Любовь, знает как знание; Он восседает и, чтобы судить как правосудие, господствует как Господин, начальствует как Начало, спасает как спасение, действует как сила, освещает как свет, милует как милость. Все это делают и Ангелы, и мы сами, но совсем по-иному, ибо не в силу добра, которым являемся, а в силу добра, которому сопричастны.

Глава 6

О понятиях начала и сущности, относящихся только к Богу

13. Но оставим этих духов и пойдём дальше; быть может, Вы сможете воскликнуть вместе с Невестой из Песни Песней: «Но едва я отошла от них, как нашла того, которого любит душа моя» (Песн 3, 4). Кто же этот возлюбленный? Думаю, лучшим ответом будет: «Тот, Который есть» (см. Исх 3, 14: в рус. переводе «Сущий»). Именно так Ему было угодно, чтобы Его именовали; так Он внушил Моисею ответить своему народу, велел сказать людям: «Сущий послал меня к вам» (там же). Нет имени более верного и более подходящего для вечности, ибо вечность — не что иное, как Сам Бог. Когда Вы говорите, что Он благ, что Он велик, что Он блажен, что Он мудр, и все прочее, все это заключено в одном слове: «Тот, Который есть», ибо для Него быть — значит быть всем этим одновременно, и когда Вы прибавляете подобные выражения, Вы не говорите ничего большего, чем если бы сказали: «Он есть». Итак, если хотите, именуя Его, но Вы ничего не прибавите

к этому слову; или не именуйте — и ничего Его не лишите. Если Вы в самом деле понимаете, насколько неповторимо и превосходно Его бытие, в сравнении с этим все, что не есть Бог, покажется Вам, скорее, небытием, чем бытием. Но что такое Бог? Существо, без Которого ничто не существует. Существовать без Него столь же невозможно для чего бы то ни было, сколь Ему Самому — существовать без Самого Себя. Он есть для Себя и для всего, что есть; так что в каком-то смысле можно сказать, что нет ничего кроме Него, ибо Он есть собственное начало, как Он есть начало всех прочих существ. Что есть Бог? Первоначало. Так Он и Сам о Себе говорит (см. Ин 8, 25). Есть много вещей, которые именуются началами, однако они заслуживают этого названия только по отношению к тому, что следует за ними; если же Вы станете рассматривать вещь, которая им предшествует, то Вы присвоите понятие начала ей. Следовательно, если Вы хотите иметь простое и чистое начало, Вам нужно прийти к тому, что само не имеет начала, ибо ясно, что бытие, посредством которого все начало быть, само по себе не имеет начала; разве что мы вообразим себе, будто то, чего не было, могло само явиться началом своего бытия или будто нечто может существовать прежде, чем начнет существовать. Очевидно, что эти два предположения противоречат разуму, стало быть, ничто не может служить началом самому себе. Но то, что имело своим началом нечто отличное от себя, не было собственным первоначалом. Итак, истинное начало безначально и существует всецело посредством самого себя.

14. Что есть Бог? Тот, Кто не имеет ни прошлого, ни будущего, и ничего столь вечного, как Он Сам. Итак, Кто Он? Тот, про Которого сказано: «Все из Него, Им и к Нему» (Рим 11, 36). «Все из Него» посредством творения, а не рождения. «Все Им» не только задумано, но и устроено. «Все к Нему» — не как к определенному месту, а как к силе. «Все из Него» как из единого начала, Творца всего сущего. «Все Им», ибо нет иного начала, Устроителя всего. Все в Нем, ибо нет иного начала — пространства, которое бы Его в себе заключало. Все из Него не как из того, из которого все происходит, ибо Бог — не материя, Он есть действующая причина вещей,

а не материальная. Напрасно философы ищут первомерию; Бог не нуждается в ней, для Своего дела Он обошелся без мастерской и без ремесленников и все сделал Сам, посредством Себя Самого и в Себе Самом. Из чего? Из ничего, ибо если бы Он творил из чего-либо, то не был бы Творцом этого, а значит, не был бы Творцом всего. Сохрани меня Бог сказать, что Он сотворил столько вещей, пусть и благих, но все же подверженных тлению, из Своей чистой и нетленной сущности. Но если все вещи в Нем, Вы, быть может, спросите, где же Он Сам. На это я не знаю, что отвечать, разве что задать Вам вопрос в свой черед: какое место может Его вместить? Если Вы спросите, где Его нет, я тоже не сумею ответить. В каком месте Бог отсутствует? Он непостижим, но Вы постигаете Его, уразумев, что, будучи невместимым, Он не находится нигде, и, поскольку нет места, в котором бы Его не было, Он есть повсюду. И как все в Нем, так и Он во всем, тем непостижимым и чудесным образом, который присущ Ему одному. Наконец, как говорит евангелист: «Он был в мире» (см. Ин 1, 10); более того, Он все еще там, где был, прежде чем мир начал существовать. Но не спрашивайте меня, где: поскольку не было ничего, кроме Него, Он был в Самом Себе.

Глава 7

О простоте Бога и о Трех Божественных Лицах

15. Итак, что есть Бог? Все лучшее, что можно себе представить. Если Вы принимаете такой ответ, то не допустите, будто есть нечто, посредством чего Бог существует и что не есть Он Сам; ибо ясно, что такая вещь оказалась бы совершеннее Его. Разве то, что дает бытие Богу и вместе с тем не является Им, не совершеннее Его? Потому мы вправе говорить, что то самое Божество, посредством которого, по мнению некоторых, Бог есть, есть не что иное как Сам Бог; так что в Боге нет ничего кроме Бога. «Как! — скажут мне. — Вы отрицаете, что в Боге есть Божество?». Конечно, нет, однако я говорю, что это Божество — не что иное как Он Сам. Разве я отрицаю, что Бог является Богом благодаря Своему Божеству? Никоим образом. Но я говорю, что Божество и есть Сам Бог. Если же утверждать противное (да поможет мне Пресвятая Троица Своей благодатью!), то я возражаю против этого нового измышления:

четверица подобает стихиям мира, но не Божеству¹⁴. Бог есть Троица, и каждое из Трех Лиц есть Бог. Если кто-то находит четвертое, то для меня оно не Бог, и я не стану ему поклоняться. Несомненно, Вы думаете так же, как я, памятуя слова Евангелия: «Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи» (Лк 4, 8). Хорошо было бы Божество, которое не дерзало бы притязать на Божественную честь! Лучше вовсе отвергнуть это четвертое лицо в Боге, чем принять его, не воздавая чести, подобающей Богу. Нельзя сказать, будто мы не принимаем, что в Боге много всего; однако мы делаем это благоразумно, не преступая пределов католического вероучения, и так, что множество не нарушает [Божественного] единства. В противном случае пришлось бы допустить не четверичность Бога, а, так сказать, сторичность. Итак, мы утверждаем, что в Боге есть величие, благость, справедливость и множество других атрибутов, но если все это не есть в Нем одно и то же, то мы допускаем, что в Нем есть множество...

16. Что касается меня, я представляю себе Бога лучшего, чем подобный. Какого же? Отвечу: Бога, Который есть самая простота. Для всякого, кто разумно судит о вещах, простое в Его природе всегда преобладает над множественным. Понимаю, что, как правило, на это возражают: но ведь мы не говорим, что множество делает Бога Богом; мы говорим, что Божество, которое есть не что иное как множество вышеупомянутых атрибутов, делает Бога Богом. Значит, даже если Бог для них не есть существо составное, то Он должен быть, по крайней мере, двоицей, и получается, что у них нет Бога совершенно простого, а стало быть, такого, совершеннее которого нельзя помыслить. В самом деле, существо является простым, чтобы познать одну-единственную форму, подобно тому как девица девственна, чтобы познать одного мужа. Потому я безбоязненно говорю, что Бог, пусть даже только двоичный, не может быть моим Богом, ибо у меня есть лучший. Конечно, я предпочитаю Бога-двоицу Богу-множеству, но отвергаю Его, найдя Бога-

¹⁴ Число четыре традиционно, еще с античности, символически связано с землей: четыре стороны света, четыре стихии и пр. — Прим. пер.

простоту. Ибо, как правоверный католик, говорю: только последний есть истинный Бог. В Нем не больше того, чем другого; Он есть Сущий, а не сущее. Чистый, простой, цельный, совершенный, неизменный, Он ничего не получает ни от времени, ни от пространства, ни от вещей, но и не вкладывает в них ничего Своего. Он неразделим и несводим к одному лишь единству. Он един, а не соединен, ибо Он един не так, как тела, состоящие из различных частей, и даже не так, как души, чувства которых разделены; наконец, Он не связан с конкретными формами, как связано все сущее, и даже с одной формой, как воображают некоторые авторы. Где была бы слава Божия, если бы Он мог избежать неопределенности, только подчинившись одной определенной форме? Это значило бы утверждать, что все вещи обязаны тем, чем они являются, своей форме, и Бог тоже обязан тем, что Он есть, Своей форме, разве что единственной. Значит, Тот, благостью Которого все существует, Сам может существовать только благодаря воле некоего благодетеля? Подобная похвала больше похожа на богохульство. Разве не лучше не нуждаться ни в чем, чем нуждаться в чем-либо? Итак, будем почитать Бога настолько, чтобы признать, что в Нем — все лучшее. Если даже наша мысль сумела подняться до таких высот, то как дерзнуть поставить Бога ниже ее? Бог Сам есть собственная форма и сущность. Вот на какой степени совершенства я созерцаю Его ныне, но если я нашел бы еще более совершенную, то тотчас отдал бы ее Богу. Итак, стоит ли нам опасаться, что наша мысль вознесется выше Него? Как бы высоко она ни взлетела, Он еще выше; и искать Бога ниже, чем там, куда проникает мысль человека, смехотворно, а утверждать, что Он там находится, — кощунство. Его следует искать по ту, а не по эту сторону.

17. Но если можете, вознесите сердце еще выше — и найдете Бога еще высшего. Бог не сформирован, Он есть форма; Он не подвержен воздействию, но Сам воздействует. Он существо не составное, а простое высшей простотой, и чтобы Вы поняли, что я имею в виду под простым существом, скажу: то же самое, что существо абсолютно единое. Единство в Боге — то же, что простота; Он един так, как ничто другое не едино, кроме Него;

можно сказать, Он самый единый (*unissimus*). Солнце одно, ибо другого нет; подобно и луна. Так же и Бог, только много больше. Чем больше? Тем, что Он един Сам с Собой. Надо ли объяснять, что я разумею? Он всегда тот же и всегда есть одним и тем же образом, присущим Ему одному. Хотя солнце и луна единственны, однако не так, как Бог: они явно не едины с собой, ибо первое имеет свои обращения, а вторая — свои фазы. Бог же, напротив, пребывает в Себе так же, как с Собой; в Нем нет ничего, что не Он; время не совершает в Нем никаких перемен, и Его сущность не претерпевает никаких видоизменений. Потому Бозций говорил: «Нет истинно единого, кроме того, что исключает саму идею числа, имеет в себе только себя и не может быть подлежащим чему-либо, ибо является само собственной формой. Сравните с этим истинно единым Существом все, что мы можем назвать единым, и увидите, что последнее больше не будет представляться единым. Тем не менее Бог есть Троица. Как же так? Разве я не упраздняю единства, о котором говорил, утверждая теперь, что Бог есть Троица? Вовсе нет. Я продолжаю утверждать Его единство, ибо, именуя Отца, Сына и Святого Духа, я имею в виду не трех богов, а всего лишь три Лица в Боге. Быть может, мне скажут: но что означает это число, в котором нет числа, если можно так сказать? Если есть три, то как говорить, что нет числа? А если есть Единый, как там может быть место числу? Вы скажете: ему есть место и вместе с тем нет места; ибо, несмотря на наличие Трех Лиц, есть только одна сущность. Что в этом неясного или удивительного? Совершенно ничего, если рассматривать Лица отдельно от сущности. А теперь, если мы допустим, что эти Три Лица и есть единая сущность, а сущность и есть эти Три Лица, то мы не сможем отрицать число в Боге, ибо Три истинно существуют. Однако кто станет считать Их, если Бог несомненно един? Если Вам кажется, что это легко объяснить, скажите, что именно Вы имели в виду, когда сказали «три»? Три природы? Но она только одна. Три сущности? Но она только одна. Три Божества? Но и оно лишь одно. Нет, скажете Вы, я считал не это все, а Лица. А разве эти Лица не являются этой единой природой, единой сущностью, единым Божеством? Ведь Вы католик и не можете предположить подобного.

Глава 8

О том, что наличие Лиц в Боге происходит от Его свойств,
тогда как сущность Его едина и проста

18. Всякий католик исповедует, что свойства Божественных Лиц — не что иное как Сами Лица, а эти Лица, в свою очередь, — не что иное как единый Бог, единая сущность, единая природа, единое и высшее Божественное величие. А теперь попытайтесь, если сможете, счесть Лица без Божественной сущности, тогда как Они и есть эта сущность; или Божественные свойства без Лиц, которые и есть эти свойства. Если Вы хотите отделить Лица от сущности, используя свойства Лиц, то едва ли можно сказать, что Вы поклоняетесь Троице, ибо в таком случае Вы допускаете в Боге множество разных вещей. Итак, скажем «Три», но без ущерба для единства; и скажем «Единый» без смешения Лиц в Троице; ибо это не просто пустые, лишенные смысла слова. Если кто-либо спросит меня, как может существовать подобный догмат христианской веры, я отвечу: довольно верить, что так есть. Хотя этот догмат превосходит разумение, он не порождает никакой дву-

смысленности, и вера нас в этом убеждает. Сие — великая тайна, которую мы должны почитать, а не исследовать: как множество может существовать в единстве, особенно в таком единстве; или как самое единство может сохраняться во множестве? Было бы дерзостью пытаться проникнуть в эту тайну, однако верить в нее — благочестиво, а познание ее есть жизнь, притом жизнь вечная. После этого, дорогой Евгений, пусть Ваша мысль, если Вы сочтете нужным, рассмотрит разные виды единства, дабы увидеть, насколько превосходно и несравненно единство истинно единого Существа. Есть единство, которое можно назвать собирательным (*unitas collectiva*), например, единство груды камней, собранных вместе; единство органическое (*constitutiva*), например, единство тела, состоящего из многих членов или другого целого, состоящего из частей; единство сопряжения (*coniugativa*), когда два существа — уже не два, а одна плоть; единство прирожденное (*nativa*), благодаря которому из единства тела и души рождается человек; единство самообладания (*potestativa*): посредством его человек, которому чуждо непостоянство и рассеянность, старается всегда оставаться верным и подобным себе; а есть еще единство согласия (*consentanea*), когда, например, благодаря любви люди становятся едины сердцем и душой; затем единство посвящения (*votiva*), например, когда душа прилепляется к Богу всей силой своей жажды и становится с Ним единым духом; наконец, есть единство [Божественного] снисхождения (*dignativa*), а именно, то, благодаря которому из нашего праха и соединившегося с Ним Слова Божия образовалась единая личность.

19. Но что такое все единства в сравнении с этим верховным единством, с этим единственным единым единством, если можно так сказать, с единством, в котором сама единосущность образует единство? Сравните с ним все те единства, которые могут быть едиными в том или ином; сравните их с ним, и они больше не будут едиными ни в чем. Потому среди всех единств, которые мы можем назвать, первое место принадлежит единству Троицы, посредством которого Три Лица составляют одну единую сущность; второе — тому, которое, наоборот, соединяет три сущности

в едином Лице Иисуса Христа. Однако это второе единство и все другие, которые можно вспомнить, именуется таковыми только потому, что они подражают тому единственному единству, которое может признать мудрое и верное рассуждение, а не сравнивается с ним. Впрочем, мы не перестаем исповедовать это единство, поскольку признаем Три Лица, хотя при этом столь же не допускаем множества в Троице, как и одиночества в единстве. Потому, когда я говорю «Одно», наличие числа в Троице никоим образом не смущает меня, ибо оно не умножает сущность, не меняет ее и не раздробляет. Точно так же, когда я говорю «Три», вид единства меня тоже не смущает, ибо оно не смешивает эти Три существа, каковы бы Они ни были, друг с другом, и не сводит их к одному-единственному.

Глава 9

О том, что, подобно тому
как в Боге есть простая природа в трех Лицах,
в Иисусе Христе есть единое Лицо в разных природах

20. То же самое я сказал бы о том единстве, которому присвоил второе место среди всех. В Иисусе Христе, Слове, душа и тело составляют единую личность без смешения сущностей, а сущности, в свою очередь, образуют число без ущерба для единства Лица. Впрочем, не могу отрицать, что такой вид единства сродни тому, посредством которого душа и тело образуют человека. Надлежало, чтобы тайна, совершившаяся во благо человека, имела некоторое подобие и сродство с его устройением; а также чтобы в высшем единстве, которое есть в Боге и не что иное как Бог, Три Лица составляли одну и единую сущность, а также чтобы три сущности составляли одну единую личность. Разве Вы не видите, сколь прекрасным образом это второе единство пребывает между двумя другими — в Богочеловеке Иисусе Христе, посреднике между Богом и человеком? Да, таким чудесным соответствием тайна спасения несколько напоминает и то, и другое единство —

и Того, Кто спасает, и того, кто спасен. Это единство, пребывающее между двумя другими, выше одного и ниже другого, так что первое настолько же превосходит его, насколько оно превосходит второе.

21. Наконец, сила, которая соединяет Бога и человека в едином Лице, образуя Иисуса Христа, так могущественна, что Вы можете без боязни впасть в заблуждение и присваивать Ему любую из двух природ, по праву и в согласии с вероучением именуя Бога человеком и человека Богом. Однако Вы не можете, не впад в очевидный абсурд, именовать плотью душу и душой — плоть, идет ли речь о человеке или о Христе, хотя и тот и Другой — суть душа и тело одновременно. Впрочем, не стоит слишком удивляться, что душа, посредством присущей ей жизненной силы, как бы та ни была велика, и посредством своих чувств не может соединиться с телом так же тесно, как Божество соединилось с человеком, которому уготовано было открыться Сыном Божиим в силе и чудесах (см. Рим 1, 4). Весьма длинна и прочна цепь Божественного предопределения, ибо оно вечно; а что длиннее вечности и могущественнее Божества? Потому и смерть не смогла разорвать это единство, даже отделив душу от тела, и, быть может, именно это разумел Иоанн Предтеча, когда, говоря об Иисусе Христе, признавал себя недостойным развязать ремень обуви Его (см. Мк 1, 7).

Глава 10

О применении притчи из Евангелия от Матфея о трех мерах
к Иисусу Христу

22. Итак, я пойду еще дальше; полагаю, не так уж неразумно понимать под тремя мерами муки, которые становятся единым хлебом после того, как их перемешают и положат закваску, как гласит Евангелие (см. Мф 13, 33 и Лк 13, 21), три сущности Иисуса Христа. О, как хорошо та Жена сумела смешать их вместе, так, что, даже когда тело разделилось с душой после смерти, Слово осталось единым с обоими. Даже в разделении это единство нераздельно: частичное разделение, которое произошло, ничего не могло с ним поделаться, и оно сохранилось во всех трех [сущностях]. Две из них могли соединиться или разделиться, но при этом единство Лица все равно сохранилось в трех сущностях. И даже после смерти человека Слово, душа и тело в Иисусе Христе не переставали составлять единого нераздельного Христа, единое Лицо. Полагаю, это смешение и закваска произошли во чреве Пресвятой Девы, и именно Мария произвела и то и другое, а закваской послужила Ее вера. Думаю, мы вправе говорить так, ведь написано: «Блаженна Уверовавшая, ибо совершится сказанное Ей

от Господа» (см. Лк 1, 45). А оно бы не совершилось, если бы тесто не вскисло, как сказал Господь, и не вскисло навсегда, так, что даже в смерти, как и в жизни, Посредник между Богом и людьми, Богочеловек Иисус Христос, остался единым целым.

23. Надо заметить, что в этой дивной тайне есть нечто, напоминающее три меры муки с тремя удивительными и подобающими качественными различиями: новая [мука], древняя и вечная. Новая есть душа, относительно которой мы веруем, что она была сотворена в тот миг, когда соединилась с телом; древняя, то есть плоть, как мы знаем, унаследована от праотца Адама; вечная, то есть Слово, как мы твердо верим и исповедуем, от века рождено Отцом и вечно, как и Он. И в этом, если Вам угодно обратить внимание, Вы обнаружите тройное доказательство могущества Божия: Он сотворил нечто из ничего; Он сотворил новое из старого; и Он сотворил вечное и блаженное бытие из того, которое было уже осуждено и мертво. Чем это важно для нашего спасения? Многим. Прежде всего, почти уничтоженные грехом, мы, можно сказать, сотворены заново, чтобы перед Богом стать некоторым подобием начатков Его творения; во-вторых, мы перешли от древнего рабства к свободе детей Божиих и следуем новым путем духа; наконец, мы были призваны из власти тьмы в вечный свет, в котором через Иисуса Христа мы как бы уже обретаемся. Так что глубоко неправы те, кто силится доказать, будто плоть Иисуса Христа чужда нашей плоти, и кто безумен настолько, чтобы утверждать, будто Бог не воспринял плоть от Девы, а сотворил новую плоть в Ее чреве. Задолго до них Пророк в ответ на подобное нечестивое предположение, или даже, скорее, богохульство, сказал: «И произойдет отрасль от корня Иессеева, и цвет произрастет от корня его» (см. Ис 11, 1). Он мог бы сказать, что цвет произойдет от ветви, но предпочел сказать, что он произойдет от корня, дабы дать понять, что он имеет тот же корень, что и сама отрасль. Итак, плоть Иисуса Христа имеет то же происхождение, что и плоть Марии; плоть же Марии не нова, ибо происходит из своего источника.

Глава 11

Продолжение размышления о Боге

24. Быть может, Вы теряете терпение, видя, как я все продолжаю доискиваться, кто есть Бог, либо потому, что я уже много раз задавался этим вопросом, либо потому, что не надеетесь прийти к ответу на него. Так вот я скажу Вам, Святейший Отец Евгений, только Бога мы ищем не напрасно, даже если не можем найти. Тут я взываю к Вашему собственному опыту, или же к своему, или, если этого недостаточно, к опыту святого, сказавшего: «Благ Господь к уповающим на Него и к душе, ищущей Его» (Плач 3, 25). Итак, что есть Бог? По отношению ко вселенной — цель; по отношению к избранным — спасение; а по отношению к Себе Самому только Он один знает, кто Он. Итак, Бог — это всемогущая воля, бесконечная благодать и сила, вечный свет, неизменный разум и высшее блаженство. Он создал души, чтобы излить в них Себя, и животворит их, чтобы они ощущали Его присутствие; Он наделяет их сердцем, чтобы они жаждали Его, расширяет его,

чтобы оно могло Его вместить; Он оправдывает их, чтобы они Его заслужили; воспламеняет, чтобы они горели [святой] ревностью; делает способными рождать, чтобы они приносили плод; направляет, чтобы они ходили путями правды; Он воспитывает в них добрую волю, сохраняет их в благих пределах мудрости, укрепляет в добродетели, посещает ради утешения, просвещает ради познания Его, дарует вечную жизнь, исполняет блаженством и ограждает, давая пребывать в полной безопасности.

Глава 12

Бог воздает за добрые дела добром
и наказывает за злые дела с величайшей справедливостью

25. Итак, Кто есть Бог? В той же мере мучение злых, что и слава смиренных, ибо Он есть как бы закон справедливости — разумный, незыблемый, неотвратимый, ибо действует повсюду; никакая неправда не может встретиться с ним безнаказанно. Разве он не подобен подводному рифу для гордыни и распутства? Горе тому, что он встретит на своем пути, ибо он есть не только неумолимое правосудие, но и сила! Есть ли что-нибудь более ужасное и отвратительное для превратной воли, чем все время бороться и наталкиваться на стену, ничего не достигая. Горе мятежной воле, которая в конце концов получает лишь кару за свое возмущение. Какая мука — постоянно желать того, чего никогда не будет! Какое ужасное проклятие — не иметь возможности уклониться от желания или нежелания, притом в таких условиях, что, куда бы эта воля ни обратилась, она желает лишь зла и того, что несет ей несчастье! Она вечно лишает себя того, чего желает, и вечно

будет обречена переносить то, чего не желает. Ведь справедливо, чтобы тот, кто никогда не пользовался своими способностями для совершения добра, так и не достиг исполнения своих желаний. Но кто устроит все именно так? Господь Бог наш, Который есть сама правда и который поступает с лукавым по лукавству его (см. 2 Цар 22, 27). Никогда не будет согласия между тем, что право, и тем, что неправо; они враждуют меж собой и непрестанно ведут войну, хотя и не могут поразить друг друга. Тот, которого другой победит и изранит, не может быть Богом, ибо сказано: «Трудно вам идти против рожна» (Деян 9, 5): трудно не для рожна, а для того, кто идет против него. Кроме того, Бог — мучение нечестивых душ, ибо Он есть сам свет, а распутные и порочные души ничего так не боятся, как света. Сказано: «Всякий, делающий злое, ненавидит свет» (Ин 3, 20). Но можно спросить: быть может, они сумеют избежать его лучей? Нет, не сумеют, ибо, хотя он светит не для всех, лучи его проникают повсюду, он и «во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин 1, 5). Свет видит тьму; ибо светить — значит видеть; но тьма не видит свет так, как сама видима им, ибо не может объять его. Так что нечестивые видимы к своему посрамлению, сами же не видят к собственной безутешности; они видимы не только светом, но и в сиянии света. Кем же, спросите Вы? Теми, кто способен видеть, причем число видящих лишь усиливает их смятение и посрамление. Однако среди этого бесконечного числа соглядатаев никто не терзает их больше, чем они сами. Нет ни на земле, ни на небе свидетелей, взгляда которых нечистая совесть так желала бы избежать. Тьма не может затмить саму себя: она видит себя и не может видеть ничего иного, и дела тьмы следуют за нечестивыми; они не могут скрыться от них, даже прячась в лоне тьмы. Вот червь, который не умирает: воспоминание о прошлом. Как только оно посеяно, или, скорее, рождается в душах из-за греха, оно прилепляется к ней так крепко, что его уже невозможно оторвать. Оно непрестанно гложет совесть, она для него подобна тучной пажити, которая вечно его насыщает. Я содрогаюсь при мысли об этом черве, который точит внутренность, трепещу, помышляя об этой живучей смерти,

ужасаюсь, что могу стать жертвой неумирающей смерти и вечно умирающей жизни.

26. Вот что такое вторая смерть, убивающая всякий день и все же никогда не лишаящая жизни окончательно. О, кто бы дал умереть единожды, чтобы не умирать вечно, этим несчастным, взывающим к горам: «Падите на нас», — и к холмам: «Покройте нас!» (см. Лк 23, 30). Чего они просят, если не благодати покончить с этой смертью или избежать смерти? Наконец, Писание гласит: «Пожелают умереть, но смерть убежит от них» (Откр 9, 6). Чтобы это стало для Вас еще яснее, вспомните, что душа, несомненно, бессмертна, а стало быть, по своему свойству не может существовать без памяти. Итак, пока живет душа, живет и ее память. В каком состоянии, спросите Вы? Обремененная нечистотами, полная ужасных преступлений, раздутая гордостью, испещренная шипами презрения, как невозделанная земля — колючками и терниями. Прошедшее для нее одновременно прошло и не прошло: прошло, потому что больше не существует на деле, зато существует в уме. То, что сделано, уже сделано и не может быть отменено; действие относится к определенному времени, но сделанное вечно. То, что совершено во времени, не проходит со временем; вот почему мы будем без конца мучиться злом, о совершении которого будем вечно помнить, и трудно не признать правду слов: «Изобличу тебя и представлю пред глаза твои грехи твои» (Пс 50 (49), 21). Это слова Самого Господа, а никто не может объявить Его своим врагом, не став врагом себе самому. Потому Он хотел показать, как тщетно запоздалое сетование: «О страж человеков! Зачем Ты поставил меня противником Себе, так что я стал самому себе в тягость?» (Иов 7, 21). И это действительно так, дорогой Евгений: никто не может сделаться врагом Богу и жить в мире с собой; а тот, к кому Бог обратит упрек, сам первый обратит его к себе. Тогда ни разум не сможет сделать вид, что не знает истины, ни душа не сможет укрыться от очей разума, когда лишится своих телесных органов и вся сосредоточится в себе. И как она могла бы это сделать, погружившись в смертный сон чувств, ведь именно они позволяли ей выходить за пределы себя, чтобы удовлетворять свое любопыт-

ство и следовать за образом преходящего мира? Увидите, стыд нечестивых душ, когда они предстанут перед очами Бога, ангелов, людей, а также перед своими собственными, будет неизбывным. Но в каком ужасающем состоянии будут также души злых, противопоставших течению незыблемого правосудия и оказавшихся под лучами ослепительной истины! Как им не ощущать тяжких ударов и непрестанного смятения, ведь, по словам Пророка, «Господь сокрушит их сугубым сокрушением» (Иер 17, 18)!

Глава 13,

в которой святой Бернард столь же проникновенно,
сколь и изящно рассуждает о долготе, широте, глубине
и высоте Божиих

27. Что есть Бог? Он есть одновременно долгота, широта, высота и глубина. «Вот, — скажете Вы, — я застиг Вас врасплох: Вы исповедуете ту самую четверицу, которую отвергали». Ничего подобного, я ее осуждал и осуждаю. Вам кажется, будто я говорю о нескольких вещах, а на самом деле — лишь об одной. Просто я определяю единого Бога таким, каким мы можем Его уразуметь, а не таким, каков Он на самом деле. А различия, которые я предполагаю, находятся не в Нем; я их устанавливаю для себя, ибо, хотя именую Его разными именами и ищу разными путями, Он неизменно един. Эти четыре слова означают не разделения в Божественной сущности, и не измерения, какие мы наблюдаем в теле, и не различие лиц, подобных Тем, что мы почитаем в Троице, и даже не определенные свойства, которые мы допускаем у Божественных Лиц и которые составляют с Ними одно целое.

Напротив, в Боге каждая из этих вещей есть то же, что они есть все четыре вместе, а все четыре — не что иное, как то, чем каждая является по отдельности. Когда мы, чей разум неспособен постичь Божественную простоту, пытаемся представить себе Его единым, Он предстает нашему уму как нечто четверичное. Причина этого заблуждения — тусклое зеркало, через которое нам дано видеть Его теперь. Но когда мы узрим Его лицом к лицу, мы постигнем, что Он есть на самом деле. Тогда слабое и хрупкое зрение нашего разума будет способно глядеть на Него со всем вниманием, не боясь притупиться или рассеяться во множестве предметов. Наоборот, оно соберет все силы, сосредоточит их на одном и само уподобится Божественному единству; или, вернее, уподобившись этому высшему единству, оно будет созерцать его наедине, лицом к лицу, как сказано: «Будем подобны Ему, потому что увидим Его как Он есть» (1 Ин 3, 2). Блаженное видение! Недаром псалмопевец томился по нему, восклицая: «Ищите лица Моего; и я буду искать лица Твоего, Господи!» (Пс 27 (26), 8). И пока мы еще ищем его, мы можем, не сомневаясь, воспользоваться образом квадриги, в котором нуждаемся по своей нищете. Быть может, так мы достигнем того, что достигло нас, то есть смысла самой этой квадриги. В самом деле, ведь возникший этой колесницы, тот, который первым показал нам ее, призывает усердно постигать «со всеми святыми, что такое широта и долгота, и глубина и высота» (Еф 3, 18) высшего бытия. Святой Павел призвал постичь, а не познать, дабы мы не довольствовались удовлетворением своего любопытства посредством знания, но и всеми силами старались пожать плоды, а пожинать плоды — это не знать, а охватить. «Кто понимает делать добро и не делает, тому грех» (Иак 4, 17). Вот почему в другом месте святой Павел говорит: «Бегите, чтобы достигь» (1 Кор 9, 24). Но что понимается под словом «достигать»? Об этом я скажу несколько позже.

28. Итак, что есть Бог? Долгота. Что это значит? Вечность, ибо она столь долга, что не имеет пределов ни во времени, ни в пространстве. Он есть и широта. Что это значит? Любовь. Ведь и она не может иметь пределов в Боге, Который не гнушается ничем,

что сотворил (см. Прем 2, 25). Разве Он не повелевает солнцу восходить над злыми, как и над добрыми, и не посылает дождь на праведных и неправедных? Итак, любовь Божия благословляет в Своем лоне даже врагов, но и этого ей мало: она простирается до бесконечности и превосходит не только все, что возможно ощутить, но и все, что возможно познать, по слову самого Апостола, желавшего, чтобы мы познали превосходящую всякое разумение любовь Христову (см. Еф 3, 19). Что еще сказать? Она вечна; или, скорее, она есть сама вечность. Так что, как видите, в Боге долгота равна широте. Я бы хотел, чтобы Вы увидели, что она не просто так же велика, но совпадает с нею, что они друг от друга не отличаются и что одна ничуть не меньше, чем обе вместе, а обе вместе — не больше, чем одна из двух. Бог есть вечность, Бог есть любовь, долгота без продления, широта без расширения. Он равно превосходит тесные границы времени и пространства, но не протяженностью Своей сущности, а свободой Своего бытия. Итак, давший всему меру Сам безмерен, и, будучи безграничен, все же является мерой самой безграничности.

29. Что же еще есть Бог? Высота и глубина. С одной стороны, Он надо всем, с другой — подо всем, ибо в Божественных атрибутах равновесие не уклоняется ни в какую сторону; Он один и тот же и всегда неизменен. Говоря о высоте, помыслите о Его могуществе, а говоря о глубине — о мудрости. Одно равно другой, и мы знаем, что столь же невозможно достичь Его высоты, как и исследовать Его глубины. Так говорит, вернее, горячо восклицает святой Павел: «О, бездна богатства, и премудрости, и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!» (Рим 11, 33). Воскликнем и мы вместе с ним, видя, что в Боге и с Богом эти два атрибута образуют простейшее единство: «О премудрость, исполненная могущества, простирающаяся повсюду! О могущество, исполненное премудрости, все устрояющее на пользу!» (см. Прем 8, 1). Это одно и то же, только действия различны; и это одно есть вместе с тем долгота, в силу вечности, широта, в силу любви, высота, в силу величия, и глубина, в силу премудрости.

Глава 14

О том, как нам, по словам Апостола, постичь
эти четыре атрибута

30. Итак, мы знаем это; но постигли ли? Последнее достигается только благодаря святости, а не размышлению, если вообще можно постичь непостижимое. Однако если бы это было невозможно, Апостол не призывал бы нас «постигать со всеми святыми» (Еф 3, 18). Стало быть, святые постигли. Вы спросите, каким образом? Отвечу, что, если Вы святые, то уже сами постигли, а значит, знаете, как; а если не святые, станьте святым — и узнаете на своем опыте. Святыми нас делают святые чувствования. Таковых два: святой страх Божий и святая любовь к Нему. Для души, обладающей этими двумя чувствами, они подобны двум рукам, позволяющим взять, объять, удержать, и такая душа восклицает: «Ухватила за Него, и не отпущу Его» (Песн 3, 4). Страх соответствует высоте и глубине, а любовь — широте и долготе. В самом деле, чего бояться больше, чем неотразимого могущества или неисследимой премудрости? Бог меньше рожден бы

страх, если бы Ему недоставало одного из этих двух атрибутов, но нельзя не бояться Того, Чей взор все видит и Чья десница все может. С другой стороны, что более достойно любви, чем самая любовь, которая любит и дает возможность любить? А к ней еще прибавьте вечность, ибо, никогда не ослабевая, она не допускает ни малейшего сомнения, ни малейшего опасения. Итак, любите с постоянством, и вот Вам долготы; пусть Ваша любовь простирается и на врагов, — и вот Вам широта. Наконец, во всем имейте в душе страх, и Вы постигли высоту и глубину.

31. Но если Вы хотите найти четыре чувства души, соответствующие четырем Божественным атрибутам, то таковы благоговение, страх, благая ревность и постоянство. Первое рождает в нас Божественное величие, второе — неисследимая бездна Его судов, третье — Его любовь, а четвертое — Его вечность. Кто не благоговеет, лицезря славу Божию? Кто не страшится, взирая на бездну Его премудрости? Кто не воспламенится любовью, размышляя над любовью Божией? И кто не выкажет постоянства в любви, желая подражать вечности Божественной любви? Постоянство действительно имеет отношение к вечности, и вместе с тем оно — единственная добродетель, которая ее заслуживает, или, вернее, ведет к вечности, если мы доверяем Господу, сказавшему: «Тот, кто останется постоянным до конца, спасется» (ср. Мф 10, 22).

32. А теперь заметьте, что эти четыре Божественных атрибута являются предметом нескольких видов размышления. Первое — самое возвышенное; это благоговейное созерцание Божественного величия. Оно требует чистоты сердца: освобожденное от всякого порока и греха, сердце возвышается до небесных вещей, а иногда, пусть всего на несколько мгновений, бывает охвачено своего рода святым изумлением и восторгом. Второе необходимо для первого, ибо оно размышляет о судах Божиих, и это страшное зрелище поражает душу, изгоняет из нее пороки, утверждает добродетель, приобщает мудрости и сохраняет в смирении. Смирение же — прочное и надежное основание для добродетели: если оно подвигнется, все пороки будут разорены. Размышление третьего вида больше устремлено на воспоминание о благодеяниях

[Божиих] и, напоминая, сколь мы благодетельствованы, побуждает к благодарности и любви к Благодетелю. Вот что имел в виду Пророк, сказав: «Будут провозглашать память великой благодати Твоей» (Пс 145 (144), 7). Четвертое, закрывая глаза на прошлое, взирает лишь на обетования, исполнения которых ожидает; а поскольку оно есть не что иное, как размышление о вечности, так как предмет обетований вечен, оно питает долготерпение и дает новые силы, позволяющие сохранять постоянство. Теперь, я думаю, нетрудно связать эти четыре вида молитвенного размышления с четырьмя словами, которые употребляет Апостол: долготу мы постигаем, размышляя об обетованиях, широту — вспоминая о благодеяниях, высоту — созерцая Божие величие, а глубину — лицезря бездну судов Божиих. Нам остается искать Того, Которого мы нашли пока лишь несовершенным образом и не умеем искать. Но, быть может, молитва есть более удобный способ найти Его, нежели размышление. Итак, закончим на этом нашу книгу, но не искания.

Примечания Хорстиуса и Мабийона

Примечания принадлежат двум священникам и ученым, усилиями которых были подготовлены к изданию важнейшие собрания трудов св. Бернарда Клервоского. Эти примечания были включены и в современное французское издание его сочинений.

Якоб Мерлоний Хорстиус (1597–1644). Родился в Хорсте (Германия). Получив богословское образование в Кёльне, в 1621 г. был рукоположен в священники. Будучи профессором Кёльнского университета, нес также ревностное пастырское служение в качестве приходского настоятеля. Написал ряд богословских сочинений, но главное — он подготовил первое научно-критическое издание трудов святого Бернарда, которое вышло в свет в 1641 г. Хотя оно не было таким полным и тщательным, как подготовленное впоследствии Жаном Мабийоном, Хорстиус остался в истории примером удивительной эрудированности. Даже Виктор Гюго в «Отверженных» (книга 8, гл. 3) упоминает о нем: «Хотя Мабийон приводит 417 писем святого Бернарда, а Мерлоний Хорстиус — только 367, я не хочу пренебрегать Мерлонием Хорстиусом...»

Жан Мабийон (1633–1707) — французский историк, агиограф, священник-бенедиктинец из Конгрегации святого Мавра. Жил и умер в монастыре Сен-Жермен-де-Пре в Париже. Мабийон заложил основы палеографии и дипломатики, опубликовав труд *De re diplomatica* (1681), в котором установил объективные критерии для датировки документов и выяснения его подлинности и происхождения. Благодаря Мабийону не только содержание документов, но и сами они стали объектом научного исследования. Вместе с болландистами (брюссельскими историками-иезуитами XVII и XVIII вв.) он предпринял огромный труд, попытавшись выявить историческую правду в житиях святых и актах мучеников ранней Церкви, чем вызвал неодобрение со стороны некоторых представителей духовенства. Кроме того, Мабийон осуществил критическое издание трудов святого Бернарда, гораздо более полное и достоверное, чем предыдущие.

Книга I

Гл. 1, п. 1. «Для Вас истинное горе чувствовать себя [как бы] вырванным из объятий своей Рахили». Отцы Церкви, а также духовные и мистические авторы обычно, рассуждая о жизни созерцательной и жизни деятельной, использовали образы Рахили и Лии, женщин, замечательных, одна — своей красотой, другая — плодovitостью, считая именно эти два качества присущими этим образам жизни соответственно. Кроме того, говоря о жизни созерцательной и деятельной, часто обращаются к образам Марии и Марфы. Святой Бернард имеет в виду, что Папа Евгений, который, прежде чем стал Понтификом, предавался лишь духовному деланию и вел созерцательную жизнь, страдает, чувствуя, что его от нее отрывают и вынуждают посвятить себя заботам деятельной жизни, таящей в себе опасность рассеяния духа и часто становящейся столь тяжким бременем, что у него не остается сил для созерцания Боже-

ственного. Читая святых Отцов, невозможно усомниться в скорби истинно благочестивых и набожных душ, оторванных от сладостного отдохновения и созерцания и брошенных в гущу мирских забот, когда их ставят на почетные места и дают звания, которые неотделимы от этих бесконечных забот. Да будет мне позволено привести известный пример, говорящий о том, какую боль и скорбь испытывает душа, утрачивающая духовный покой и безмятежное созерцание. Святейший Папа Григорий Великий, видя себя поставленным на самое почетное место в Церкви, горько оплакивал свое положение и участь и сравнивал с тем, что ему пришлось оставить. Его красноречивые слова могут служить полезным уроком для тех, кто не только не боится бремени почестей и забот, утраты созерцательной жизни, но, напротив, подобно телице Ефрема, полюбившей свое ярмо, одержимы жаждой получить чины и воображают, будто обретут счастье, сокрытое под их шипами. Пусть таковые послушают стенания святого Григория, сокрушающегося о том, что, став верховным Понтификом, он вынужден предаться мирской жизни и земным делам, более многочисленным, чем он когда-либо воображал. «Я потерял все радости, которые вкушал в уединении, душа моя опустила много более, нежели я поднялся телесно. Я оплакиваю свое отлучение от лица Создателя моего»... И далее он продолжает: «Со всех сторон на меня обрушивается поток судебных дел, погребаящий меня под собою, так что я вправе воскликнуть словами псалмопевца: «Я погрузился в пучины моря, и воды бурные затопили меня» (ср. Пс 69 (68), 3). Закончив судебные дела, только я хочу придти в себя, как меня одолевает множество суетных помыслов. Можно сказать, то, что в самой глубине моей души, ныне стало далеко от меня, и я не в силах сделать то, что повелел пророк: «Воззрите на себя, нарушающие закон Мой». Отягченный великим множеством ненужных забот, я готов вскричать вместе с ним: «Сердце мое оставило меня!» (ср. Пс 38 (37), 11). Я любил красоту созерцательной жизни, она была моей возлюбленной Рахилью, быть может, бесплодной, но прекрасной; ее безмятежность была, наверное, менее плодоносной, зато ее глаза лучше выдерживали сияние света. Однако не знаю, чьим судом случилось так, что свет для меня теперь мешается с тьмой, то есть с жизнью деятельной и полезной, но безобразной и почти слепой. Я с такой готовностью усаживался у ног Иисуса вместе с Марией, чтобы внимать Его словам, и вот я лишен этого и должен вместе с Марфой заботиться о внешнем и ис-

тощать свои силы в бесчисленных хлопотах». Так говорил святой Понтифик (*In. Regist. lib. I, epist. 5, 6, 7, 24, 25, 26*).

Послушаем еще одного Понтифика, носившего то же имя, а именно — Григория IX. Он был полон тех же мыслей и чувств и в письме камальдулам¹⁵ такими словами выражал тоску, терзающую его на Святом Престоле, и просил их о молитвенной помощи: «Мы так часто бываем оторваны от сладостных объятий Рахили, со взором чистым и ясным, докучливостью уродливой Лии и не имеем возможности отдаться молитве, как подобает; потому вас, сидящих у ног Господа с Марией и соединенных с нами узами братской любви, мы просим молитвенной помощи...».

Гл. 4, п. 5. «Но ведь это законы Юстиниана, а не Божественного Учителя». Злоупотребление законами стало причиной того, что многие истинно святые и праведные люди, вдохновленные подлинным стремлением к справедливости, резко критиковали их. Однако их критика была обращена не столько на сами законы, сколько на тех, кто ими злоупотреблял, поскольку именно из-за них возникали судебные процессы. Можно сказать нечто подобное, например, о вине: оно может принести немало вреда, но ведь дело не в нем самом, а в тех, кто им злоупотребляет. Да и есть ли что-либо, чего злоупотребление не превращает в порок? Что касается законов, то их использование извращается людскими амбициями и жадностью; потому нет такого неправого дела, которое не нашло бы себе защитника. Это порождает всевозможные процедуры, замедляющие ход процесса и мешающие довести его до цели, то есть до приговора судьи.

В отрывке, который нас занимает, святой Бернард советует Понтифику не позволять делам, связанным с толкованием законов Юстиниана и судебным разбирательствам, поглотить все его время. Но что мешает нам отнести это предостережение ко всем начальствующим в Церкви и даже ко всем церковнослужителям, которые порой столь ревностно изучают право и законы именно потому, что знают: это са-

¹⁵ Камальдулы — монахи бенедиктинской традиции, живущие в духе монашеской реформы, начатой в 1-й половине XI в. Ромуальдом в Камальдоли (ок. Ареццо, Италия). В настоящее время объединены в автономные монашеские конгрегации. — *Прим. ред.*

мый верный путь к почетному положению и всякого рода материальным привилегиям.

Что так исказило самую жизнь и намерения клириков, в результате чего они целиком погрузились в изучение и применение законов Юстиниана, тогда как по своему призванию должны были бы больше стремиться к познанию законов Господа и в них искать отраду? Разве не так должно быть, разве не об этом говорит их статус и самое имя, ибо слово «клирик» означает «взятый в удел Господом». Разве они сами не провозглашают этого каждый день, восклицая вслед за пророком: «Блажен муж, которого воля в законе Господнем, о нем он размышляет день и ночь» (ср. Пс 1, 2)? Однако святые Писания стали им чужды и незнакомы; они утратили вкус к чтению духовному и благочестивому, к которому даже не прикасаются. Без остатка погруженные в «Codex» и «Digestum», в «Novellae» и «Libella»¹⁶, они влекутся только к судебным делам, и процессы — их единственная отрада. Что же касается священного закона — Евангелия, святых подвигов и всего, что свято, это их едва занимает, и если они и прочтут несколько стихов из Псалтири, то поспешно и как бы походя, только во время службы, которая вынуждает их находиться в хоре и от которой они всегда стремятся поскорее отделаться. Вкусы их стали абсолютно мирскими, в них нет ничего духовного. Когда они размышляют над Законом Божиим, когда исполняют священные обязанности, подобающие их сану? А ведь они каждый день повторяют за псалмопевцем: «Как люблю я закон Твой, Господи! Весь день я размышляю о нем» (ср. Пс 119 (118), 97). Не понимаю, как они не боятся, что не только Бог, видящий глубину сердец, но и их собственная совесть укорит их за ложь и убедит привести в согласие свое сердце со своими словами. С какими намерениями произносим мы всякий день слова псалмов? Не для того ли, чтобы проникнуться чувствами, созвучными их смыслу, и в своей жизни следовать Божественному учению, которое в них заключено? Можно ли поверить, что они чувствуют то, что говорят (или, по крайней мере, повторяют за псалмопевцем), когда называют блаженным мужа, который размышляет над законом Божиим день и ночь? Неудивительно, что дух истинного благочестия мало-помалу покидает их: животворящая Божественная сила более в них не дей-

¹⁶ Сборники канонов по церковному и гражданскому праву. — Прим. ред.

ствует, они истощаются, сами не замечая того, и наконец умирают для духовной жизни.

Именно это заставило Пьера Блуа, человека высокообразованного и истинного знатока законов, сказать: «Для священнослужителей опасно слишком отдаваться практике законов; она настолько поглощает все способности человека, что совершенно отучает размышлять о Божественном и духовном» (*Письмо XXVI*). А в другом месте он продолжает: «Практика законов редко обходится без процессов, порожденных определенными договорами, которые являются источником всяческого вреда и всевозможных злоупотреблений, а также действий, обязательств, сентенций, приговоров и множества других процедур, лишь препятствующих ходу процесса и заставляющих его постоянно как бы возрождаться из собственного пепла». В таких выражениях он обращается к королю Англии в письме, в котором увещевает отвадить духовенство его королевства от увлечения юриспруденцией, дабы оно могло всецело посвятить себя изучению Священного Писания, гораздо более подходящего священнослужителям. Иоанн Солсберийский: «Следует отойти от изучения законов, дела более любопытного, нежели полезного». Фома, архиепископ Кентерберийский, впоследствии претерпевший мученичество ради Церкви, писал: «Я бы предпочел видеть, что Вы черпаете пищу в псалмах и нравственном учении святого Григория: разве кто-либо когда-либо испытал чувство сердечного сокрушения при изучении законов?»

Святой Карл Борромео держался тех же мыслей. Автор его жизнеописания сообщает, что, едва став епископом, он счел, что наука юриспруденции, которую он штудировал в молодости, отныне ему не подходит. И он стал усердно изучать богословие и каноническое право, посвящая этому все время, каким мог располагать кардинал, поставленный во главе большой епархии. Изучение богословия он дополнял изучением Святого Писания, Отцов Церкви и самых известных церковных авторов. А больше всего он любил науку священных канонов, открывавшую его глазам обычаи и жизнь Отцов и учившие его, как созидать Церковь и управлять ею. Огорченный тем, что большинство обычно интересуется лишь канонами, относящимися к судам и процессам, он сам назначил специальных людей изложить те каноны, которые наиболее знакомят со святыми установлениями Отцов, священными обрядами и наилучшими способами управлять Церковью (*Lib. VII, cap. XI*).

То, что установлено до нас, следует принимать правильно. Очевидно, что никакому здравомыслящему человеку не придет в голову осуждать изучение и практику законов в разумных пределах, когда цель их — не утолить чью-то алчность, а послужить справедливости и истине. Нужно только, чтобы те, кто вступил в святые монашеские ордена, учились, прежде всего, тому, что относится к их состоянию и служению; их стремления должны быть созвучны их призванию, и им не следует погружаться в изучение предметов, инородных ему. А более всего они должны стремиться приобрести то, что способствует совершенству. Да не впадут в грех небрежения к вещам важным, усердствуя в менее важных и чуждых их призванию».

Гл. 9. «Святой Папа Григорий по-прежнему мирно занимался своими учеными писаниями». Грохот оружия не смог заставить Григория Великого прекратить свои святые занятия, точно так же, как когда-то Архимеда. В предисловии ко второй книге проповедей на Книгу пророка Иезекииля он говорит, что в его работе было две трудности: неясность самих видений пророка и близость бедствий, нависших над Римом. «Я только что получил известие, — говорит он, — что Агилульф, король ломбардов, перешел реку По и движется на Рим, намереваясь осадить его. Так что, братья, судите, как трудно моему уму посреди всех этих тревог и опасений проникать в таинственный смысл слов Пророка». Однако именно в это время он написал столь же ясные, сколь и изящные комментарии к последней, самой туманной части пророчеств Иезекииля, как замечает святой Бернарда. Как же высшее и низшее духовенство проводит свой досуг в наше время, время мира и спокойствия? Скорее, в заботах о суетном и преходящем, чем в изучении святых предметов. Как часто мы видим их занятыми тем, что чуждо их званию, вещами столь же бесполезными, сколь и недостойными их! Что толку, что вы оставляете всякое занятие, что тратите время на суетное? Когда-то святые служители посреди самых тяжких трудов находили время для молитвы и богочитания; теперь же вряд ли можно найти тех, кто понимает значение времени и умеет его использовать как должно.

Гл. 10. «Чтобы Вы взяли за правило принимать решение быстро...». Святой Бернарда жалуется на адвокатов, которые, вместо того чтобы стараться угасить интриги и тяжбы, пытаются их раз-

жечь и подлить масла в огонь. Один процесс становится поводом для других, интриги следуют за интригами, и спор о выгодах, раз начавшись, никак не может закончиться. Тяжущиеся стороны разоряются, и для них часто было бы лучше уступить часть своих прав, чем продолжать искать возмещения с риском задолжать еще больше, потратившись на дальнейший процесс и в конце концов проиграв его. Поэтому святой Бернард желает сокращения процедуры и устранения всего, что мешает ходу дела. Он уверен, что истина в судебных прениях надежнее всего познается, когда в ведении дела есть простота и краткость.

Многие Соборы вносили по этому поводу поправки в законы и уставы, и мы были бы счастливы, если бы они исполнялись на практике. Например, документы Тридентского Собора (сессия XXIV, гл. 20, и сессия XXV, гл. 10) гласят: «Святой Собор рекомендует всем ординарным и прочим судьям прилагать все усилия к тому, чтобы процессы завершались в самое короткое время, и класть им конец всеми доступными средствами, назначая определенный законный срок или прибегая к другим подходящим средствам, устраняя уловки спорящих сторон, которые замедляют ход дела или отсрочивают вынесение решения».

Ревностный сторонник церковной дисциплины святой Карл Борромео всеми силами старался заставить соблюдать каноническое право, и, что интересно, «в его время нотариусы и судебные секретари почти забыли, как вести процессы по вопросам бенефициев, прежде так часто возникавшие в среде духовенства (*Жизнь Карла Борромео*, кн. VII, гл. XXXVI). Из рассказа Степлтона, автора жизнеописания Томаса Мора, известно, что и этот святой человек ужасался бесконечным процессам. «Он так скоро решал в своем суде все незаконченные дела, что однажды, завершив один из процессов и вызвав следующих участников, он услышал в ответ, что больше никого из ожидающих нет» (*Жизнь Томаса Мора*).

Книга II

Гл. 1, п. 4. «Предмет, которого я коснулся, слишком велик...». Поход в Святую Землю, к которому сам Бернард призывал в проповеди, закончился поражением. Это вызвало возмущение, ропот и нападки на святого, которые он пытается отразить и опровергнуть в начале этой книги. Не стоит думать, что он один придерживался такого мнения; многие другие авторы тоже высказывались в этом смысле, отстаивали его правоту и доказывали, что он не сделал ничего, чтобы навлечь на себя упреки. Например, [так высказывался] Готфрид Оксеррский (см. 3-ю и 4-ю книги *Жития святого Бернарда*); а Оттон Фрейзингенский в «Свершениях и подвигах Фридриха» (кн. 1 гл. 60) после философских размышлений на эту тему пишет: «Несмотря на то что этот поход стоил жизни многим христианам, он был делом правым и спасительным; и если даже он не привел к расширению палестинского королевства и истребил тысячи воинов, он все же оказался полезным для многих душ, для которых стал возможностью спастись. Впрочем, говоря, что святой аббат Бернард был вдохновлен Богом на проповедь этого крестового похода и что это мы в своем безрассудстве и гордыне, забыв его благоразумные советы, сами стали причиной всех несчастий и потери стольких людей, мы не скажем ничего неразумного или такого, чего бы мы не видели сами». Так говорит Оттон, принимавший участие в походе и своими глазами все видевший. Усомниться в достоверности его слов невозможно.

Однако да будет нам позволено привести здесь мнение еще одного автора, современника похода. Этот человек — Вильгельм Нойбриджский, автор, чья порядочность не вызывает никаких сомнений. Вот что он пишет в «Истории Англии» (кн. 1, гл. 20): «История учит нас, что однажды весьма значительное войско, оскверненное тайным преступлением одного человека, лишилось Божественного покровительства и превратилось в немощную и бессильную массу. Господь, к Которому взывали, видя, что происходит, сказал, что народ поражен проклятием, и прибавил: «Анафема в твоей среде, Израиль, и ты не сможешь противостоять натиску своих врагов до тех пор, пока осквернивший себя преступлением не будет изгнан из твоей среды» (Ос 7, 13). Однако наше войско настолько

попало все христианские законы, а заодно и военную дисциплину, что неудивительно, что оно стало мерзостью пред очами Господа и что Он лишил его Своего покровительства. Если взглянуть на одно только происхождение слова, то само название военных лагерей (*castra*) свидетельствует, что из них изгнан всякий разврат. Однако, по-видимому, так уж должно было случиться, что из-за пагубной распущенности в нашем стане царило постыдное и безграничное распутство. Доверяя собственной многочисленности и тактике, наши войска гораздо более полагались на свои плотские силы, чем на могущество и милосердие Господа, ради Которого, казалось бы, они и взялись за оружие. Итак, они получили неотразимое доказательство того, что Господь противится гордым, а смиренным дает благодать. Вдобавок наши воины стали заниматься грабительством на земле христианского императора, с которым заключили союз и который приказал снабжать их всякой провизией, чтобы они ни в чем не нуждались. Такое поведение раздражило императора, и он обратил свое оружие против них, одновременно прекратив поставлять провизию, в которой они нуждались, и, хотя был христианином, не поколебался пролить кровь таких же, как он, христианских воинов. Поскольку в нашем стане более не было пищи, а солдаты не могли покинуть его, чтобы ее добыть, последовал жестокий голод, который истребил десятую часть. Наконец, турки устроили им ловушку, в которую они попались; а там кто погиб от вражеского меча, кто был пленен и обращен в самое постыдное рабство. Божественный гнев, возбужденный гордыней и безрассудством людей, не был утолен этими карами. Обильные дожди, пришедшие прежде времени, привели к наводнениям, от которых погибло еще больше людей, чем от вражеского меча. Все эти бедствия почти целиком истребили две самые лучшие армии, и двум князьям, вставшим во главе их, с великим трудом удалось с остатками войск взять Иерусалим, откуда они с великим позором возвратились, не сделав ничего, достойного упоминания».

Гл. 5. «Как же случилось, что, будучи столь убогим и неразумным, я оказался вознесен над царствами и империями?». Святой Бернард считает, что воспоминание о своем прежнем жалком состоянии должно удерживать нас в границах скромности; оно прекрасно способно умерить высокомерие и гордыню. Хороший пример тому — Агафокл Сицилийский, который, будучи сыном горшечника, стал владыкой Си-

цилии. Чтобы мысль о своем титуле не заставила его забыть о скромности, своем происхождении и жалком состоянии, в котором он находился в прежние годы жизни, Евгений IV пожелал пользоваться только глиняной посудой, дабы она напоминала ему, из чего он произошел. Авсоний увековечил подобный исторический момент в одной из своих изящных эпиграмм. Николай Серар в «Истории Майнца» приписывает такое же решение Гилгизу, архиепископу Церкви этого города: родом из бедной семьи, он всегда вел себя соответственно высокому достоинству, в которое был возведен, но с тем большим смирением, чем выше восходил, и не упускал случая вспомнить, откуда он пришел. Поскольку его отец был каретником, он велел изобразить повсюду на стенах колеса и написать: «Гилгиз, не забывай, кем ты был когда-то». Он старался никогда не терять из виду эту славную эмблему, напоминавшую ему о его происхождении, и она до сих пор хранится в городе Майнце.

Гл. 13. *«У мирских пустые речи суть не более, чем пустые речи, тогда как в устах священника...»*. Святой Бернард не желает, чтобы священник, а тем более Папа, раскрывал уста ради пустых речей и сомнительных шуток. Уста, призванные проповедовать Евангелие, по его мнению, должны произносить лишь слова значительные и приносящие пользу и не говорить пустых вещей, как бы красиво они ни преподносились, ибо это профанация Евангелия. Петр Дамиани оставил прекрасный пример этой древней и суровой добродетели, отказавшись от публичной жизни и полюбив уединение. Он чувствовал, что в нем крепнут эти внутренние предпочтения, когда наблюдал за нравами духовенства в Риме и слышал его разговоры, грубые, пустые, со всевозможной игрой слов и фривольностями, как говорит святой Бернард. Послушаем, что говорит сам Петр Дамиани в письме к верховному Понтифику и другим кардиналам, где просит их принять его отказ от должности епископа Остии. «Было время, — говорит он, — да, было время, которое, к сожалению, прошло, когда скромность была в чести, а воздержание почиталось славным титулом, когда сдержанность и степенность были почетными спутниками священства. Однако ныне, даже если говорить только обо мне, то, как только я к Вам приступаю, Вы тотчас видите меня с острым или веселым словом на устах; мои речи изысканны, это настоящий поток любезностей, колких слов и вопросов, лишь доказывающих, что мы, священники, — больше ораторы и риторы, а еще, похоже,

настоящие шуты. Ведь как только между нами завязывается разговор, нас тотчас увлекает обаяние острого ответа, ум теряет серьезность и расслабляется, важные предметы тонут посреди взрывов смеха, и вскоре уже не слышно ничего, кроме постыдного жонглирования словами. Так душа, слишком распространившаяся за пределы себя, теряет мир, сердце черствеет, теряется почтительность и уважение к священству, и, что еще опаснее, мы удаляемся от того стиля поведения, которого должны придерживаться, дабы служить примером другим людям. Если же своего рода страх и воздержанность не дают нам впасть в эти излишества, нас считают бесчеловечными, как тигры Иркании, и холодными сердцем, как мраморные статуи. Тут я останавливаюсь, ибо чувство стыда не позволяет мне описывать некоторые другие, еще более постыдные и нелепые явления вроде псовых охот, страсти к азартным играм и прочее». Видно, что Петр Дамиани разделял мнение святого Бернарда и не меньше его порицал пустые разговоры, в которых великое множество церковнослужителей и даже епископов не видели и тени чего-либо недолжного или грешного.

В грехе, которого святой Бернард так советует Папе Евгению избегать, святой Григорий Великий исповедуется сам и сурово себя упрекает. Дойдя до слов Иезекииля: «Сын человеческий! Я поставил тебя стражем дому Израилеву» (3, 17), он обращает взор на свое служение и произносит слова, способные глубоко растрогать. Мы приведем их лишь отчасти; полностью их можно найти в 11-й Беседе на Книгу пророка Иезекииля: «Мне трудно выговорить эти слова, — сетует он, — ибо произношу их себе в осуждение. Как часто я предаюсь пустым и ненужным разговорам и в своем духовном очерствении пренебрегаю долгом наставлять и просвещать ближнего. Перед лицом Господа я одновременно нем и суесловен; нем в предметах важных, которые необходимо высказывать, зато суесловен в пустых речах... Когда я жил в своем монастыре, я умел обуздывать язык и хранить ум в почти постоянной молитве. Но с тех пор как я взвалил на свои плечи бремя пастырских забот, я не могу собраться, мои мысли рассеиваются во множестве разных предметов. А поскольку мне часто приходится общаться с людьми мирскими, я принужден порой позволить себе отступить от устава, заметив, что, когда соблюдаю его слишком строго, я отталкиваю от себя слабых и не могу вести их туда, куда хочу. Вот почему иногда я терпеливо выслушиваю всякую суету, которую мне говорят. И, будучи сам

немошен, я нередко поддаюсь очарованию этих вольных бесед настолько, что в конце концов начинаю с удовольствием участвовать в них, тогда как мне и слушать-то их следовало бы с сожалением; так я добровольно остаюсь там, куда сначала боялся зайти». Святой Амвросий, рассуждая о служениях, считает, что должен возбранить себе свойственную мирским людям привычку предаваться вольным беседам, и вот по какой причине: «Ибо, — говорит он, — даже если порой в этих легких беседах есть нечто приятное для слуха, они от этого не менее противны нравам Церкви» (Lib. I, cap. 23). А вот что говорит иезуит Шарль Леруа в своем «Христианском ораторе»: «Однако глашатаям святого слова, чьи уста, как говорит святой Бернард, посвящены проповеди Евангелия, прежде всех надлежит наблюдать за собой и не позволять себе ни в частном обиходе, ни публично ни легкомысленных слов, ни шуток или насмешек. Я не могу без негодования видеть этих ораторов, которые прямо с кафедры предлагают игру слов, шутки, анекдоты и побасенки, вроде тех, что я нахожу в недавно опубликованных сочинениях одного монаха. Пусть они прочитают святого Иоанна Златоуста (*Толкование на Послание к Ефесянам*, гл. 5) и увидят, насколько, по его убеждению, христианам подобает воздерживаться от всякого шутовского и смехотворного слова; и вместе с тем мы к удивлению своему обнаруживаем, что большинство христианских ораторов в своих речах весьма далеки от серьезности, которую этот мудрый человек желал видеть во всех верных; и далее Шарль Леруа напоминает приведенные нами слова святого Бернарда: «Он благоразумно предостерегает священного оратора от манеры, более приличествующей придворным и лицам мирского духа, нежели монахам и людям, исполненным Духа Божия, и более присущей политикам, чем исповедующим евангельскую простоту. То же можно сказать о вольности и легкомыслии, с которыми мы, в повседневных делах, под предлогом веселости нрава и игривости, позволяем себе вплетать в свои беседы и речи шутовские и пустые фразы или анекдоты, вызывающие смех, дабы таким образом, непринужденной беседой, удержать внимание своих друзей и великих мира сего (Lib. II, cap. 16). Так изъяснялся этот автор, вполне способный воспитать христианского оратора и достойный того, чтобы его почтили вниманием все, кто считает себя таковыми.

Книга III

Гл. 2, п. 7. «Несправедливыми же следует считать все те апелляции, которые не продиктованы невозможностью добиться справедливости». Вот мудрое учение Тридентского собора (сессия VIII) по этому поводу: «Поскольку часто случается, что те, кого обвиняют в преступлениях, прибегают к апелляции, притворяются оскорбленными, подают жалобы и создают препятствия на пути правосудия, дабы избежать заслуженного наказания и осуждения со стороны епископов, и мы не желаем, чтобы они пользовались средством, которое было установлено как средство помощи невинным, для своих ухищрений и клеветы, то святой Собор постановляет... и т.д.».

Гл. 3. «Один из Майнца, другой из Кёльна». Генрих I, архиепископ Майнца, изнемогая под бременем клеветнических обвинений своих каноников, воззвал к Святому Престолу, который его оправдал. Другой, Арнольд, бывший настоятелем монастыря Святого Андрея и в 1138 году ставший архиепископом Кёльна, вскоре после этого был обвинен в симонии¹⁷. Говоря о нем, автор «Великой хроники Бельгии», королевский каноник, августинец из Нуссии, уверяет, что он был обвинен в симонии в присутствии Папы Евгения III на Реймском соборе, где он был предварительно смещен с должности, в то же время, что и архиепископ Майнца. Оба они отправились в Рим. Генрих добился своей реабилитации, а Арнольду, несмотря на все его дары и приношения, это сделать не удалось.

Гл. 4, п. 18. «Когда существует насущная необходимость в диспенсациях...». Здесь уместно сказать о мнении Бернарда относительно диспенсации, которую, как он считает, можно предоставлять только в случае крайней необходимости и ради общего блага. Боюсь, что теперь ее дают и без необходимости, нимало не заботясь об общем благе, имея в виду, самое большее, благо нескольких отдельных

¹⁷ Симония — возведение в священный сан за деньги или иные приношения, а также покупка или продажа церковных должностей и бенефициев. — Прим. ред.

лиц. А такого рода диспенсация есть расточение. Мы думаем, что здесь вполне уместно вспомнить, как наш святой говорил об этом в одном из своих писем: «Напрасно его пытаются усыпить, рассказывая ему о диспенсации от Святого Престола, ибо его совесть связана словом Самого Бога» (Письмо I Роберу, п. 9). А в другом месте он говорит: «Мы, — восклицают они, — просили и добились разрешения от Папы! — Сколь убогое средство! Подобно нашим прародителям, Вы искали не одежды, чтобы ею покрыть свою изъязвленную совесть, а лишь препоясания, едва способного прикрыть зло, но никак не исцелить его. Лучше бы вы просили совета; то есть не стремились получить позволения, а [впрошались], позволительно ли вам!». Так он пишет в Письме VII (пп. 9 и 10).

Гл. 5, п. 20. «Роскошь одежд, которую он запрещает...». Многие авторы считают, что ту легкость, с какой во времена святого Бернарда роскошь и тонкость одежд почти безнаказанно распространялись среди духовенства, следует относить на счет того, что большая часть духовных лиц принадлежала к самому знатному дворянству королевства. Воспитанные в роскоши, эти люди с трудом принимали скромность и простоту, которых требовало от них новое положение. Кроме того, они держались прежнего богатства и великолепия в одежде, чтобы их не путали с клириками не столь высокого происхождения. Но какой разумный человек может похвалить такое пристрастие? Им следовало отречься от своих прежних повадок и образа жизни и одеваться так, чтобы он изменился, веруя, что самое прекрасное убранство и самое достойное одеяние для человека, посвятившего себя Богу, — это добродетель, скромность и благочестие. Но поскольку многие духовные лица пошли ложным путем, мы до сих пор видим, как благочестивые писатели и святые монахи берут на себя задачу вскрывать своим острым пером этот гнойник, который все больше грозит заразить всю Церковь. Многие настоятели и епископы и даже соборы пытались своими решениями и предписаниями искоренить роскошь в одежде, но святой Бернард сетует, что эти решения никогда не исполнялись. См. «Трактат о нравах и обязанностях епископов, против роскоши одеяний церковнослужителей» (гл. 2).

«Разве широкие прорезы в их одеждах не позволяют видеть все их формы совершенно непристойным образом...». Святые ка-

ноны строго запрещали духовенству разрезы в одежде. То, что когда-то называлось «одеждой с окнами» (см. Хронику Вюндесхайма, кн. II, гл. XLVII), представляло собой короткие накидки с широкими прорезями, несколько похожие на просторные камзолы, которые французы носят летом и в которых выглядят полуодетыми. Именно это заставило Петра Хризолога (*Беседа 122*) сказать: «Они искусно одеваются в наготу», — а святого Бернарда произнести слова, которые мы привели. Тем более что во времена нашего святого Учителя носили не только открытые камзолы с прорезями; панталоны или короткие брюки, судя по рисункам той эпохи, были не менее открытыми. Получалось, что, выйдя из храма и сняв с себя длинные богослужебные одеяния, священники ходили по улицам в костюмах, непристойность которых оскорбляла и взоры, и чувства верующих. Примерно то же мы читаем у Крезолла (*In mystag., lib. IV, cap. 13, sect. 5*), который свидетельствует, что это зло было распространено и в Германии, несмотря на бдительность епископов и их старания помешать его дальнейшему распространению и укоренению. Он упоминает даже некоторых архиепископов Кёльна, которые всеми силами пытались искоренить этот недуг с помощью церковной цензуры. В их числе — Конрад (1260 г.), Гвальрам (1337 г.), Вильгельм (1353 и 1360 гг.). Последний писал: «Отныне мы запрещаем всем лицам духовного звания и каждому из них по отдельности носить открытые, короткие, вырезанные одежды, а также одежды красного, зеленого или синего цвета на застежках или пуговицах».

Книга IV

Гл. 2, п. 5. «Вам со всех сторон кричат: «Берегитесь! Это не в духе времени, в которое мы живем! Вам надлежит больше заботиться о своем звании и титуле!». Вот источник развращенности князей и прелатов, дурных советников и ложных друзей, помышляющих только о лести и угождении во всем, что они говорят. Это и заставило Сенеку сказать: «Хочу показать вам, чего недостает тем, кто всего достиг, и тем, у кого ни в чем нет недостатка: им недостает, чтобы кто-либо сказал им правду... В самом деле, взгляните, как отсутствие

независимого слова и привязанность, превратившаяся в постыдное раболепие, толкает их всех к гибели. Никто не говорит им того, что думает; никто не отговаривает их, даже чувствуя, что должен это сделать; все полны угодливости, все их знакомые, видно, не помышляют ни о чем другом и не занимаются ничем другим, кроме как обманывают их всевозможными льстивыми речами» (Seneca, *De benef.* Lib. VI, cap. 30).

Вот почему святой Амвросий меньше опасался от природы вспыльчивого и резкого характера Феодосия, чем советов, которые давали ему люди его окружения. Потому он в своем 28-м послании так настоятельно просил императора ни к кому, кроме себя, не обращаться за советом, чтобы умерить порывы своей природной вспыльчивости и резкости. Он пишет: «Я желал бы, чтобы, не имея никого, кто бы Вас умирил, Вы не имели бы и никого, кто бы Вас подстрекал. Чтобы успокоить Вас, я гораздо более полагаюсь на Вас самого, чем на других. Вспомните об иных чувствах, и пусть Ваше благочестие восторжествует над гневливостью Вашей природы». Несомненно, он был прав, рассуждая так, ибо очевидно, что каких бы крайностей ни приходилось ждать от правителя, еще больших следует опасаться со стороны его ближних, если они не добродетельны. То, что случилось с некогда процветавшей империей Феодосия, доказывает, насколько справедливы были пожелания святого Амвросия. Бароний¹⁸ в 446 году (том 5) пишет: «Причиной упадка империи Феодосия и ее полного разрушения было то, что император правил ею по прихоти своих придворных, вместо того чтобы следовать разумным советам. Так что для правителя в высшей степени важно тщательно выбирать людей, которых он принимает в свое окружение, и помнить о примере Давида, на устах которого всегда были слова: «Не будет жить в доме моем поступающий коварно, и говорящий ложь не останется пред глазами моими» (Пс 101 (100), 7).

Гл. 3, п. 7. «Зачем Вам применять меч?». Святой Бернард учит, что оба меча — земной и духовный — принадлежат Церкви. Вторым пользуется она сама, а первый поднимают за нее. Один — в ее руке, другой — в руке воина, который извлекает его только по воле Церкви.

¹⁸ Чезаре Бароний (1538–1617) — кардинал, историк, монах-ораторианец; автор 12-томного труда «Церковные анналы». — Прим. ред.

ви и приказу императора. Многие политики, не говоря о сектантах, и даже некоторые богословы и канонисты некогда вооружились этими словами святого Бернарда (быть может, есть такие, которые еще ссылаются на них и в наши дни) для защиты императоров и правителей, восстающих на верховного Понтифика, и воевали против него посредством пера, тогда как цари делали это с помощью оружия. Они считают, что земной меч не принадлежит верховному Понтифику и что он может требовать поддержки императора и просить защитить Церковь только в качестве ее главы, то есть как самый могущественный и почтенный член Церкви, наравне с другими светскими правителями, однако сам он не имеет власти объявлять войну. В доказательство они приводят эти слова святого Бернарда, замечая, что земной меч вынимается из ножен рукой воина, но только с согласия Понтифика и по приказу императора. Кроме того, они цитируют слова Бернарда из его 156-го письма к Папе Евгению, где он говорит: «Поскольку Спаситель вновь страдает в местах, где некогда уже претерпел за нас смерть, настало время достать из ножен оба меча, которыми вооружился Петр в день Страстей Господних. Но кто это сделает, если не Вы? Однако если один из них извлекается словом Ваших уст или кивком головы, то второй должна извлечь из ножен рука, [но не Ваша]. Когда святой Петр захотел воспользоваться этим последним, Господь сказал ему: «Возврати меч твой в ножны». Стало быть, он принадлежал Петру, но не Петр должен был за него взяться».

Петр Дамиани¹⁹ (кн. 4, письмо 6), говоря о земном мече, считает непозволительным для Церкви прибегать к нему, однако один анонимный автор, издавший труды Петра Дамиани, опровергает это в одном обстоятельном примечании. Еще одним автором, которого я особенно рекомендую читателю, является Сикст Сиенский²⁰. Этот в высшей степени просвещенный писатель из Ордена проповедников комментирует слова святого Бернарда и освобождает их от всех

19 Св. Петр Дамиани (ок. 1006 — 1072) — монах-бenedиктинец, выдающийся богослов и церковный деятель, провозглашенный Учителем Церкви. — *Прим. ред.*

20 Сикст Сиенский (1520–1569) — итальянский богослов, монах-доминиканец; автор труда по библеистике «*Bibliotheca Sancta*» («Священная библиотека»). — *Прим. ред.*

ложных толкований Кальвина и его последователей (*Bibliotheca Sancta*, lib. XI, an. 72).

Гл. 4, п. 9. «Почему же Вы не ищете их по всему свету?». Здесь святой Бернард весьма своевременно напоминает верховному Понтифику, что он должен выбирать кардиналов не только в одной стране и из одного народа, а по всему миру. Впрочем, именно такое правило было установлено на соборе в Базеле, а затем на Тридентском Соборе (24-я сессия, гл. 1 «Реформы»), текст которого гласит следующее: «Что касается кардиналов, то Его Святейшество Римский Понтифик должен, насколько это возможно, выбирать их из всех христианских стран». Наиболее очевидная причина такого предписания в том, что апелляции и дела поступают со всех концов мира, и, чтобы их решить, состояние всех народов должно быть известно и хорошо изучено, ибо наибольшие ошибки в правлении совершаются тогда, когда правящие ничего не знают о положении того или иного сообщества. Невозможно для иностранца держать в уме, как это требуется в подобных случаях, все, что касается просвещения чужой страны, а не их собственной, восстановления в ней порядка и мира, управления ею. Кроме того, поскольку папский двор имеет дело со всеми правителями и государствами мира, в совете верховного Понтифика должны присутствовать представители всех стран, и дела должны решаться с их участием и советом. Наконец, в консистории, верховном суде Церкви, который должен бы быть самым неподкупным судом в мире, не должно выказываться предпочтение одних народов и пренебрежение к другим, и никто не должен оставаться без защитников.

«Что же касается духовного лица, которое постоянно посещает двор, не принадлежа к нему...». Многие светские правители разделяли мнение святого Бернарда и полагали, что таких людей можно вполне обоснованно заподозрить в стремлении к почестям, и именно потому они их недостойны. Например, Филипп II, король Испании, назначил одного церковнослужителя епископом; но едва услышав, что тот находится при дворе, тотчас отменил свое решение и порвал уже подготовленные письма о его назначении.

Однако хуже всего и совсем уже неприемлемо то, что прелаты и высокие сановники Церкви оставляют места своего жительства и покидают свою паству, чтобы возвращаться при дворе и обслуживать вельможам и князьям. А те, кто без причины их удерживает около

себя и не отсылает обратно в епархии, виновны в той же степени, что и они. Вот что писал по поводу одного из канонов Халкидонского Собора возмущенный таким положением вещей Жентьен Эрве²¹: «Это истинное несчастье — видеть в Риме толпу епископов, которые предпочитают обращаться в свите и служить кардиналам, вместо того чтобы исполнять свои обязанности в епархиях. Верховный Понтифик, который поднял бы свой бич, чтобы выгнать их пусть не из Церкви, но из Рима в поместные Церкви, по-моему, исполнил бы свое предназначение наместника Иисуса Христа». Так он изъяснялся, быть может, несколько сурово.

Гл. 4, п. 12. *«Итак, не принимайте людей, которые гонятся лишь за почестями...»*. Конечно, святой Бернард не имеет в виду, что надо выбирать людей, недостойных почестей; однако те, кто достоин избрания, должны его бояться. В самом деле, почему есть столько людей, ищущих лишь славы и привилегий? Потому что они не думают о неотделимых от этого обязанностях. Когда человек думает только о почестях, они его влекут, а когда думает об обязанностях, они его устрашают. Как же можно надеяться, что те, кто не дает себе труда помыслить об обязанностях, налагаемых титулом, которого они жаждут, возьмут их на себя, достигнув титула? Святые всегда принимали титулы и высокие должности, на которые их ставили, против воли. И чем больше отвращения они питали к ним, тем более добросовестно принимали связанные с ними обязанности. То есть они избегали почестей, ибо видели их не с внешней стороны, которая такова, что льстит сердцу, но видели все шипы и старались держаться от них подальше и даже бежать от них. Но поскольку, несмотря на свое отвращение, они не могли избежать их вовсе, не оскорбив Провидения и не нарушив послушания вышестоящим, они в конце концов брали на себя это бремя, делая из необходимости добродетель, и мысль об этом придавала им сил и помогала нести тяготы. Почувствовав, что бремя давит на них очень тяжело, они старались всеми возможными средствами оказаться на высоте обязанностей, которые приняли, и совершали великие дела, доказывая, что призва-

²¹ Жентьен Эрве (1499–1584) — французский католический священник, богослов и переводчик, автор сочинения о Тридентском Соборе; резко полемизировал с кальвинистами. — *Прим. ред.*

ны трудиться, а не жить в покое и довольстве, и старались принести плоды на высоком посту, на который их поставили, и уметь дать отчет за полученный талант. Таким был отказавшийся от священства Элиодор, которого святой Иероним приводит нам в пример. Именно потому, что он отказывался от сана, как говорит [Иероним], он его заслуживал, и был тем более его достоин, чем больше ему противился. Таков же был Папа Корнелий, о котором святой Киприан в своем 52 письме говорил: «Он не то что не пытался силой достигнуть понтификата; напротив, к нему пришлось применить силу, чтобы он его принял». Потому император Лев I в 469 году (*Littera XXXI, canones de Episcopis et clericis*) принял постановление о том, что епископ не поставляется за деньги, но следует склонить его к принятию этой должности силой молитв. Он должен быть настолько чужд всякого честолюбивого помысла, чтобы его приходилось разыскивать, дабы принудить; чтобы в ответ на уговоры принять [хиротонию] он отказывался, а приглашенный приблизиться, бежал и не имел иного желания, кроме того, чтобы его отговорки и доводы были приняты».

Что касается других качеств, которые требуются от кардиналов, см. акты Латеранского Собора (сессия IX).

«Они не стремятся обогатиться... за счет имущества вдовы и наследия Распятого». Слова святого Бернарда подтверждает Тридентский Собор (сессия XXV, гл. I «Реформы»), а также апостольские постановления (LXV, XXIX), Антиохийский Собор (канон XXV), IV Карфагенский Собор (гл. XV, XXXI) и др. Интересно также, что говорит Папа Корнелий по поводу 44-й главы Книги пророка Иезекииля, то есть по поводу заповеди, запрещающей первосвященнику проливать слезы над умершим, даже если это его мать или отец. «Вот, говорит он, как должны были вести себя священники Ветхого Завета, даже связанные родственными и семейными узами; и что делают теперь священники и епископы Нового Завета, которым Бог предписал безбрачие и воздержание, дабы они могли печься о небесном, свободные от всяких земных интересов, и умом, чистым от всего, обращаться к Богу и предаваться размышлению о вечных благах?» В этом же смысле святой Василий в своих «Монашеских установлениях» (гл. XXIII) говорит: «Поскольку мы знаем, что привязанность к родным есть нестерпимое зло, перестанем хлопотать о них и будем считать свое желание хорошо устроить их орудием, с помощью которого бес пытается нас одолеть». «Вот, говорит один мудрый наставник,

ловушки, которые враг расставляет на их путях: он подменяет детей, которых у них нет, родителями, и внушает им мысль печься о них, стараться вывести их из безвестности и мало-помалу добиться их благополучия и почетного положения. Они заботятся о возвышении и увековечении своего рода, для них это — средство сохранить собственное имя и сделать его известным потомству, так что мы вправе сказать словами поэта: «Творец пожелал не давать духовному званию потомства; дьявол заменил его великим множеством родных».

Да, таковы ухищрения и уловки беса, камень преткновения многих церковнослужителей, вполне добродетельных. Они падают, споткнувшись об него; семейные связи и привязанности одолевают их, сковывают и внушают стремление любой ценой, не покладая рук, удовлетворять желания своих ближних, приобретая для них богатства и даже имущество Церкви, и заставляют забыть об угрозе гибели, которой они таким образом подвергают и свою, и их души. Эта потребность проникает [в душу], внедряется в ней и растет подобно скрытому пламени, то есть в зависимости от пищи, которую ей даешь, и скоро становится неугасимой и подобной опустошительному пожару. Так священники становятся земными существами из небесных существ, каковыми они должны быть, и не восходят, а нисходят. Они должны были бы взирать на все человеческие заботы как бы сверху, показывать, что они выше их, и своим примером учить людей почитать их за сор; а вместо того сами до них опускаются и низводят на землю дух, призванный парить в небесах... О душа, пригнувшаяся к земле, о дух, утративший небесное! Сколь удалились эти люди от Иисуса Христа и отступились от Отцов!».

Книга V

Гл. 4, п. 8. «Что же означают эти различия чинов?». Существует девять хоров ангельских, отличающихся друг от друга чином и достоинством. Таково мнение многих Отцов, в частности, святых Игнатия (письмо к Траллию), Дионисия, который рассматривает их в своей «Небесной иерархии» (гл. 6), различая три иерархии ангелов, каждая из которых разделена на три хора. Этим Отцам вторят святые

Григорий (Беседа XXIV о Евангелии), Иероним («Апология против Руфина», кн. 2), Иоанн Златоуст (Беседа IV на Книгу Бытия), а также наш святой в проповеди о святом Мартине и в Беседе на Песнь Песней. Однако не все Отцы одинаково видят порядок расположения этих девяти хоров. См. также св. Фома Аквинский (*Summa theol.* I, 9, 108 а.с.).

Интересно, что святой Бернад по этому поводу скорее высказывает предположение, чем утверждение. Это совершенно понятно, потому что и число, и отличительные свойства ангелов есть нечто, абсолютно выходящее за пределы чувственного постижения и человеческого опыта. Потому в столь неясном предмете нельзя полагаться на свет разума, но следует проявлять чрезвычайную осторожность и не переходить пределов, освещенных двумя факелами — Писанием и Церковью. Итак, святые Отцы касались этого вопроса очень сдержанно. См., например, св. Иларий (*Enarr. Ps CXXIX*). Августин (*Enchirr.*, Cap. LVIII) признается, что ничего не знает об этом высшем и блаженном сообществе ангелов и о том, чем они отличаются друг от друга. Даже святой Дионисий, рассуждая о чинах ангелов, говорит, что на самом деле только Богу и самим ангелам ведома природа небесных духов.

Содержание

Предисловие к русскому изданию.....	5
Пролог.....	13
Книга I	15
Глава 1. Святой Бернард вместе с верховным Понтификом скорбит о том, сколь тот обременен многоразличными заботами	15
Глава 2. О том, как привычка приводит к предосудительным обыкновениям и к ожесточению сердца.....	17
Глава 3. О том, что князьям Церкви не подобает заниматься лишь выслушиванием исков и судебными разбирательствами	20
Глава 4. О двух видах рабства: одно подобает, а другое не подобает рабу рабов Божиих	22
Глава 5. О том, что мы никоим образом не должны печься о других до такой степени, чтобы пренебречь самими собою	24
Глава 6. О том, что судебная власть принадлежит скорее мирским князьям, нежели князьям Церкви	26
Глава 7. О том, что прежде всего следует исполнять долг благочестия и размышлять о вечном	29
Глава 8. О том, что благочестие и созерцание порождают единство и созвучие четырех основных добродетелей	31
Глава 9. О том, что необходимо мало-помалу отойти от примера последних Римских пап, чтобы приблизиться к древним образцам	35

Глава 10. В которой святой Бернард сурово порицает злоупотребления судей, защитников и прокуроров и решительно восстает против их коварных уловок.....	37
Глава 11. О том, что защитников и обвинителей, стремящихся обогатиться посредством неправедного суда, необходимо сурово наказывать.....	39
Книга II	41
Глава 1. Святой Бернард отражает нападки, которым подвергся после поражения крестового похода	41
Глава 2. О том, что не следует смешивать размышление с созерцанием	46
Глава 3. Размышление состоит из четырех частей	47
Глава 4. О том, что познание себя требует от человека творящего размышления. Первый предмет его	49
Глава 5. О том, что второй предмет размышления — это усердное рассуждение о том, кто мы и откуда приходим	51
Глава 6. О том, в чем должны проявлять усердие князья Церкви	53
Глава 7. Возвращаясь к вопросу, поставленному в начале, святой Бернард более подробно исследует, что такое верховный Понтифик.....	59
Глава 8. О превосходном достоинстве и власти Понтифика.....	62
Глава 9. О том, что нам следует размышлять над тем, что мы есть относительно своего естества	65
Глава 10. О том, что третий предмет размышления — это исследование того, каковы мы есть	68
Глава 11. Святой Бернард особенно настоятельно советует верховному Понтифику тщательно исследовать себя	70
Глава 12. О том, что не следует ни утрачивать бдительность в благополучии, ни приходить в отчаяние в несчастье	72

Глава 13. О том, что верховный Понтифик должен избегать праздности, пустых дел и бесполезных разговоров	74
Глава 14. О том, что в своих суждениях следует тщательно избегать пристрастности к людям	76
Книга III	79
Глава 1. О том, что роль верховного Понтифика состоит не столько в том, чтобы подчинить своей власти всех людей, сколько в том, чтобы, насколько возможно, помочь им приобщиться к Церкви	79
Глава 2. О том, как поступать с апелляциями к Святому Престолу	85
Глава 3. О том, что начальствующие [в Церкви] поставлены во главе верных не для того, чтобы господствовать над ними или обогащаться, а для того, чтобы печься о спасении душ.....	93
Глава 4. О том, что не следует без причины вносить путаницу в звания и чины церковной иерархии. Святой Бернард сурово порицает тех, кто озабочен поисками привилегий и льгот	96
Глава 5. О том, что долг верховного Понтифика — тщательно следить за тем, чтобы по всей Церкви соблюдались постановления Святого Престола и предписания его предшественников	103
Книга IV	107
Глава 1. Повествование о тех, кто Вас окружает.....	107
Глава 2. О нравах духовенства и римского народа, о бдительности и заботе пастырей прошлого.....	109
Глава 3. О преобразованиях, которые надлежит предпринять в связи с великолепием одеяний, а также об усердии, необходимом верховному Понтифику	114
Глава 4. О том, каких людей верховный Понтифик должен выбирать для своего окружения и помощи в своем служении. Добродетели, которые необходимы высшему духовенству	118

Глава 5. Примеры, которыми доказывается необходимость не принимать даров; суровое порицание высокомерия служителей Папы.....	123
Глава 6. О том, что у верховного Понтифика есть много других дел, кроме попечения о собственном доме, которое следует поручить эконому	127
Глава 7. Эпилог, где вкратце вновь перечисляются качества, которые требуются от верховного Понтифика	133
Книга V	135
Глава 1. Размышление о том, что находится выше Вас, то есть о Боге и Божественном. О том, что иногда душа возвышается до Божественного посредством созерцания тварного.....	135
Глава 2. О разных степенях размышления	138
Глава 3. О трех способах познания того, что превыше нас, то есть Бога и ангелов	140
Глава 4. О том, каким образом следует мыслить об ангелах.....	143
Глава 5. О том, что благодатные дары, которыми обладают Ангелы, исходят от Бога.....	148
Глава 6. О понятиях начала и сущности, относящихся только к Богу.....	151
Глава 7. О простоте Бога и о Трех Божественных Лицах	154
Глава 8. О том, что наличие Лиц в Боге происходит от Его свойств, тогда как сущность Его едина и проста	158
Глава 9. О том, что, подобно тому как в Боге есть простая природа в трех Лицах, в Иисусе Христе есть единое Лицо в разных природах	161
Глава 10. О применении притчи из Евангелия от Матфея о трех мерах к Иисусу Христу.....	163
Глава 11. Продолжение размышления о Боге.....	165
Глава 12. Бог воздаст за добрые дела добром и наказывает за злые дела с величайшей справедливостью.....	167

Глава 13, в которой святой Бернард столь же проникновенно, сколь и изящно рассуждает о долготе, широте, глубине и высоте Божиих.....	171
Глава 14. О том, как нам, по словам Апостола, постичь эти четыре атрибута	174

Примечания Хорстиуса и Мабийона.....	177
Книга I.....	178
Книга II.....	185
Книга III.....	190
Книга IV.....	192
Книга V.....	198

В серии FONS MONACHORUM
выпущены следующие книги:

Жан Леклерк
Любовь к словесности и жажда Бога, 2015

Режин Перну
Хильдегарда Бингенская, 2015

Жан Леклерк
Святой Бернард и дух цистерцианцев, 2013

Хавьер Гарридо
Христианский целибат: величие и нищета, 2011

Бернард Клервоский
О размышлении

Некоммерческая организация частное учреждение
Издательство Францисканцев
123100 Москва, Шмитовский проезд, д. 2, стр. 2
тел.: (495) 605-44-93
<http://www.edit.francis.ru>
e-mail: franmosc@df.ru
Тираж 1000 экз. Заказ № 5234.

12+

Интернет-магазин христианской литературы
Тел.: (495) 981 57 60, факс: (495) 605 48 94
<http://www.store.icatholic.ru>
books@francis.ru

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, www.oaompk.rf тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

Бернард Клервосний

...**Л**юбовь к собрату, ставшему Папой, дает Бернарду возможность оставить все опасения и говорить искренне и от сердца. Как и всем его творениям, этому тексту присуща в высшей степени связанная, стройная манера выражения мыслей, изящные переходы от одной темы к другой, ясность и убедительность аргументов, духовная глубина и пророческая сила обличения. Некоторые комментаторы сравнивали эту книгу с формой цистерцианских аббатств или храмов, которые отличаются строгой, но изысканной красотой...

«Первый плод размышления – очищение его собственного источника, то есть души, в которой оно совершается. Затем оно приводит в порядок чувства, направляет поступки, умеряет крайности, сообразует нрав, побуждает к жизни порядочной и честной; наконец, дает знание вещей Божественных и человеческих. Благодаря ему хаос уступает место порядку. Оно сближает расходящееся и собирает рассеянное, проникает в тайное, усердно ищет истину, исследует то, что имеет лишь ее видимость, и разоблачает ложь и фальшь».

Св. Бернард

ISBN 978-5-89208-131-3

9 785892 081313